

В. Н. КУДРЯВЦЕВ

ОБЪЕКТИВНАЯ
СТОРОНА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Государственное издательство,
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1960*

Настоящая монография посвящена теоретическому анализу объективной (внешней) стороны преступления и образующих ее элементов: преступного действия и бездействия, вредного последствия и причинной связи между ними. В ней по-новому освещаются вопросы о способе и обстановке совершения преступления, об уголовноправовой противоправности, о природе преступных последствий, о причинной связи как элементе состава преступления, о дящихся преступлениях, о соотношении состава преступления и диспозиции уголовноправовой нормы и другие. Автор использовал в работе новое уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик, а также судебно-прокурорскую практику. В книге дана критика буржуазного уголовного законодательства и уголовноправовых теорий.

Книга рассчитана на работников суда и прокуратуры, научных работников в области уголовного права, а также на преподавателей и студентов высших юридических учебных заведений.

ВВЕДЕНИЕ

Вступление советского народа в исторический этап развернутого строительства коммунистического общества выдвигает перед советской юстицией новые важные требования. «Формирование нового человека с коммунистическими чертами характера, привычками и моралью, ликвидация пережитков капитализма в сознании людей является в настоящее время одной из главных практических задач»,— говорится в постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях»¹. В борьбе с антиобщественными явлениями основное значение приобретают применение мер воспитательного и предупредительного характера, широкое привлечение общественности к борьбе с преступностью.

Передача ряда государственных функций общественным организациям не означает ослабления роли судебных и прокурорских органов в борьбе с преступностью. «Эти органы,— указывал тов. Н. С. Хрущев,—будут продолжать свою деятельность в целях воздействия на лиц, которые злостно не подчиняются нормам социалистического общества и не поддаются воспитанию»². Стоя на страже социалистического правопорядка, органы юстиции должны во всей своей деятельности строго соблюдать требования социалистической законности, не допуская фактов привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц и не оставляя преступников безнаказанными.

¹ «Правда» 10 января 1960 г.

² Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС, М., 1959, стр. 122.

Новые задачи и формы практической деятельности судебных и прокурорских органов в современных условиях обязывают к дальнейшему расширению и углублению теоретических исследований в области советского уголовного права. Существенное значение в этих научных исследованиях принадлежит проблемам, связанным с понятием и составом преступления, основаниями уголовной ответственности и условиями, необходимыми для постепенной замены ее мерами общественного воздействия.

Преступление, как социальная и юридическая категория, за последние годы подвергается углубленному изучению. В этом отношении достаточно указать на работы А. Н. Трайнина о составе преступления, Б. С. Никифорова об объекте преступного посягательства, Б. С. Утевского, Т. Л. Сергеевой и В. Г. Макашвили о вине, М. И. Орлова о субъекте преступления и др. Имеются работы и по отдельным элементам объективной стороны преступления: причинной связи (А. А. Пионтковского, М. Д. Шаргородского, П. С. Семенова и др.), преступным последствиям (Н. Ф. Кузнецовой, А. С. Михлина). Но до сих пор в советской литературе нет общего исследования объективной стороны преступления, если не считать соответствующих глав учебников для высших юридических учебных заведений.

Между тем анализ объективной стороны преступления имеет немаловажное значение, в частности, для понимания других элементов состава, особенно субъективной стороны и объекта, а также преступления в целом.

Решения XX и XXI съездов партии и принятые в последние годы новые законодательные акты наметили в области судебно-прокурорской деятельности последовательную линию на смягчение уголовной ответственности за менее опасные правонарушения, на усиление внимания к личности виновного и всем конкретным обстоятельствам дела. Степень общественной опасности преступления, обстановка, место, время, способ совершения преступления, тяжесть наступивших последствий, характер их связи с поведением обвиняемого и другие признаки объективной стороны имеют существенное значение при решении вопроса о наказании виновного в уголовно-правовом порядке или о применении к нему мер общественного воздействия. Требование Пленума Верховного Суда СССР — «внимательно и вдумчиво подходить к вопросу

о привлечении к уголовной ответственности и назначению наказания с тем, чтобы оно было разумно, целесообразно и максимально способствовало исправлению осужденного»¹— предполагает глубокое изучение всех сторон совершенного преступления, в том числе и его объективной стороны.

С теоретической точки зрения изучение объективной стороны преступления важно в современных условиях, в частности, потому, что за последние годы в этой области накопилось много новых вопросов и наметилась ломка некоторых традиционных представлений, необходимая в интересах дальнейшего развития науки и совершенствования судебной и прокурорской практики.

Отметим здесь только такие проблемы, как вопрос о природе дящихся преступлений, о принципах квалификации преступлений по совокупности, о значении поведения потерпевшего для уголовной ответственности, о понятии и степени общественной опасности деяния и др. До сих пор нерешенным остается вопрос о критериях юридически значимой причинной связи. В связи с принятием новых уголовных кодексов союзных республик возникает необходимость в рассмотрении новых форм общественно опасных деяний, предусмотренных этими кодексами. В уголовном законодательстве и судебно-прокурорской практике наблюдаются новые тенденции, связанные с дальнейшей «материализацией» уголовноправовых понятий и институтов. Большое значение имеет анализ связи между общественно опасным деянием и условиями, способствующими его совершению.

Борясь с преступными посягательствами, советские судебные и прокурорские органы неуклонно проводят в жизнь требования советского законодательства, выражающего волю трудящихся нашей страны. Однако само законодательство не первично, оно отражает объективные закономерности общественного развития, в том числе и такие, которые определяют характер, внешние формы и последствия антиобщественных поступков, а также их отрицательное значение для интересов общества. Поэтому научный анализ объективной стороны преступле-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О практике применения судами мер уголовного наказания» от 19 июня 1959 г., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4, стр. 5.

ния не может ограничиваться изучением нормативного материала или примеров из судебной практики, а должен включать рассмотрение тех объективных закономерностей, на основе которых создаются юридические нормы и затем осуществляется прокурорская и судебная деятельность. За диспозицией той или иной статьи уголовного кодекса надо видеть социальные явления, которые ее породили.

При таком анализе яснее становится историческая обусловленность уголовноправовых норм и основанной на них практики работы органов юстиции, а вместе с тем и исторически неизбежное изменение решения ряда правовых вопросов.

**ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

§ 1. Понятие объективной стороны

1. Преступление, как и всякое иное явление, можно рассматривать с различных точек зрения. Поскольку преступление — это человеческий поступок, то вполне закономерным и весьма важным представляется его психологический анализ — изучение преступления как проявления свойств данной личности, раскрытие мотивов и целей преступника. При этом уясняется внутренняя, субъективная сторона преступного поведения и устанавливаются его непосредственные причины.

Этот анализ находится в самой тесной связи с разработкой общего учения о причинах преступности в социалистическом обществе. Действительно, не зная общих закономерностей развития общественных явлений и не изучая тех процессов, которые обуславливают еще наличие преступности в нашей стране, трудно глубоко раскрыть причины каждого отдельного преступления, правильно понять подлинные побудительные мотивы поведения лица и избрать необходимую в данном случае меру государственного принуждения или форму общественного воздействия. И наоборот, правильное решение общей проблемы о причинах преступности требует тщательного изучения индивидуальных целей, мотивов и других субъективных признаков совершаемых преступлений, а также личности преступников.

Отдавая должное значению этих вопросов, следует, однако, сказать, что не менее важным представляется и другой аспект изучения преступления, при котором обращается основное внимание на его внешнюю,

объективную сторону. Как и всякий акт внешне-го человеческого поведения, преступление представляет собой определенное психофизическое единство. Оно не только имеет субъективное, психическое содержание, но и вместе с тем выражается во внешних, объективных формах поведения, в действии (бездействии) субъекта, вызывающем изменение окружающей действительности.

В социалистическом обществе преступление, будучи антиобщественным поведением, отрицательно воздействует на социалистические общественные отношения и их участников, причиняет вред тем или иным интересам советского общества. Как указывается в ст. 7 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года, преступление посягает на советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, на весь социалистический правопорядок.

Каким образом осуществляется это отрицательное воздействие на социалистические общественные отношения? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо раскрыть механизм общественно-опасного посягательства, проследить связь между совершаемыми человеком поступками и последующими изменениями в окружающей действительности, в большей или меньшей степени отвлекаясь от других свойств и признаков деяния, в частности, от его субъективных признаков. При таком анализе рассматриваются главным образом внешние формы процесса посягательства на охраняемый законом объект, образующие объективную сторону преступления, обращается внимание на тот объективный вред, который причиняет преступление интересам общества, вскрывается отрицательное социальное значение преступления для дела построения коммунизма. Анализ объективных признаков преступлений имеет также большое значение для проведения мероприятий по их предупреждению.

Разумеется, оба указанные аспекта находятся в тесной взаимосвязи. Невозможно правильно понять механизм совершения преступления, не учитывая того, что оно совершается человеком, преследующим определенные цели и действующим в обществе, среди других

людей. Но столь же неправильно было бы ограничиваться психологическим аспектом, забывая о том, что именно объективная сторона преступления является реальным воплощением и выражением во вне целей и намерений субъекта и что именно в ней в конечном счете проявляется основное социальное свойство преступления — его общественная опасность.

Выделение объективной стороны как элемента единого преступления носит условный характер — в том смысле, что в реальной действительности не существует один этот элемент преступления (как и другие его элементы). Однако такое условное расчленение имеет под собой реальную почву, ибо каждый из элементов преступления характеризует его с особой стороны и раздельный анализ этих элементов позволяет более глубоко уяснить социальную сущность и юридическое значение преступления в целом.

2. Содержание объективной стороны преступления.

Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата.

Когда говорят о преступлении как о совершившемся факте, на первый план выступают только некоторые признаки объективной стороны, и прежде всего — наступивший результат. Однако преступление — это не застывшее, статическое явление, а процесс, развертывающийся в пространстве и времени. Оно включает более или менее продолжительное и разнообразное поведение человека, действие различных сил природы, приведенных человеком в движение, и далее — наступление изменений в предметах внешнего мира, в социальных явлениях — общественных отношениях. На протяжении этого процесса объективная сторона преступления непрерывно развивается.

При этом можно выделить три главных этапа (или элемента), из которых в наиболее общем случае¹ складывается объективная сторона.

¹ Здесь и далее мы исходим из широкого понимания преступления как всякого запрещенного уголовным законом общественно

Первым этапом, начальным элементом преступления всегда является общественно опасное действие (бездействие) субъекта. Однако оно не относится к объективной стороне полностью. Человеческое деяние есть единство субъективных и объективных признаков¹. Оно одновременно и субъективно, и объективно, так как представляет собой проявление внутренних свойств человеческой личности и вместе с тем служит формой взаимодействия человека с внешней действительностью. Поэтому в объективную сторону преступления действие входит не полностью (как это имеет место в отношении преступного результата), а только своей внешней (исполнительской, физической) стороной, своим внешним выражением².

При рассмотрении преступного деяния его следует брать не изолированно, а в тех конкретных условиях места, времени и окружающей обстановки, в которых оно было выполнено. Поэтому существенными характеристиками преступного действия (бездействия) являются способ, место, время и обстановка совершения преступления. Однако они не являются самостоятельными элементами объективной стороны, так как они только характеризуют деяние (действие или бездействие) преступника. К объективной стороне относятся поэтому не сами способ, место, время и обстановка совершения преступления, взятые помимо или наряду с действием (бездействием), а внешняя сторона общественно опасного действия (бездействия), выполненного определенным способом в данных условиях места, времени и обстановки.

Действие (бездействие) лица производится обычно в течение более или менее продолжительного времени и образует первый, но не единственный этап процесса преступного посягательства. Совершая общественно

опасного деяния, т. е. включаем в это понятие оконченное преступление, покушение, приготовление и деятельность соучастников (см. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, М.—Л., 1948, стр. 3—4).

¹ «Практическое действие не может быть сведено к внешнему деланию, к оперированию, к своей исполнительской части, к движению, посредством которых оно осуществляется. Оно необходимо включает и чувственную, познавательную часть...» (С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, М., 1957, стр. 52).

² См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 52.

опасные действия, субъект влияет на окружающую действительность, производит в ней различные изменения, которые, в свою очередь, вызывают дальнейшее развитие событий. На этом этапе, который носит название причинной связи между деянием и преступным результатом, развитие событий может приобретать различное направление в зависимости как от характера поступка, так и от условий места, времени и обстановки. Присоединение новых сил, вмешательство других лиц, изменение окружающих условий в этот период служат одной из существенных причин большого разнообразия форм объективной стороны.

Наконец, преступление заканчивается наступлением общественно вредных изменений в объекте посягательства. Эти изменения, представляющие собою ущерб социалистическим общественным отношениям, относятся к третьему элементу объективной стороны — преступному последствию. Причинная связь и преступное последствие в отличие от преступного действия (бездействия), имеющего двойственную природу, носят сугубо объективный характер и полностью входят в содержание объективной стороны.)

Таким образом, в объективную сторону преступления входят: 1) внешняя сторона общественно опасного деяния (действия или бездействия) и 2), производимые им изменения в окружающей действительности, включая 3) причинение ущерба охраняемым законом социалистическим общественным отношениям. Иначе говоря, объективная сторона преступления есть механизм общественно опасного и противоправного посягательства, анализируемый с точки зрения внешних форм его развития и отрицательного воздействия на охраняемые законом социалистические общественные отношения.

Рассматривая объективную сторону преступления в качестве внешней характеристики процесса совершения преступления, следует иметь в виду, что она является «внешней» лишь по отношению к субъективному, психологическому содержанию деяния. Но эта сторона преступления одновременно является внутренней характеристикой для самого механизма преступного посягательства на охраняемый объект, так как она раскрывает его внутреннюю структуру и взаимодействие образующих его признаков.

Взаимосвязь и соотношение объективной и субъективной сторон преступления вытекают из марксистского понимания детерминизма и свободы воли. Согласно этому пониманию человеческое поведение, изменяющее мир, само обусловлено окружающей действительностью. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его, как данное, наличное,— писал В. И. Ленин.— Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»¹.

Сознательный поступок человека, который и интересуется уголовное право, всегда направляется психическими свойствами субъекта, его волей, контролируется в той или иной степени его сознанием. При этом следует учитывать, что сами эти психические свойства человека, его установки, мировоззрение, отношение к окружающей действительности, к другим людям и обществу в целом формируются внешней средой, создаются условиями жизни. Кроме того, непосредственным поводом к совершению в данный момент определенного поступка, в том числе и преступления, служат объективные условия той обстановки, в которой находится лицо. Как указывал И. М. Сеченов, *«первая причина всякого человеческого действия лежит вне его»*².

Внутренние психологические процессы, антиобщественные установки лица, будучи сами порождением внешних причин, непосредственно обуславливают то или иное поведение субъекта, служат его ближайшим источником. Однако взаимосвязь объективной и субъективной сторон преступления этим не ограничивается. Не анализируя здесь соотношения психических и физических процессов с точки зрения психологии, необходимо рассмотреть эту связь главным образом в юридическом, уголовноправовом плане.

1. Зависимость объективной стороны преступления от субъективной стороны. Субъективная сторона порождает, направляет и регулирует объективную сторону

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, ОГИЗ, 1947, стр. 162—163.

² И. М. Сеченов, *Избранные философские и психологические произведения*, М., 1947, стр. 174.

преступления. Рассмотрим, в чем это конкретно выражается.

Прежде всего, непосредственным и ближайшим источником преступного действия (бездействия) лица является субъективный волевой акт — решимость совершить преступление (при умысле) или решимость совершить иное действие, которое при отсутствии должной предусмотрительности ведет к наступлению общественно опасных последствий (при неосторожности). Объективную сторону преступления может образовать только такое действие или бездействие лица, которое является выражением воли, проявлением свойств его личности. Это положение в советском уголовном праве не вызывает сомнений¹. Действие или бездействие лица, которое совершается не по его воле, а в результате физического принуждения или иной непреодолимой силы, не может рассматриваться как поступок данного лица и не влечет уголовной ответственности. С точки зрения психологии здесь нет со стороны субъекта той «побудительной регуляции» действия, которая является необходимым элементом сознательного поступка человека².

Волевой акт присущ и преступлению, совершаемому по неосторожности. Только при преступном бездействии, совершаемом в результате небрежности (например, подчиненный забыл о полученном приказе начальника и не выполнил его), можно говорить об отсутствии должного волевого акта. Однако в этом случае имелась возможность (и необходимость) соответствующего сосредоточения психических свойств личности (внимания, воли) на определенном объекте. Нереализация этой возможности лицом и ведет к преступному результату. Как указывает В. Г. Макашвили, «реальная возможность предвидения лицом последствия своей деятельности не есть нуль в психической сфере индивида... Она означает, что в психике лица уже в момент совершения действия (или бездействия) существовали реальные предпосылки для ее осуществления», но лицо «не применило своих внутренних сил, не проявило волевого

¹ См., например, Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 39; Л. Т. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, М.—Л., 1950, стр. 110 и др.

² См. Л. С. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 265.

напряжения для правильной оценки создавшейся ситуации»¹. Следовательно, в этих случаях совершенное действие (бездействие) также не навязано человеку извне, а есть проявление свойств его личности.

Особое положение складывается в тех случаях, когда субъект действует под психическим принуждением или под давлением существенных для него обстоятельств внешнего порядка. Здесь, хотя и под влиянием внешних сил, человек принимает решение самостоятельно и потому в принципе может нести ответственность за свои поступки. Однако степень давления этих внешних обстоятельств на волю и сознание субъекта должна учитываться при решении вопроса о привлечении его к уголовной ответственности и назначении меры наказания².

Влияние субъективной стороны преступления на его объективную сторону не ограничивается первоначальным (побудительным) волевым актом, а также тем напряжением воли, которое необходимо вплоть до завершения преступления. Само содержание объективной стороны умышленного преступления сознательно определяется действующим субъектом, зависит от его представлений, мотивов и целей (в свою очередь, формирующихся на основе объективных обстоятельств). Будущая объективная сторона преступления в идеальной форме складывается в сознании лица и затем в той или иной мере осуществляется в действительности. Выбор преступником объекта посягательства, времени, места совершения преступления и средств к достижению преступной цели определяет и объективную сторону его поведения. Объективная сторона служит практическим осуществлением преступных намерений субъекта. Особенно наглядно это видно в тех умышленных преступлениях, которые совершаются по заранее намеченному плану³.

¹ В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, М., 1957, стр. 92. См. также С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 270.

² Подробнее по этому вопросу см. § 3 настоящей главы.

³ И. Лекшас правильно указывает, что представления преступника, являющиеся элементом субъективной стороны, «должны предшествовать объективному поведению преступника или быть налицо при совершении преступления. Это относится как к тем пре-

Пекто П., задумав ограбить магазин, договорился об этом со своими соучастниками и наметил вместе с ними план проникновения в магазин и выноса похищенных вещей. Ночью они проникли в помещение магазина, но были задержаны. В данном случае вся практическая деятельность П. и его соучастников была попыткой реализации их субъективных намерений.

Субъективные факторы во многом определяют характер средств, примененных преступником, способов сокрытия следов преступления и т. д. От отношения преступника к потерпевшему, к другим гражданам, к интересам общества в целом часто зависит, к каким именно методам совершения преступления он прибегнет. Свойства этих и других черт объективной стороны преступления позволяют иногда весьма точно установить личность преступника¹, а также охарактеризовать его социальное лицо.* Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик относят к обстоятельствам, отягчающим ответственность, в частности, совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим, совершение преступления с использованием условий общественного бедствия, совершение преступления общеопасным способом (ст. 34). Все эти обстоятельства, относящиеся к объективной стороне преступления, наглядно характеризуют резкую антиобщественную направленность умысла преступника, свойства его личности.

Субъективная сторона в известной степени определяет объективную сторону и неосторожных преступлений. Отсутствие надлежащей внимательности и предусмотрительности ведет к использованию опасных средств или способов действий, а это приводит, в свою очередь, к наступлению преступного результата.

Дальнейшая роль субъективной стороны преступления по отношению к объективной стороне состоит в том, что она контролирует, направляет и регулирует объек-

ступлениям, в отношении которых подлежит установлению длительный субъективный процесс развития, так и к тем, где преступник очень быстро принял свое решение» (И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, перевод с немецкого, М., 1958, стр. 47).

¹ См. А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 74.

тивную сторону на всем протяжении совершения преступного деяния (подвергаясь вместе с тем обратному воздействию). В этом проявляется так называемая исполнительная регуляция поведения субъекта¹.

При этом понятно, что непосредственное влияние субъективной стороны на внешние формы поведения возможно лишь на том участке объективной стороны, который охватывается действием (бездействием) субъекта. В действии и бездействии объективная и субъективная стороны находятся в тесном неразрывном единстве, и изменение целей и намерений субъекта, его отношения к совершаемому непосредственно сказывается на внешней стороне его поведения.

Когда действие (бездействие) закончилось, но преступные последствия еще не наступили (например, субъект произвел выстрел, но пуля еще не попала в цель), объективную сторону преступления еще нельзя признать оконченной. Однако вмешаться в развитие причинной связи на данном этапе, как правило, уже невозможно. Преступное посягательство «объективировалось» вовне, стало независимым от субъекта, оно развивается по своим законам и нередко не так, как думал преступник. Если лицо и сможет в известных случаях прекратить дальнейшее развитие такого процесса, ему для этого нужно будет совершить новые действия, по существу не входящие в объективную сторону данного преступления, а имеющие противоположное ей содержание.

Из этого, однако, не следует, что субъективная сторона «короче» объективной по времени и беднее по содержанию. Напротив, связь объективной и субъективной сторон преступления простирается и за пределы действия, хотя и в иной форме. Как известно, сознание субъекта распространяется не только на совершаемые им действия (бездействие), но и на их общественно опасные последствия. Таким образом, хотя внешняя сторона поступка человека уже прекратилась и в дело вступили силы природы или технические средства, тем не менее субъективная сторона преступления охватывает и эти события и явления, включая наступление преступного результата. Субъект, как правило, уже не

¹ См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 266.

может вмешаться в эти события, однако он предвидит и сознает их (при преступной небрежности — может предвидеть), и потому они вменяются ему в вину.

Таким образом, субъективная сторона развивается во времени так же, как объективная сторона развивается во времени и пространстве: вначале лицо сознает возможность совершения определенных действий и предвидит их последствия, затем его сознание отражает совершающийся объективный процесс, направляет и контролирует преступное поведение и, наконец, фиксирует наступившие результаты (при преступной небрежности существует возможность этого процесса).

Отсюда вытекает и юридическое значение субъективной стороны в отношении объективной. Если субъективная сторона в известном смысле порождает, направляет и контролирует объективную сторону преступления, то, следовательно, лицо может нести уголовную ответственность за содеянное лишь в тех пределах, в которых оно охватывалось субъективной стороной (при преступной небрежности — могло ею охватываться)

Цепочка вредных последствий, наступивших от преступления, может быть весьма длинной и, теоретически, бесконечной. Однако субъективная сторона устанавливает твердые пределы уголовной ответственности. По советскому уголовному праву не могут наказываться в уголовном порядке действия (бездействие) и последствия, выходящие за пределы умысла субъекта или его неосторожности. Как неоднократно указывалось в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР и определениях других судебных инстанций, «обвиняемый не может нести ответственность за свои действия, которые он по обстоятельствам дела не мог предвидеть; те или иные последствия могут быть инкриминированы обвиняемому лишь при наличии с его стороны вины умышленной или неосторожной»¹.

Осуждение невиновного человека за фактически наступившие вредные последствия его действий является грубейшим нарушением основ социалистической закон-

¹ См., например, определения Верховного Суда СССР по делу Л., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 1, стр. 7; по делу С., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 28.

ности. «Благие намерения суда сурово покарать преступника,—писал И. Т. Голяков,—на деле превращаются в судебную ошибку, если, вместо того чтобы исходить из необходимости точного установления субъективной вины привлеченного, суд исходит лишь из факта наступления тяжелых последствий»¹.

Подчас только субъективная сторона позволяет правильно разграничить и квалифицировать преступления, имеющие сходную объективную сторону. Так, и диверсия, и повреждение государственного имущества могут быть совершены одинаковыми способами и привести в некоторых случаях к одинаковому уменьшению ценности этого имущества, а следовательно, в равной степени объективно ослабить экономический потенциал страны. Материальный вред в обоих случаях может быть один и тот же. Однако вменить в вину преступнику можно только те последствия, которые охватывались субъективной стороной. Если цели преступника не простирались на причинение вреда советскому строю, на ослабление Советского государства, то его действия не могут квалифицироваться как диверсия.

Приговором народного суда бывший заместитель начальника вагонного участка Б. и другие были признаны виновными в том, что с вредительской целью выпускали из ремонта неисправные вагоны без освидетельствования колесных пар, с трещинами осей, с дефектными шейками осей, снимали части исправных вагонов, производили перетяжку бандажей кустарным способом и т. д. По этому делу Верховный Суд СССР указал: «Материалами дела действительно установлено, что осужденные преступно отнеслись к своим обязанностям, однако в деле нет никаких данных, указывающих на то, что эти действия были ими допущены с контрреволюционной целью. Ввиду этого следует признать, что действия их неправильно квалифицированы по ст. 54⁷ УК Украинской ССР (вредительство.— В. К.) и что эти действия подлежат квалификации по ч. 1 ст. 56³⁰ того же кодекса»².

¹ И. Т. Голяков, Некоторые вопросы права в решениях Пленума Верховного Суда СССР, «Советское государство и право» 1940 г. № 2, стр. 39.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, второе полугодие 1939 г.», М., 1941, стр. 19.

2. **Зависимость субъективной стороны преступления от объективной стороны.** Из марксистского понимания детерминизма и свободы воли вытекает, что существует и обратная зависимость: субъективная сторона преступления в известной мере определяется объективной стороной.

Само формирование субъективной стороны преступления, в особенности целей и мотивов преступника, происходит на базе и в результате воздействия объективных обстоятельств. Однако эти обстоятельства еще не представляют собою объективную сторону преступления; пока существует только возможность будущей объективной стороны и субъект приспособляет к ней свои планы и образ действий. В данном случае, по выражению С. Л. Рубинштейна, «действительность еще не реализованная детерминирует действия, посредством которых она реализуется»¹.

В дальнейшем, в процессе совершения преступления, складывающаяся объективная сторона преступления оказывает на субъективную сторону существенное влияние по типу «обратной связи».

Это влияние является неотъемлемой частью «исполнительской регуляции» действия. Как известно, совершение действия связано с непрерывным восприятием действительности и корректированием на этой основе своего поведения². «Действие не сводимо к своей исполнительской части, в него обязательно входит также чувствительная, познавательная часть, афферентация с периферии, извне, анализ и синтез поступающих оттуда чувственных сигналов, посредством которых действия регулируются»³.

В результате и под влиянием осуществления ряда действий, входящих в объективную сторону преступления, первоначальный замысел преступника может измениться (в лучшую или худшую сторону) — он может добровольно отказаться от совершения преступления или, наоборот, совершить еще более тяжкое деяние.

¹ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 284.

² См. И. М. Сеченов, Физиология нервных центров, М., 1952, стр. 27.

³ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 246.

Связь субъективной стороны с объективной стороной преступления наглядно выступает при решении вопроса о содержании умысла или неосторожности лица, совершившего преступление.

Согласно ст. ст. 8 и 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик виновное лицо сознает (может сознавать) общественно опасный характер своего поведения и предвидит (может предвидеть) его общественно опасные последствия. Следовательно, объективная сторона содеянного служит фактической основой для предвидения как элемента умысла и для возможности предвидения как элемента неосторожности (преступной небрежности); объективная сторона (наряду с объектом) составляет предметное содержание субъективной стороны преступления¹. Субъект предвидит или должен был (и мог) предвидеть именно то, что затем осуществится объективной стороной его поведения. В этом смысле можно сказать, что субъективная сторона преступления является отражением объективной стороны.

Если нет объективной стороны преступления, то не может существовать и субъективной стороны. Поэтому в некоторых случаях вина субъекта отсутствует не потому, что он не мог предвидеть известных последствий, а просто потому, что не было фактической основы для этого предвидения, отсутствовал какой-либо элемент объективной стороны: действие, последствие или причинная связь между ними.

Например, водитель Г., следуя на грузовой автомашине по шоссе, увидел идущую ему навстречу лошадь, запряженную в двухколесную повозку. Чтобы избежать столкновения с повозкой, Г. принял ряд необходимых мер (взял правее, дал предупредительный сигнал и убавил скорость движения). Однако на расстоянии 4 м от машины лошадь испугалась, резко повернула в сторону и возчик Тихонов, выпавший из повозки, попал под колеса машины. Верховный Суд СССР, указав, что «анализа субъективной стороны дела ни народный суд, ни породской суд не произвели» и что «в данном случае

¹ См. И. Лекшас, Вина как субъективная сторона преступного деяния, стр. 48; Т. Л. Сергеева, вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, стр. 51—54.

никакой вины за Г. не было», прекратил дело¹. Однако правильнее было бы сказать, что здесь отсутствовала сама объективная основа для постановки вопроса о вине Г., так как им не было совершено никакого общественно опасного и противоправного поступка (действия или бездействия).

Из этих положений вытекает юридическое значение зависимости субъективной стороны преступления от объективной. Если объективная сторона дает предметное содержание субъективной стороне, то следовательно, лицо может нести ответственность только за те свои намерения и желания, которые реально осуществились в преступном поведении². Таким образом, объективная сторона, в свою очередь, ограничивает уголовную ответственность определенными рамками: фактически совершенными общественно опасными действиями и их последствиями³.

Указанное решение вопроса, присущее социалистическому уголовному праву, носит демократический и гуманный характер. Оно принципиально противоположно реакционным буржуазным теориям и практике буржуазной юстиции, в частности «финальной теории» Вельцеля, согласно которой в основании ответственности лежит содержание «преступной воли», хотя бы и не осуществившейся в конкретных общественно опасных поступках⁴.

По советскому уголовному праву ни субъективная, ни объективная стороны преступления, взятые порознь,

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. VIII (XII), М., 1947, стр. 22.

² Или для осуществления которых были совершены конкретные общественно опасные действия (приготовление, покушение).

³ Это важное теоретическое положение в последние годы находит все более широкое распространение в законодательстве и судебной практике. В утвержденном 7 мая 1960 г. дополнении к ст. 1 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления прямо говорится: «Не подлежит уголовной ответственности гражданин СССР, завербованный иностранной разведкой для проведения враждебной деятельности против СССР, если он во исполнение полученного преступного задания никаких действий не совершил и добровольно заявил органам власти о своей связи с иностранной разведкой» («Правда» 8 мая 1960 г.). Нет необходимости пояснять важное политическое значение этого законодательного акта.

⁴ См. Welzel, Das deutsche Strafrecht, Berlin, 1947, S. 89 u. s. w.

не могут обосновать уголовную ответственность. Только взаимное сочетание и совпадение по объему предметного содержания (но не смещение) этих сторон наряду с другими элементами преступления дают такие основания.

Советское уголовное право не переоценивает значения ни объективной, ни субъективной сторон преступления. И то, и другое повело бы к нарушениям социалистической законности. Известно, что переоценка объективной стороны в ущерб субъективным признакам приводит к так называемому объективному вменению; наоборот, переоценка субъективной стороны преступления означает возложение ответственности не за общественно опасные действия, а за «опасные мысли», «голый умысел» или «опасное состояние». И то, и другое ведет к усилению репрессии и извращает задачи подлинной борьбы с преступностью. Подобные тенденции, нетерпимые в условиях социалистического общества, подвергаются решительному разоблачению советскими криминалистами.

§ 3. Объективная сторона и обстановка совершения преступления

1. Понятие обстановки совершения преступления.

Правильное понимание объективной стороны преступления, как и преступного деяния в целом, возможно лишь с учетом места, времени и обстановки его совершения. Как указывалось выше, эти обстоятельства не являются самостоятельными частями или элементами объективной стороны преступления, поскольку они не входят в понятия действия, причинной связи или преступного последствия, из которых складывается объективная сторона преступного деяния. Место, время и обстановка совершения преступления представляют собой совокупность конкретных условий, в которых совершается преступное действие (бездействие), развивается объективная сторона и наступает преступный результат¹. Эти условия существуют объективно, независимо

¹ В более широком смысле «обстановка совершения преступления» включает место, время и другие конкретные условия его совершения. Так это понятие и употребляется в дальнейшем.

от воли преступника, хотя в некоторых случаях они могут сознательно им использоваться и даже частично создаваться.

Обстановка совершения преступления не сводится к совокупности тех непосредственных физических условий, в которых действовал преступник. Это понятие охватывает более широкий круг явлений и включает также общую историческую и социально-политическую обстановку и конкретные условия жизни и деятельности данного коллектива, в котором было совершено преступление.

Марксизм-ленинизм учит, что всякое событие и явление должны рассматриваться в конкретных условиях места и времени. «Чтобы действительно знать предмет,— указывал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»¹. Это в полной мере относится и к анализу преступного поведения человека. Конкретные условия, в которых совершается преступление, оказывают существенное влияние на совершаемое действие, направляют и в известном смысле определяют развитие причинной связи, обуславливают характер и степень тяжести наступивших вредных последствий и потому служат неотъемлемыми признаками преступления в целом и отдельных его элементов.

Изучение конкретной обстановки совершения преступления имеет особо важное значение для того, чтобы возможно полнее и всестороннее оценить степень общественной опасности содеянного, условия, способствовавшие правонарушению, и другие обстоятельства, которые в своей совокупности влияют на решение вопроса о том, подлежит ли лицо уголовной ответственности или в отношении его достаточно ограничиться мерами общественного воздействия. «Судам необходимо учитывать требование закона о строго индивидуальном подходе при определении наказания с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность»,— говорится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уго-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

ловного наказания»¹. Немаловажную роль при этом играет учет обстановки совершения преступления.

Обстановка совершения преступления оказывает воздействие не только на объективную сторону, но и на преступление в целом. Поэтому ее всестороннее рассмотрение выходит за пределы настоящей работы и является предметом самостоятельного исследования. Здесь мы остановимся вкратце лишь на том, каким образом обстановка влияет на формирование и развитие объективной стороны преступного посягательства.

2. Непосредственное влияние обстановки на объективную сторону преступления. Обстановка совершения преступления влияет на развитие объективной стороны двумя путями: во-первых, непосредственно и, во-вторых, опосредствованно, через сознание субъекта, определяя формы его поведения.

В чем состоит непосредственное влияние обстановки на развитие объективной стороны?

а) Оно состоит в том, что обстановка образует совокупность конкретных условий, в которых может быть совершено данное преступление, т. е. создает для него объективную возможность.

Преступление как акт человеческого поведения совершается не в пустоте. Материалистическое понимание преступности и ее причин говорит о том, что никакое преступное деяние не может быть совершено, а совершенное не может привести к вредным последствиям, если в реальной действительности нет для этого подходящих условий.

Так, в случае хулиганства благоприятную обстановку для преступников создает безразличие со стороны общественности к фактам хулиганства, молчаливое поощрение «озорства», позиция невмешательства, занимаемая окружающими гражданами. Благоприятные условия для расхищения социалистической собственности выражаются в бесконтрольности, отсутствии должного учета, слабой охране имущества, неправильном подборе кадров и т. п. Некоторые из условий этого рода могут искусственно создаваться самим преступником (например, запутанность учета имущества), другие, напротив, даже не охватываются его сознанием (напри-

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4, стр. 6.

мер, плохая работа органа милиции). Однако независимо от их различного характера все условия, способствующие совершению преступления, играют весьма важную роль, так как без них преступное деяние не может быть осуществлено.

Неправильно было бы думать, что в окружающей нас действительности постоянно имеются объективные возможности для совершения различных преступлений. Напротив, обычно обстановка такова, что она исключает общественно опасные деяния. С повышением сознательности советских граждан, нетерпимости к фактам антиобщественного поведения, с улучшением контроля и учета в области народного хозяйства возможности для совершения преступлений еще более сокращаются. Тем не менее они иногда создаются по вине отдельных должностных лиц и граждан или в результате случайного стечения внешних обстоятельств.

Выявление условий, способствующих совершению преступлений, является необходимой предпосылкой успешной профилактической работы в области борьбы с преступностью. На важное значение этой работы было указано в решениях XXI съезда партии. «Нужно предпринять такие меры,— говорил тов. Н. С. Хрущев в отчетном докладе XXI съезду,— которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключали появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу»¹.

б) Обстановка совершения деяния непосредственно влияет на наличие и степень его общественной опасности.

Общественная опасность совершаемого действия (бездействия) определяется тем, что оно способно в данных конкретных условиях места и времени вызвать вредный для интересов социалистического общества результат. Но эта способность зависит не только от свойств самого действия, но и от окружающей обстановки, в которой оно происходит. Например, выстрел из охотничьего ружья в безлюдном лесу и в условиях города в силу различной обстановки имеет совершенно различную степень общественной опасности.

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде КПСС 27 января 1959 г., Госполитиздат, 1959, стр. 122.

По этой причине обстановка совершения действия (бездействия) в ряде случаев является признаком состава преступления и, следовательно, служит критерием для разграничения преступления и иного правонарушения или антиобщественного поступка¹.

Так, уголовная ответственность военнослужащего за самовольное оставление части или места службы независимо от продолжительности может наступить лишь в том случае, когда это деяние совершено в условиях боевой обстановки (ст. 12 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления).

В других случаях обстановка совершения преступления служит признаком определенной разновидности состава и, следовательно, влияет на квалификацию преступления и определение меры наказания.

Например, антисоветская агитация и пропаганда в условиях военного времени представляет более высокую общественную опасность. Закон об уголовной ответственности за государственные преступления предусматривает в этом случае повышенную ответственность (ч. 2 ст. 7).

Обстановка совершения преступления влияет на степень общественной опасности деяния и в пределах одной и той же нормы закона играет роль смягчающего или отягчающего обстоятельства. В этом случае оценка обстановки относится к компетенции суда. Типичные случаи такого рода предусмотрены в общей части уголовного законодательства. Например, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в качестве отягчающего обстоятельства рассматривают «совершение преступления с использованием условий общественного бедствия» (п. 8 ст. 34). Совершение деяния в таких условиях, при которых оно не имеет большой общественной опасности, может служить основанием для освобождения лица от уголовной ответственности с передачей его на перевоспитание и исправление коллективу трудящихся или с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда.

в) После того как преступное действие или бездействие совершилось, конкретная внешняя обстановка

¹ В особых случаях конкретная обстановка может полностью исключать общественную опасность деяния (состояние необходимой обороны, крайней необходимости и др.).

оказывает непосредственное влияние на дальнейшее развитие объективной стороны.

Ту физическую среду, в которой развивается преступное посягательство, можно представить себе как совокупность бесчисленного множества взаимосвязанных и взаимодействующих между собою событий, явлений и процессов, происходящих в природе и обществе. Вся эта среда объективно создает различные возможности для дальнейшего развития процесса посягательства. Например, в случае покушения на убийство пуля от произведенного субъектом выстрела может попасть в человека, а может и не попасть. Попавшая пуля может тяжело или легко ранить потерпевшего, и сам болезненный процесс в организме может развиваться по-разному, в зависимости от объективных условий. Однако все эти возможности в конце концов реализуются каким-нибудь одним определенным образом, и действие преступника приводит не ко всем вероятным, а лишь к некоторым результатам. Значение внешних условий при этом чрезвычайно велико.

То, что пуля попала в данном случае не в грудь, а в плечо человека, является случайным как для преступника, так и для потерпевшего; причины же этого лежат в действительности многочисленных внешних факторов (сила и направление ветра, скорость полета пули, скорость движения потерпевшего и т. д.). Таким образом, внешняя обстановка не только создает возможности для развития причинной связи, но в известном смысле направляет ее, оказывая разнообразное и не всегда поддающееся точному учёту влияние на происходящий процесс. Под воздействием внешней обстановки цепочка причинной связи может приобрести неожиданное направление, прерваться или, напротив, привести к более тяжким последствиям, чем те, которые могли бы иметь место в иной обстановке.

Следовательно, конкретная обстановка в известном смысле наряду с другими факторами определяет характер наступивших вредных последствий, а тем самым — и тяжесть совершенного преступления.

г) Особое значение имеет изменение обстановки после совершения преступления. Согласно ч. 1 ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик изменение обстановки после совершения

преступления может привести к тому, что деяние утратит характер общественно опасного или лицо перестанет быть общественно опасным. В этом случае лицо может быть полностью освобождено от уголовной ответственности.

Таким образом, обстановка совершения преступления в известной мере формирует и направляет развитие объективной стороны. Это влияние необходимо учитывать, во-первых, для выяснения условий, способствовавших совершению преступления, и их последующего устранения и, во-вторых, для оценки наличия и степени общественной опасности совершенного деяния.

3. Влияние обстановки совершения преступления на поведение лица. Помимо непосредственного влияния, обстановка воздействует на объективный процесс преступного посягательства опосредствованно, через сознание субъекта, через субъективную сторону его преступного поведения. Это влияние более сложно.

Выше говорилось, что преступное поведение человека детерминировано, причинно обусловлено в первую очередь теми прежними жизненными обстоятельствами, в которых сформировалась его личность, которые постепенно привели к возникновению антиобщественных навыков и установок в его поведении.

На этом основании, однако, не следует игнорировать значение конкретных условий места и времени, в которых совершается преступление. «Человек,— писал В. И. Ленин,— в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹. Внешняя, конкретно сложившаяся обстановка может восприниматься субъектом как удобная и выгодная для совершения преступления, может иногда исказить его представления о действительности и вести к ошибкам, а иногда может служить активным поводом к преступлению.

Когда благоприятные для совершения преступления условия внешней среды осознаются преступником, это обычно приводит к активизации преступной деятельности. Если пьяный хулиган видит беззащитность потерпевшего и безразличие со стороны окружающих граждан, он не только получает объективную возможность продолжать хулиганские действия, но и приобретает

¹ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 161.

субъективную уверенность в своей безнаказанности и окончательно «распоясывается». Сознание обстановки бесконтрольности и попустительства при хищениях может подсказать пути и методы для продолжения этого преступления и расширения его масштабов. Как указывает В. И. Курляндский, в этих случаях обстановка может сыграть роль «катализатора», способного ускорить и облегчить совершение преступления¹.

Всеякое сознательное использование сложившейся обстановки для совершения преступления, а тем более — искусственное создание «подходящих» условий повышает степень вины преступника и его ответственность.

С точки зрения индивидуализации ответственности особое внимание следует обращать на те случаи, когда сложившаяся обстановка искажает представления субъекта о происходящем, не дает возможности правильно контролировать свои поступки и тем самым способствует наступлению преступного результата.

Это положение характерно для преступлений, совершаемых по неосторожности, где всегда надо устанавливать, имело ли лицо в данной сложившейся обстановке возможность предвидеть наступление вредных последствий своего поведения².

Так, вынося оправдательный приговор по делу машиниста паровоза П. и его помощника А., наехавших на группу ремонтных рабочих, суд указал, что аварийная обстановка сложилась не по вине обвиняемых. Бригадир пути Х. не выставил на полотне требуемого опраждения, а машинист поезда и его помощник из-за сильного снегопада и вихря, а также движения встречного поезда заметили людей лишь на расстоянии 30—50 м, т. е. тогда, когда они уже не могли остановить поезд и предотвратить несчастный случай³.

Необычная внешняя обстановка может дезориентировать человека, нарушить его контроль за своим пове-

¹ См. В. И. Курляндский, К вопросу об изучении причин и условий, способствующих совершению преступлений, «Труды ВПА им. Ленина», вып. 17, М., 1957, стр. 122.

² См. В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 141.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 8, стр. 16—18.

дением, и в силу этого он может совершить такие действия, которые в данных случаях повлекут преступный результат.

Характерным примером такого влияния обстановки совершения преступления может служить дело Д.

По распоряжению своего начальника Ф. водитель Д. вывез его и группу граждан (Б., В. и К.) на прогулку. Уже в пути следования пассажиры стали пьянствовать, а когда приехали в лес, то сняли с машины К., находившегося в состоянии крайней степени опьянения, и положили его на землю в 3 м позади автомашины. Вслед за этим между В. и Б. возникла ссора из-за водки. Водитель Д., не участвовавший в пьянке, попытался примирить ссорившихся. В. в ответ на это ударил водителя кулаком в лицо, схватил его «за грудки», а затем дважды ударил стоявшего рядом Ф. Водитель Д. запустил двигатель автомобиля, намереваясь оставить место скандала, но, заметив, что В. пытается душировать Ф., бросился на помощь последнему. Тогда В., отпустив Ф., схватил за горло водителя, пытаясь опрокинуть его на землю. Водителю удалось освободиться, и он бросился к автомашине. В. вооружился заводной ручкой и бросился за ним. После того как водитель захлопнул за собой дверцу кабины, В. схватил его левой рукой за рубашку, а правой, в которой была зажата заводная ручка, замахнулся на Д., намереваясь нанести удар. В этой обстановке Д., забыв о лежащем сзади К., включил скорость, начал движение автомашины назад и наехал правым задним колесом на голову К., причинив ему смертельное повреждение.

Суд прекратил уголовное дело в отношении водителя Д. за отсутствием состава преступления, ссылаясь на то, что «в этой реально опасной для Д. обстановке Д., находившийся в состоянии крайней взволнованности, вызванной нападением и насилием, не мог нормально ориентироваться в происходящем, а следовательно, и не мог предвидеть последствий своих действий, в основе которых лежала не преступная небрежность, а правомерное и естественное в этой обстановке желание освободиться от нападения». В. и Ф. были привлечены к уголовной ответственности.

В данном деле наглядно видно воздействие сложившейся обстановки как на субъективную сторону деяния,

так и на развитие причинной связи и характер наступивших последствий. Сама невнимательность Д. была порождена сложившейся опасной обстановкой, и суд правильно возложил ответственность за происшедшее не на водителя, а на лиц, организовавших пьянство и затеявших скандал.

В приведенных примерах внешняя обстановка, исказив представления субъекта, обусловила исключение уголовной ответственности. Но встречаются случаи, когда сложившаяся внешняя обстановка не устраняет вины и ответственности, тем не менее ее влияние должно учитываться как смягчающее обстоятельство. Это имеет место главным образом тогда, когда преступление совершено лицом в результате активного отрицательного воздействия на его волю и сознание со стороны других лиц, иными словами, когда чье-нибудь неправильное поведение послужило непосредственным поводом к преступлению. Одно дело, например, когда телесное повреждение наносится обвиняемым из хулиганских побуждений, без каких-либо непосредственных внешних поводов, и другое дело, когда такое же повреждение нанесено в ответ на противоправное оскорбительное поведение самого потерпевшего, его издевательство над субъектом или над окружающими лицами. Неправильные действия потерпевшего в этом случае являются непосредственным поводом к преступлению.

Подобные обстоятельства, если не вполне лишают возможности человека контролировать свое поведение, то, во всяком случае, снижающие полноценность этого контроля, могут быть различными. К ним, в частности, относятся: угроза, уговор, обман, подстрекательство, провокация, а также грубое, издевательское отношение, оскорбление и т. д.

Характер этих обстоятельств, повлиявших на поведение виновного и послуживших непосредственным поводом для возникновения преступления, должен всегда учитываться при решении вопроса о привлечении лица к ответственности и при назначении меры наказания.

По делу Г., П. и С., совершивших хищение в результате подстрекательства со стороны других лиц, Судебная коллегия Верховного Суда СССР указала: учитывая, что обвиняемые «были спровоцированы на совершение преступления, что преступные действия их не

причинили ущерб колхозу, так как вся похищенная кукуруза была ему полностью возвращена, что все они ранее несудимы, что, кроме того, Г. и П. ... имеют на иждивении малолетних детей»¹, следует прекратить дело в отношении указанных лиц в силу ст. 8 УК РСФСР 1926 года.

По делу И. Верховный Суд СССР признал, что временные материальные затруднения в ее семье, обусловившие совершение преступления, могут «послужить основанием для постановки вопроса о назначении И. наказания, не связанного с лишением свободы»². По делу З. Верховный Суд РСФСР принял подобное решение на том основании, что потерпевшие сами допускали по отношению к З. неправильные действия, чем практически вызвали его на хулиганский поступок³.

Как известно, Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 33) признают обстоятельствами, смягчающими ответственность, в частности, совершение преступления вследствие стечения тяжелых личных или семейных условий, совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной или иной зависимости, совершение преступления под влиянием сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. Таким образом, совершение преступления под влиянием внешних обстоятельств не устраняет наличия объективной стороны и других элементов состава, но снижает степень вины и ответственности⁴. Этот важный принцип советского уголовного права, еще недостаточно исследованный в литературе, прямо вытекает из марксистского понимания детерминизма и свободы воли. Человек несет ответственность за свое поведение в той мере, в какой он мог его контролировать,

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. VI (XXX), М., 1947, стр. 14.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 5, стр. 6.

³ См. «Советская юстиция» 1960 г. № 1, стр. 22.

⁴ «Психологическое насилие над личностью, — правильно указывают Н. Ф. Кузнецова и Б. А. Куринов, — делает его в какой-то мере орудием в руках преступников» (Н. Ф. Кузнецова и Б. А. Куринов, Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания; «Применение наказания по советскому уголовному праву», М., 1958, стр. 120).

руководить им. Отсутствие волевого акта как побудительной причины поступка исключает ответственность, а та или иная степень неполноценности, связанности этого волевого акта непосредственными внешними условиями обстановки соответственно сказывается на степени вины и, следовательно, на характере ответственности. Если исходить из того, что поведение лица детерминируется как условиями всей его жизни, которые формируют его психику, так и непосредственно теми внешними условиями, в которых оно совершает преступление, то можно утверждать, что степень ответственности, при прочих одинаковых обстоятельствах, находится в обратной зависимости от степени влияния этих непосредственных внешних условий. Чем менее был связан человек непосредственной конкретной обстановкой, в которой он действовал, чем относительно менее вынужденным, с этой точки зрения, был его поступок, тем выше степень его вины и ответственности.

Это влияние внешней обстановки, разумеется, не следует переоценивать. С. Л. Рубинштейн правильно указывает, что «внешние воздействия на человека преломляются через внутренние психологические условия. Не учитывая этих последних, нельзя прийти к детерминистическому пониманию действий человека»¹. Эти психологические условия, в данном случае — антиобщественные взгляды и навыки, порождены не данной обстановкой, в которой действует лицо, или, во всяком случае, не только ею, а сформировались на протяжении всего жизненного пути². Поэтому, как указывалось выше, лицо в подавляющем большинстве случаев, несмотря на отрицательное воздействие внешней обстановки, может избежать совершения преступления, а потому и может нести ответственность за содеянное.

Таким образом, мы видим, что конкретная обстановка совершения преступления может оказывать различное и даже противоречивое влияние на тяжесть содеянного, степень вины и характер ответственности. Всесто-

¹ С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 243.

² В этой связи нельзя полностью согласиться с положением В. Ф. Кириченко, что «обстановка, в которой лицу приходится действовать, определяет содержание его представлений и желаний» (В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, М., 1952, стр. 38).

ронный, глубокий анализ обстановки преступления важен как для правильного решения вопроса об ответственности лица, его совершившего, так и для ликвидации причин и условий, породивших это преступление. Создание обстановки нетерпимости к преступлениям и антиобщественным поступкам является делом не только органов юстиции, но и всей широкой общественности.

§ 4. Объективная сторона и уголовноправовая норма

1. Закономерности общественных явлений и их отражение в правовой норме. Из предыдущего видно, что развитие объективной стороны какого-либо преступления может быть весьма разнообразным. Каждое преступление представляет собой единичное, неповторимое в своих деталях явление. Объективная сторона конкретного преступления полна индивидуальных особенностей, связанных со способом, местом, временем его совершения, характером наступивших последствий и т. д.

Возьмем, например, такое преступление, как нарушение правил по технике безопасности. В одном случае оно выразилось в том, что при очистке бензоцистерны не были установлены предостерегающие знаки и рабочий Ф., спустившийся в нее, получил смертельное отравление скопившимися газами и погиб¹; в другом случае при постройке тоннеля соответствующие должностные лица не обратили внимания на сигналы об угрожающем положении, и в результате обвала эстакады несколько человек получили телесные повреждения²; в третьем случае были нарушены правила производства работ в угольной шахте, что повлекло прорыв глины и аварию³, и т. д. В каждом из этих случаев различные действия виновных лиц, по-разному развивается объективная сторона и не одинаковы наступившие последствия. Если взять всю совокупность преступлений данной категории, то на первый взгляд она представляется сплошным скоплением разнообразных случайностей.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. VIII (XLII), М., 1948, стр. 18—19.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 24—25.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 19.

Так ли это на самом деле или в действительности во всех конкретных случаях совершения преступлений и разнообразных формах объективной стороны находят проявление определенные закономерности общественных явлений?

Ф. Энгельс указывал, что в жизни общества, как и в природе, на первый взгляд царствует случайность. Однако в действительности там, «где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело в том, чтобы открыть эти законы»¹.

Какие же закономерности действуют в рассматриваемой нами области?

Поскольку объективная сторона преступления представляет собой процесс, развивающийся во времени и пространстве, то в ней прежде всего проявляются разнообразные механические, физические, химические и другие естественные закономерности, которые распространяются вообще на все процессы и явления природы. В приведенных выше примерах действуют законы всемирного тяготения, законы сопротивления материалов, химические и биологические закономерности жизни и деятельности человеческого организма и т. п.

Рассматривая развитие объективной стороны преступления, И. Реннеберг пишет, что «при проверке причинной связи между преступным деянием и его общественно опасными последствиями мы не должны исследовать ничего другого, как только те физические, химические, психические и другие закономерности объективного мира, которые в данном, конкретном случае были приведены в действие внешним поведением преступника...»².

Однако это требование недостаточно.

Преступление — это не только физический процесс. Преступление — социальное явление, и поэтому, кроме закономерностей природы, в нем, очевидно, находят

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 371.

² И. Реннеберг, Объективная сторона преступления, М., 1957, стр. 56.

выражение и социальные закономерности, выявляющиеся при массовых наблюдениях, при изучении преступлений данной категории в целом.

Наличие известных закономерностей в таком общественном явлении, как преступность, не вызывает сомнений¹. Однако в большинстве случаев эти закономерности устанавливаются лишь в области состояния преступности и ее причин. Например, когда говорят, что 90% случаев хулиганства и до 70% убийств совершаются в нетрезвом виде, указывают на закономерные связи между алкоголизмом и преступностью.

Между тем определенные закономерности действуют не только в области причин преступности, но и в области форм преступной деятельности, характера связей между общественно опасными деяниями и вредными последствиями, в области взаимодействия между обстановкой совершения преступлений и степенью их общественной опасности и т. д.

Учет этих закономерностей лежит в основе конструкций объективных признаков уголовноправовых норм.

Например, создавая норму об уголовной ответственности за нарушения правил по технике безопасности, законодатель исходит из опыта борьбы с производственным травматизмом на промышленных предприятиях в различных областях народного хозяйства. Этот опыт показывает, что существует определенная связь, которую можно выразить в количественных показателях, между различными нарушениями правил по технике безопасности и вредными последствиями — гибелью людей, причинением ущерба их здоровью или трудоспособности. Независимо от того, нарушены ли эти правила в лесной промышленности или в угольной шахте, на железнодорожном транспорте или на химическом заводе, в определенном количестве случаев эти нарушения приводят к печальному исходу и тем самым причиняют серьезный вред здоровью трудящихся, интересам социалистического общества.

¹ А. А. Герцензон писал, что научная разработка институтов общей и особенной частей уголовного права предполагает «знание тех закономерностей, которые выявляются на основе изучения конкретной действительности, — о распространенности отдельных видов преступлений, о причинах, обуславливающих увеличение или уменьшение их числа, об особенностях, характеризующих совершителей преступлений, и т. д.» («Судебная статистика», М., 1948, стр. 15).

Целью установления нормы о преступных нарушениях правил по технике безопасности и являются борьба с действием этой вредной для общества закономерности, сведение к минимуму случаев ее проявления, охрана жизни и здоровья трудящихся от вредных случайностей в самом процессе производства. Этой цели подчинена конструкция нормы, которая включает признаки определенного действия (бездействия) и наступившего вредного последствия (или возможности его наступления).

Статистика указывает на наиболее распространенные, типичные формы общественно опасных действий и наступающих вредных последствий¹. Так, уничтожение и повреждение имущества могут быть достигнуты самыми различными способами. Однако практика показывает, что из всех способов наибольший вред причиняют поджоги, а также использование электроэнергии, огнеопасных материалов и другие подобные общеопасные действия, к тому же наиболее распространенные на практике.

В связи с сокращением круга уголовно наказуемых деяний новые уголовные кодексы не считают необходимым устанавливать уголовную ответственность за все случаи уничтожения или повреждения чужого имущества. Учитывая установленную практикой закономерность, Уголовный кодекс Казахской ССР, например, предусмотрел уголовную ответственность лишь за умышленное уничтожение или повреждение имущества граждан, «совершенное путем поджога или иным общеопасным способом или причинившее значительный ущерб» (ст.141).

Все закономерности, находящие отражение в уголовно-правовых нормах, являются социальными, а не техническими. Дело в том, что они выражают собою вредные результаты неправильного поведения людей в обществе. Хотя сами поступки людей основаны на использовании в каждом отдельном случае законов механики, физики, химии и биологии, в целом они представляют собою социальное явление: их вредные результаты наступают в сфе-

¹ Содержательный анализ наиболее типичных случаев нарушения трудовой дисциплины на автомобильном транспорте приводит Н. С. Алексеев. Он указывает, что самое распространенное нарушение, по материалам Ленинграда, состоит в управлении машиной в нетрезвом виде (49% всех случаев), затем идут недозволенное превышение скорости (30%), выпуск в эксплуатацию неисправных машин (11%) и др. (Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Л., 1957, стр. 52).

ре общественной жизни, они причиняют ущерб общественным интересам, да и причины этих поступков также носят социальный характер.

Важно отметить, что эти вредные для общества закономерности отнюдь не вытекают из существа социалистического строя. Напротив, они коренным образом противоречат ему. Поэтому социалистическое общество борется различными методами с их проявлениями. Немалую роль играет в этой борьбе и советское уголовное законодательство.

Глубокое изучение практики хозяйственного строительства и общественной жизни дает возможность вовремя выявить повторяющиеся вредные для социалистического общества формы поведения людей, а также вредные последствия такого поведения. Эти действия признаются общественно опасными и уголовно наказуемыми, а вредные последствия предусматриваются в уголовноправовых нормах в качестве признаков соответствующих преступлений.

Разумеется, при выработке уголовноправовой нормы законодатель не исходит лишь из анализа объективной стороны деяния; он учитывает все его элементы, а также целый ряд других обстоятельств (распространенность деяний подобного рода, возможность борьбы с ними иными, более мягкими средствами и т. д.), однако форма совершения деяния, развитие причинной связи и характер вредных последствий, т. е. признаки объективной стороны, играют при этом не последнюю роль.

Правильное определение круга общественно опасных деяний, их форм и объективных признаков имеет серьезное значение при выработке норм нового уголовного законодательства, особенно в настоящее время, когда в соответствии с решениями XXI съезда КПСС успешно проводится линия на широкое привлечение общественности к борьбе с преступностью и на смягчение ответственности за менее опасные правонарушения. Было бы нецелесообразно и недопустимо устанавливать уголовную ответственность за такие деяния, которые в силу незначительности вредных последствий, малой вероятности их наступления или по другим причинам не обладают серьезной общественной опасностью, так же как неправильно было бы оставлять безнаказанными деяния, общественная опасность которых в современных условиях пред-

ставляется несомненной. Обе эти стороны дела были соответственно учтены в новых уголовных кодексах¹.

Следует отметить, что сама возможность сокращения в современных условиях круга уголовно наказуемых деяний является выражением двух наиболее общих закономерностей, действующих у нас в области борьбы с антиобщественными явлениями: а) тенденции к постоянному сокращению преступности как по абсолютным показателям, так и с точки зрения разнообразия форм ее проявления и б) все более расширяющейся возможности вести борьбу с правонарушениями путем широкого привлечения общественности без применения суровых мер уголовной репрессии. Обе эти закономерности непосредственно вытекают из социалистической сущности нашего строя.

Таким образом, уголовно правовая норма закрепляет не любые случайные комбинации и формы объективной стороны того или иного деяния, а лишь такие ее формы, в которых проявляется определенная общественно вредная закономерность.

Норма — это юридическое понятие. Поэтому указанная закономерность отражается в ней специфическим образом.

Во-первых, она выражается в целенаправленности нормы, в ее «смысле». Когда говорят, что целью нормы об уголовной ответственности за нарушение правил движения на транспорте является главным образом охрана жизни и здоровья людей, то под этим подразумевается, что существует закономерная связь между

¹ Например, при подготовке Уголовного кодекса Узбекской ССР и него не было включено 109 статей из прежнего уголовного кодекса (представление неправильных сведений о количестве подлежащих учету предметов, о поголовье скота или составе имущества; нарушение правил об учете специалистов народного хозяйства; несообщение сведений об обработке хлопковых площадей; одновременное участие одного лица в двух или более обществах в качестве их члена и т. д.). Вместе с тем в Уголовный кодекс Узбекской ССР были включены такие деяния, ранее не предусмотренные уголовным законом, как неосторожное уничтожение или повреждение имущества, систематическое невыполнение планов и заданий по поставкам продукции, нетрудовое торговое посредничество, незаконная перевозка пассажиров и грузов, нарушение правил хранения, использования или учета радиоактивных веществ, нарушение правил охраны рыбных запасов и др.

указанными нарушениями и несчастными случаями с людьми. Имея в виду эту связь, уголовноправовая норма запрещает соответствующие действия, служащие источником вреда.

Во-вторых, эта закономерность отражается в юридических требованиях, содержащихся в данной норме. Все элементы преступления должны удовлетворять определенным условиям в зависимости от того, какую социальную закономерность выражает данная норма. Это относится и к объективной стороне.

Известно, например, что действие (бездействие) как первый элемент объективной стороны должно быть общественно опасным. Но этого мало. Характер этой опасности должен соответствовать смыслу данной нормы, установленной для борьбы с определенным кругом явлений. Действие должно быть опасно в смысле возможного причинения вреда тем именно интересам, ради охраны которых создана норма.

Конечный элемент объективной стороны — вредное последствие. Оно также должно носить не случайный характер, а относиться к области объекта данного преступления, быть однородным по характеру вреда с тем общественно опасным действием (бездействием), которое предусмотрено данной нормой.

Таким же условиям должна удовлетворять и причинная связь между действием (бездействием) и вредным последствием. Норма предусматривает, как правило, определенную разновидность (или несколько разновидностей) причинной связи, представляющую специфическое значение для данной области антиобщественных явлений. Все эти вопросы подробнее рассматриваются в последующих главах.

Какое значение все это имеет для судебно-прокурорской практики?

Для судебных и прокурорских органов требования правовой нормы имеют общеобязательную силу. Но ведь норма основана на объективных общественных закономерностях, следовательно, специфические черты отраженных в ней закономерностей сами приобретают нормативный характер. Норма, в соответствии с этими закономерностями, четко очерчивает границы уголовной ответственности, и судебно-прокурорская практика, имеющая дело с конкретными преступлениями, не может выйти за

пределы этих границ. Все случайные особенности объективной стороны преступления могут иметь уголовно правовое значение лишь в рамках закономерностей, отраженных в соответствующей норме.

Другими словами, то или иное совершенное лицом конкретное деяние для того, чтобы оно могло быть признано преступлением, должно представлять собой индивидуальное проявление той закономерности, которая лежит в основе создания соответствующей нормы. Так, приведенный выше случай с рабочим Ф., спустившимся в неохрашиваемую бензоцистерну и погибшим от отравления, несмотря на индивидуальные черты этого события, есть с рассматриваемой точки зрения конкретное проявление предной закономерности, которая состоит в том, что любое нарушение правил техники безопасности на производстве чревато вредными последствиями для жизни или здоровья людей. Происшествие с рабочим — случайность. Однако в этой случайности проявилась общая закономерность развития вредных явлений, и допущенные соответствующими работниками завода нарушения правил техники безопасности должны повлечь и повлекли уголовную ответственность виновных лиц.

Но каким образом установить, что данное конкретное преступление есть частное проявление той или иной общей закономерности? Следует ли при этом анализировать статистику преступности или сопоставлять данный случай с другими преступлениями той же категории? Ни то и ни другое. Практический смысл уголовного закона в том, в частности, и состоит, что он предусматривает все существенные признаки деяния, отражающего определенную закономерность. Эти признаки в своей совокупности образуют состав преступления.

2. Объективная сторона преступления и состава преступления. Состав конкретного преступления есть совокупность сгруппированных определенным образом в до-
внх признаков определенного деяния, характеризующих его как общественно опасное для интересов соци-
алистического общества. Из числа признаков объективной стороны к составу преступления относятся только те, которые присущи в с е м преступлениям данного вида без исключения, и притом только такие, которые необходи-
мы для признания данного деяния общественно опасным

и уголовно наказуемым, а также для отграничения его от смежных преступлений¹.

Устанавливая соответствие фактических признаков совершенного деяния составу преступления, мы и определяем тем самым, что это деяние представляет собою конкретное проявление той общей закономерности, которая имела в виду законодателем, и что, следовательно, применение этой нормы к данному деянию соответствует смыслу нормы и ее целям.

Важнейшее значение состава преступления в том и состоит, что он отражает объективные закономерности антиобщественных деяний и формулирует их в виде четких юридических признаков преступления, одинаково обязательных для всех, применяющих закон. Следует в этой связи решительно возразить против всякой недооценки состава как единственного основания для привлечения лица к уголовной ответственности по советскому уголовному праву, недооценки, в последнее время получившей некоторое распространение в печати².

Из тесной связи признаков состава преступления с объективными закономерностями; характеризующими преступные деяния, их свойства и формы, следует, что состав нельзя рассматривать как формальную совокупность разрозненных признаков. Состав включает в себя общественную опасность деяния (разумеется, не как отдельный элемент, а как общее свойство преступления в целом), причем, как отмечено выше, общественную опасность определенного качества, в отношении определенного круга общественных отношений. Для правильного понимания состава преступления того или иного вида необходимо уяснить цель и смысл данной нормы, так как только такая совокупность признаков, которая соот-

¹ См. В. И. Курляндский, Некоторые вопросы учения о составе преступления в теории советского уголовного права, «Советское государство и право» 1951 г. № 11, стр. 38. См. М. М. Кисеницкий, К вопросу о понятии состава преступления в советском уголовном праве, «Труды Томского государственного университета», т. 137, Томск, 1957, стр. 93.

² См., например, Б. С. Утевский, Вопросы уголовного права в проекте Закона, «Советское государство и право» 1960 г. № 1, стр. 118; его же, Новые формы и методы борьбы с преступностью и личностью преступника, «Социалистическая законность» 1960 г. № 2, стр. 14—18.

ветствует смыслу данной нормы и отражает его, может рассматриваться в качестве состава преступления¹.

Если анализ объективной стороны состава преступления необходим для правильного понимания общих свойств деяний данного рода, то имеет ли какое-нибудь значение анализ объективной стороны преступления? В чем разница между ними? Для ответа на эти вопросы необходимо коснуться соотношения преступления и состава.

Конкретное преступление — единичное явление, а состав — это общее, совокупность видовых признаков. В реальной действительности состав не существует вне конкретных преступлений. «Общее,— писал В. И. Ленин,— существует лишь в отдельном, через отдельное... Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»². Состав преступления есть объективно существующая структура преступлений данного вида, формулируемая нами в виде абстрактного понятия и описываемая с большей или меньшей точностью и полнотой в диспозициях уголовноправовых норм.

Некоторые полагают, что понятие состава относится не ко всем общественно опасным деяниям, в частности, что состав преступления якобы не содержится в приготовлении и покушении на преступление, а также в деятельности соучастников. Это было бы правильно, если бы под составом понимался только состав оконченного преступления, совершенного исполнителем. Но нам думается, что нет никаких оснований так узко понимать состав преступления. Этот вопрос более правильно решает Н. Д. Дурманов, который считает, что «можно, уточняя особенности стадий, говорить о составе оконченного преступления, покушения на то же преступление и приготовления»³. Очевидно, то же можно сказать и о деятельности соучастников преступления.

При изучении объективной стороны нельзя ни ограничиваться эмпирическим изучением индивидуальных свойств конкретных преступлений, ни замыкаться в рамках общих характеристик. Содержащиеся в признаках

¹ См. Д. С. Шляпочников, Толкование уголовного закона, 1960, стр. 8, 23 и др.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 329.

³ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 31.

состава общие для всех преступлений черты объективной стороны позволяют глубоко вскрыть основные ее свойства и установить единые правила уголовной ответственности. Как известно, более высокая степень абстракции позволяет вскрывать сущность явления с наибольшей глубиной. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... — от истины, а подходит к ней»¹. Как подчеркивал Ф. Энгельс, «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность...»².

Вместе с тем следует иметь в виду, что общие понятия лишены той конкретной определенности, которая присуща объективной стороне единичного, индивидуального преступления, совершаемого в реальной действительности. «Всякое отдельное, — писал В. И. Ленин, — неполно входит в общее...»³. Поэтому при научном анализе объективной стороны необходимо рассматривать также и те признаки объективной стороны, которые присущи единичным преступлениям, но не «подымаются до ранга» признаков состава. Как правильно пишет И. Реннеберг, «важно выявить преступление во всем его конкретном объективном проявлении и в его связи со всеми условиями места и времени, которые могут иметь значение при уголовноправовой оценке его»⁴. Особенно важно это для судебно-прокурорской практики, так как нередко именно индивидуальные признаки объективной стороны существенно влияют на оценку степени общественной опасности деяния и решение вопроса о характере и степени ответственности виновного.

С реальными явлениями не следует смешивать понятия об этих явлениях. Понятие преступления, так же как и понятие состава, представляет собою научную абстракцию и, следовательно, включает признаки, общие для всех преступлений. При этом разница между понятием преступления и понятием состава преступления состоит в различном выборе и различной группировке существен-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 146.

² Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, Госполитиздат, 1955, стр. 185.

³ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 329.

⁴ И. Реннеберг, *Объективная сторона преступления*, стр. 20.

ных признаков преступного деяния. Если определение понятия преступления характеризует его главным образом с точки зрения социальной сущности как общественно опасное явление¹, то понятие состава преступления характеризует его юридическую структуру, раскрывает все основные образующие его элементы. Каждая из этих абстракций играет важную роль в познании такого общественного явления, каким является преступление. Как указывает В. И. Ленин, «все научные, (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее *полнее*»².

Как понятие преступления, так и понятие состава преступления могут быть абстракциями различных степеней. Например, мы говорим о краже и составе кражи. Более высокой степенью обобщения будут понятие хищения социалистической собственности и понятие состава хищения. Наконец, наивысшей степенью абстракции применительно к преступным деяниям будет общее понятие преступления (ст. 7 Основ уголовного законодательства), которому соответствует общее понятие состава преступления по советскому уголовному праву³.

На ступени единичного конкретного преступления понятие «объективная сторона преступления» шире объективной стороны как элемента состава, так как оно включает не только те признаки, которые являются общими для всех преступлений данного вида (например, для всех вообще случаев кражи), но и индивидуальные признаки, свойственные только данному случаю (например, краже, совершенной А. в Москве 20 мая 1960 г.).

На всех последующих ступенях абстракции (вида, рода, общего понятия преступления) понятия объектив-

¹ Статья Основ уголовного законодательства, содержащая определение преступления, раскрывает объект и объективную сторону преступления, его противоправность и общественную опасность.

² В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 146.

³ В этой связи представляются неубедительными соображения проф. Андреева (Польша), который правильно пишет, что «существует далеко идущая параллель (если не тождество) между родовым понятием преступления и его составом», а затем вдруг утверждает, что «этой параллели нет на высшей ступени абстракции, когда речь идет об общем понятии преступления». Почему? На это автор не дает ответа (см. И. П. Андреев, *Рецензия на книгу А. П. Трайнина «Общее учение о составе преступления»*, «Советское государство и право» 1958 г. № 3, стр. 150).

ной стороны преступления и состава теоретически и практически совпадают. Поэтому в указанных случаях вполне правомерно употреблять в совершенно одинаковых значениях термины «объективная сторона состава» и «объективная сторона преступления», так как оба эти понятия включают соответственно одни и те же признаки (видовые, родовые, общие признаки преступления). Таким образом, можно, например, сказать, что тайное или открытое похищение (изъятие) чужого имущества образует объективную сторону кражи¹ или состава кражи².

3. Объективная сторона и диспозиция статьи. Необходимо проводить четкое различие между элементом состава преступления и диспозицией уголовноправовой нормы. Смещение этих понятий вытекает в большинстве случаев из представления о составе преступления как результате творчества законодателя. Так, А. Н. Трайнин писал: «Самое образование составов преступлений совершается законодателем путем сочетания признаков, в совокупности образующих общественно опасное действие»³. Между тем законодатель, разумеется, образует не состав, а уголовноправовую норму, в которой с большой или меньшей полнотой описываются признаки состава преступления. Сами эти признаки существуют объективно, независимо от сознания людей, они действительно присущи данному конкретному преступлению, и задача законодателя состоит в том, чтобы выявить и предусмотреть эти признаки в законе с наибольшей точностью и глубиной.

Понимание состава как объективной реальности не означает отрицания роли законодателя в уголовноправовом нормотворчестве. Именно законодатель, руководствуясь объективными критериями, признает определенное общественно опасное деяние преступлением и опи-

¹ См. М. П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, М., 1958, стр. 61—62.

² См. В. Д. Меньшагин, Усиление охраны личной собственности граждан, М., 1948, стр. 17.

³ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 68; см. его же, Общее учение о составе преступления, стр. 83 и др. Аналогично Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили пишут о том, что «закон создает составы преступлений» («Советское государство и право» 1954 г. № 5, стр. 67). Подобные высказывания встречаются и у других криминалистов.

связает его признаки в диспозиции правовой нормы. Это очень точно выражено в ст. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, где говорится, что «уголовное законодательство... определяет, какие общественно опасные деяния являются преступными, и устанавливает наказания, подлежащие применению к лицам, совершившим преступления». Признаки преступления, закрепленные, таким образом, в законе, обязательны для всех органов, применяющих этот закон. Естественно, что отнесение одних свойств преступления к числу элементов состава и непризнание такого значения за другими его свойствами также зависит от воли людей. Однако это, во-первых, не лишает указанные свойства их объективного содержания, а, во-вторых, само признание или непризнание определенных свойств существенными также имеет под собой объективную основу: влияние этих свойств на общественную опасность деяния, значение их для разграничения данного преступления от других преступлений и т. д. С изменением социально-политической обстановки некоторые свойства преступлений меняются, одни признаки теряют влияние на общественную опасность деяния, а другие, напротив, его приобретают. Это влечет за собой необходимость изменить в законодательном порядке диспозицию статьи закона, после чего она уже отражает по существу признаки не прежнего, а другого преступления, которому объективно присуща несколько иная юридическая структура, иной состав¹. Диспозиция статьи закона, таким образом, только отражает элементы состава преступления и то обычно не в полном объеме².

¹ Так, с установлением уголовной ответственности за неосторожное уничтожение государственного и общественного имущества характер предмета посяательства (сельскохозяйственные машины, лошади и т. п.) утратил значение признака состава преступления, а некоторые другие признаки (например, общепаспортный способ совершения преступления, размер ущерба) приобрели это значение.

² Неправильно пишет Я. М. Браунин: «Признаками состава преступления являются те признаки, которые указаны законодателем в диспозиции уголовного закона». («К вопросу о составе преступления как основании уголовной ответственности по советскому уголовному праву», «Советское государство и право» 1954 г. № 7, стр. 69). Например, признаки состава хищения в законе не были указаны, а раскрывались теорией уголовного права и судебной практикой.

Хотя признаки объективной стороны преступления описываются в диспозиции уголовноправовой нормы обычно подробнее, чем другие элементы состава, но все же не в полной мере. Это вполне понятно. Если объективная сторона представляет собою внешнюю сторону процесса преступного посягательства и, следовательно, характеризуется непрерывным движением, изменением, то правовая норма и ее диспозиция есть явление статическое, закрепляющее те или иные признаки в их относительно устойчивой форме. Поэтому из всей массы изменчивых признаков реально существующей объективной стороны преступления уголовноправовая норма закрепляет лишь некоторые, «узловые» моменты, наиболее наглядно характеризующие развитие этого процесса. Такими признаками в одних случаях является способ действий преступника, других — наступивший результат, в третьих — несколько последовательных этапов преступной деятельности, в четвертых — средства, применяемые преступником, и т. д. Некоторые элементы объективной стороны (например, причинная связь между действием и последствием) в большинстве случаев подразумеваются законодателем.

Вот почему при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел никак нельзя ограничиваться установлением только тех признаков, которые прямо описаны в диспозиции той или иной статьи уголовного кодекса. Такое ограничение неизбежно ведет к ошибкам, ибо не дает возможности проанализировать все элементы состава данного преступления. За диспозицией надо всегда видеть состав, который раскрывается при комментировании закона, при изучении вопросов особенной части, а также в судебных решениях, содержащих нередко глубокие характеристики как смысла той или иной нормы в целом, так и отдельных элементов соответствующего преступления¹.

§ 5. Значение объективной стороны преступления

1. **Объективная сторона и основания уголовной ответственности.** Сказанное выше уже во многом опреде-

¹ В. И. Шанин правильно пишет, что в «советской юридической практике при толковании правовой нормы выясняется то содержание,

ляет значение объективной стороны в ее соотношении с другими элементами преступления. Без объективной стороны деяния не может быть посягательства на объект преступления, нет и субъективной стороны как определенного отражения объективных признаков деяния в сознании субъекта, и, наконец, отсутствует субъект преступления. Совместно с другими элементами преступления объективная сторона определяет степень общественной опасности совершенного деяния, степень вины преступника и влияет на характер назначаемой ему меры наказания.

Однако политическое и юридическое значение объективной стороны преступления этим не исчерпывается. Само признание объективной стороны элементом преступления имеет важное значение с точки зрения оснований уголовной ответственности.

Проблема оснований уголовной ответственности имеет три стороны, тесно связанные между собой: а) социально-политическое обоснование репрессии в классовом обществе; б) основания для признания тех или иных деяний уголовно наказуемыми и в) основания для привлечения к уголовной ответственности данного человека.

За что именно в данном классовом обществе устанавливается и применяется уголовное наказание? Этот вопрос, имеющий важное политическое значение, не может быть решен одинаково в социалистическом и в эксплуататорском обществах.

Отношение Советского государства к вопросу об основаниях уголовной ответственности является вполне определенным. Советское законодательство признает преступлением только конкретное общественно опасное действие или бездействие и не допускает ответственности за убеждения, взгляды, образ мыслей. При этом советское право исходит из известного положения К. Маркса: «Никто не может быть заключен в тюрьму, либо же лишен своей собственности или другого юридического права на основании своего морального харак-

которое было вложено законодателем» (В. И. Шанин, Роль социалистического правосознания в укреплении советской законности, «Груды ВПА им. В. И. Ленина», вып. 24, М., 1958, стр. 181). См. также А. С. Шляпчиков, Толкование уголовного закона.

тера, на основании своих политических и религиозных убеждений»¹.

Этого принципа Советское социалистическое государство придерживалось с первых дней своего существования.

Молодая Советская республика была вынуждена применять меры принуждения к представителям ранее господствовавших классов. «История показала,— говорил В. И. Ленин,— что без революционного насилия.., направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров»². Однако из принципов пролетарского мировоззрения никогда не вытекала необходимость преследования за политические взгляды и убеждения.

Об этом свидетельствует ряд декретов Советской власти, предусматривавших освобождение лиц, которым не предъявлено обвинение в совершении конкретных преступлений. Так, постановлением VI Всероссийского съезда Советов 6 ноября 1918 г. были освобождены от заключения все те лица, задержанные органами борьбы с контрреволюцией, «которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинения в непосредственном участии в заговоре против Советской власти, или подготовке его, или в организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти»³.

Характеризуя деятельность ВЧК по ликвидации в Москве банды анархистов, Ф. Э. Дзержинский указывал: «Мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами, и в настоящее время всех идейных анархистов, задержанных в ночь на 12 апреля, мы освобождаем, и если, может, некоторые из них будут привлечены к ответственности, то только за прикрытие преступлений, совершенных уголовными элементами...»⁴.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 182.

² В. И. Ленин, Речь на 4-й конференции губернских чрезвычайных комиссий, в ст. «Из истории ВЧК (1917—1921 гг.)», М., 1958, стр. 368.

³ СУ РСФСР 1918 г. № 100, ст. 1033. См. также «Из истории ВЧК», стр. 89, 206, 442 и др.

⁴ «Из истории ВЧК», стр. 108; см. также стр. 110—111. В сообщении ВЧК о деле Восторгова говорилось: «Чрезвычайная комиссия

Привлечение к ответственности за политические убеждения противоречит природе социалистического общества. Жизнь показала ошибочность формулы о том, что будто бы по мере продвижения Советского Союза к социализму классовая борьба будет все более и более обостряться. Эта формула, верная для определенных этапов переходного периода, когда решался вопрос «кто кого», когда шла упорная классовая борьба за построение основ социализма, перестала отражать действительность, как только были ликвидированы эксплуататорские классы и тем самым уничтожена классовая база внутри страны для совершения особо опасных государственных преступлений¹. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 г. было указано, что «по общему смыслу советского уголовного законодательства наказание может быть назначено судом лишь в случае признания подсудимого виновным в совершении определенного преступления»².

Последовательным развитием линии Коммунистической партии на дальнейшее укрепление социалистической законности явилось принятие 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Статья 3 Основ провозглашает, что основанием уголовной ответственности является только совершение преступления, т. е. предусмотренного законом общественно опасного действия или бездействия. Таким образом, советское уголовное законодательство не допускает никаких форм репрессии «за опасное состояние» или политические взгляды.

Установление уголовной ответственности исключительно за выраженное вовне общественно опасное поведение лица полностью соответствует демократическому характеру советского строя, основанного на передовой коммунистической идеологии. Советское государство не

далека от мысли преследовать людей за их религиозные убеждения... Ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо» (там же, стр. 129).

¹ См. постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», Госполитиздат, 1956, стр. 15—16.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12 июля 1946 г. «О возможности применения судами наказания лишь к лицам, совершившим определенное преступление», «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1951 гг.)», М., 1952, стр. 74.

нуждается в установлении репрессий за политические взгляды и убеждения. В условиях социалистического общества политические взгляды, противоречащие коммунистическому мировоззрению, есть взгляды отсталые, выражающие интересы старого общества, не имеющие ни классовой базы, ни исторической перспективы. В борьбе с коммунистическим мировоззрением эти взгляды обречены на вымирание.

Это, конечно, не должно означать ослабления борьбы с буржуазной идеологией. «Мы не можем игнорировать возможность буржуазного влияния,— указывал тов. Н. С. Хрущев,— и обязаны вести борьбу против него, против проникновения в среду советских людей и особенно в среду молодежи чуждых взглядов и нравов»¹. Но эту борьбу можно вести в условиях социалистического общества главным образом путем воспитательных мер. Как указывалось на XXI съезде партии, «не только методы наказания и принуждения, а прежде всего — методы убеждения — вот что должно быть главным. Этому нас учил великий Ленин, который требовал всячески помогать молодым людям, как можно терпеливее относиться к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно и преимущественно путем убеждения, а не борьбы»².

Наглядной иллюстрацией этих положений являются факты профилактической, предупредительной работы, проводимой в современных условиях органами государственной безопасности с лицами, которые в силу недостаточной сознательности и политической зрелости высказывают отдельные политически ошибочные взгляды³. Доверие к людям, опора на коллектив, на советскую общественность — вот основа профилактической работы, направленной на предупреждение преступлений лиц, вставших на неправильный путь. Эта линия в корне противоположна той реакционной внутренней политике, которая проводится в капиталистических государствах.

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 63—64.

² Речь тов. А. Н. Шелепина на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза, «Правда» 3 февраля 1959 г.

³ Некоторые из этих фактов были приведены в статье Л. Шейнина «Сила и вера» («Известия» 6 сентября 1959 г.).

В нашей литературе высказывалось мнение, что общим основанием уголовной ответственности в любом государстве является запрещенное законом деяние¹. Это представление неполно и потому неверно. История государства и права эксплуататорских формаций дает яркую картину произвола в области оснований ответственности. Как в рабовладельческом, в феодальном, так и в буржуазном обществе наряду с ответственностью за деяния, опасные для господствующих классов, широко применялось, а в империалистических государствах применяется и теперь преследование за «опасные мысли» и политические взгляды, преследование за «опасное состояние», репрессия в отношении лиц, не совершивших никаких запрещенных законом действий.

В этих случаях ответственность наступает при отсутствии какой бы то ни было объективной стороны преступления, так как нет самого деяния, нет преступления; вполне понятно, что при этом разрушается само понятие уголовной ответственности.

Теоретическое «обоснование» репрессии при отсутствии выраженного вонне противоправного действия или бездействия было дано главным образом представителями так называемой социологической школы буржуазного уголовного права, проповедовавшей необходимость применения мер социальной защиты независимо от факта совершения преступления.

Так, еще Принс, один из основателей этой школы, писал: «Преобразование в уголовном праве заставляет нас признать опасное состояние даже там, где нет еще преступления, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»². Эту же идею в современных условиях проводят многие буржуазные криминалисты, придерживающиеся позиций социологической школы. Например, итальянский крими-

¹ В макете учебника «Советское социалистическое уголовное право» (ВИУН) говорилось: «Уголовная ответственность по буржуазному уголовному праву — это, прежде всего, ответственность за действия, которые признаются преступными господствующими в буржуазном государстве классами, — действия, опасные для этих классов» (М., 1950, стр. 58).

² Ад. Принс, Защита общества и преобразование уголовного права, М., 1912, стр. 72.

налист Ф. Граматика утверждает, что конкретизированное в уголовном праве право государства наказывать является пройденным этапом и проявило себя как «неэффективное»¹.

В соответствии с подобными взглядами уголовное законодательство ряда капиталистических государств допускает репрессию за так называемое опасное состояние. Например, ст. 36 (2) уголовного кодекса Канады предусматривает возможность ареста без ордера любого лица, которое будет обнаружено «лежащим или бродящим без дела на какой-либо проезжей дороге, во дворе или в другом месте в ночное время», если представитель власти «имеет достаточные основания подозревать его в совершении или намерении совершить какое-либо преступление»².

Известно, что даже в тех случаях, когда уголовная ответственность наступает в результате совершения преступления, нередко противоправное действие рассматривается буржуазным уголовным правом не как основание ответственности, а только как симптом «социальной опасности» лица, что и служит подлинным основанием репрессии. Так, действующий уголовный кодекс Швейцарии допускает применение «мер безопасности» к лицу, совершившему преступление, в тех случаях, когда, по мнению суда, оно «недостаточно восприимчиво» к обычному уголовному наказанию, а «состояние его заставляет опасаться совершения и в дальнейшем подобных преступлений»³.

Подобное перенесение центра тяжести с деяния на деятеля, с действия как основания уголовной ответственности на «преступное состояние», для которого преступное действие служит лишь симптомом, подрывает основы законности и правосудия и ведет к ликвидации гарантий свободы личности. В империалистических государствах применение репрессии к лицам, не совершив-

¹ См. М. Д. Шаргородский, *Современные теории буржуазного уголовного права*, Л., 1958, стр. 21.

² Snow's Criminal Code of Canada, Toronto, 1939, s. 36 (2). См. также «Современное зарубежное уголовное право», т. I, М., 1957; т. II, М., 1958.

³ Г. Ф. Феннингер, *Швейцарское уголовное право*, «Современное зарубежное уголовное право», т. II, М., 1958, стр. 397. К этим мерам относятся: интернирование «привычных преступников», направление в воспитательно-трудовой дом» и др.

шим никаких конкретных запрещенных законом действий, стало характерной чертой внутренней политики.

Почему же «меры безопасности», отказ от объективных оснований ответственности и наказание за «опасные мысли» приобретают в современных буржуазных государствах такое широкое распространение?

Основная причина этого, бесспорно, является политической.

Применение наказания за «опасное состояние» в эксплуататорском государстве исторически обусловлено. Оно характеризует упадок эксплуататорского способа производства и направлено своим главным острием против революционной идеологии, против молодых, прогрессивных сил общества, поднимающихся на смену старого строя. Известно, что «опасными мыслями» в условиях современных империалистических государств признаются прогрессивные, демократические взгляды, выражающие интересы трудящихся масс, которым принадлежит будущее. Борясь против прогрессивных сил общества, против коммунистических и рабочих партий, империалистическая буржуазия преследует и идеологию пролетариата, ее носителей и распространителей, всячески стремясь задержать общественное развитие, затормозить неизбежный крах капиталистической системы. Коммунистическая идеология уже в силу самого факта своего существования и все более широкого распространения среди народных масс представляет опасность для эксплуататорских классов, и потому судебная и внесудебная репрессии в империалистических государствах направляются не только против конкретных действий, запрещенных законами, но и против политических взглядов, против прогрессивных организаций и отдельных представителей трудящихся.

Общеизвестен откровенный произвол американской юстиции, проявившийся в процессе над одиннадцатью лидерами американской компартии в 1948 году, привлеченными к ответственности по так называемому закону Смита. «Руководителей коммунистической партии, — писал Д. Марион, — не обвиняют ни в каких действиях... Их даже не обвиняют в проповеди и отстаивании какого-либо преступного или непроступного действия... Их обвиняют только в проповеди определенных идей, которые коммунисты называют принципами марксизма-ле-

низма. На эти-то идеи, на эту философскую систему в целом и нападает правительство»¹.

В обстановке разжигания военного психоза, ведения «холодной войны» реакционными кругами империалистических государств в течение ряда послевоенных лет были приняты законы, направленные на преследование граждан за политические взгляды, за принадлежность к коммунистическим и другим прогрессивным организациям. Таковы американские антирабочие законы Тафта — Хартли, Кейза, Маккарэна — Вуда, закон о контроле над коммунистами 1954 года и др. Подобные законы были приняты по американскому образцу и в других странах, находящихся в зависимости от англо-американского империализма. Таков, например, закон о подавлении коммунизма, принятый в Южно-Африканском Союзе в 1950 году. По этому закону министр юстиции вправе подвергнуть репрессии любое лицо, признанное им коммунистом. При этом коммунистом считается всякий, кто «является сторонником, защищает, пропагандирует или одобряет... достижение какой-либо из целей коммунизма...»².

Подобные положения, узаконивающие ответственность за политические взгляды, имеются и в греческом законе «О мерах национального перевоспитания». По этому закону в застенки Макронисоса могут быть направлены не только лица виновные в каких-либо противозаконных деяниях, но и лица, «опасные для национального режима», лица, «превентивно арестованные Министерством общественного порядка или военными властями», «все военнослужащие, кроме кадровых офицеров, которых военные власти сочтут необходимым передать для перевоспитания», и т. д.

Разоблачая реакционную сущность этого закона, прогрессивные представители греческой общественности указывали, что на его основании может быть репрессирован, по сути дела, каждый, ибо под категории «подозрительного» и «опасного» легко подвести любого гражданина³.

¹ Джордж Марион, Судилище на Фоли-Сквер, М., 1950, стр. 81.

² Цит. по работе С. Л. Зивс, Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, М., 1958, стр. 191.

³ См. «Правда» 25 октября 1949 г. «Закон,— писал Генеральный секретарь социалистической партии Циримокос,— не распрост-

На основании этого и других подобных законов реакционная буржуазия расправляется с подлинными патриотами, передовыми представителями трудящихся масс.

Справедливое возмущение всей прогрессивной мировой общественности вызвал процесс над национальным героем Греции, внесшим славу в борьбу за свободу и независимость своей родины,—Манолисом Глезосом. Этот видный общественный деятель был осужден по фашистскому закону № 375 по сути дела за свои политические взгляды, так как ни одного факта совершения Глезосом противозаконных действий не было установлено. «Нет, это не суд над преступниками,—заявил английский юрист Г. Мур.—Здесь судят идеи. На эти идеи хотят наложить оковы»¹.

Это обстоятельство не отрицалось самими афинскими судьями. Председатель трибунала Полихронопулос заявил во время процесса, что по закону № 375 обвиняемых можно судить не только за действия, но и за мышление². Так официальный представитель подтвердил то, о чем писала в эти дни вся мировая прогрессивная пресса: в греческом трибунале судят идеи, которые не устраивают тех, кто хотел бы и дальше безнаказанно вести наступление на жизненные права народа и завершить превращение Греции в атомно-ракетную базу США.

Подобная картина характерна и для Западной Германии. «В капиталистических странах,—говорил тов. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,—появляются зловещие признаки натиска реакции и фашизма. Именно на этот реакционный путь встала Западная Германия, где запрещена коммунистическая партия, подвергаются гонениям демократические силы и предоставляется полная свобода фашистским и реваншистским организациям»³.

раняется лишь на три категории граждан, не нуждающихся, по мнению законодателей, в национальном перевоспитании,—на жуликов, бандитов из правого лагеря и предателей, находившихся на службе у гитлеровских оккупантов» (там же).

¹ «Правда» 12 июля 1959 г.

² См. «Правда» 13 июля 1959 г.

³ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 98.

Теоретическим «основанием» для применения западногерманскими судами наказания к лицам, не совершившим никаких противозаконных действий, служит уже упоминавшаяся нами «финальная теория» Вельцеля, усматривающая основание наказуемости преступления не в совокупности внешних (объективных) и внутренних (субъективных) элементов, а в «направленности воли» лица¹. Эта теория широко используется западногерманскими судами для осуществления репрессии за политические убеждения. В 1954 году 6-й уголовный сенат федеральной судебной палаты ФРГ в Карлсруэ осудил за принадлежность к коммунистической партии трех немецких патриотов — Райхеля, Бейера и Неймана. Обвиняемые, разоблачая политическую подоплеку этого процесса, указали, что «сенат руководствовался фашистскими уголовноправовыми теориями и особенно финальной теорией... Сенат игнорировал конституционный принцип, согласно которому только конкретное деяние может явиться объектом расследования и возможного осуждения. Он заменил состав преступления конструкцией, которая соответствует политическим целям федерального правительства, и осудил таким путем обвиняемых за их образ мыслей. Как показывает практика гитлеровских времен, это является типичным признаком особой политической юрисдикции»².

На основании реакционных законов в ФРГ с 1951 по 1958 год запрещено свыше 200 демократических организаций. Каждому инакомыслящему или пожелавшему выразить свои чувства и стремления к миру грозит тюрьма. Боннский министр Штраус заявил, что тот, кто в Западной Германии выступает против гонки атомного вооружения, рассматривается как «потенциальный военный преступник». Газета «Франкфуртер рундшау»

¹ «Опасность воли... имеет решающее значение, а не... опасность внешнего события», — пишет Вельцель (Welzel, *Naturalismus und Weltphilosophie im Strafrecht*, Manheim, Berlin—Leipzig, 1935, S. 83).

² См. Е. К в и д а м, Красные мантии из Карлсруэ, М., стр. 139—140. В 1955 году депутат СДПГ д-р Г. Кох заявил в ландтаге: «Собственно говоря, мы имеем уже уголовное право, преследующее за образ мыслей, несовместимое с принципами правового государства. Теперь наказуются не уголовные деяния, а образ мыслей» (там же, стр. 104).

сообщила, что в министерстве Штрауса уже составлена картотека на сорок тысяч «неблагонадежных»¹.

Преследования коммунистических и рабочих партий в капиталистических странах служат показателем слабости империалистической буржуазии. «Ничто не в силах задуть коммунистическое движение,— указывал тов. Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,— ибо оно вызвано классовой борьбой пролетариата, всех трудящихся и выражает их интересы»². Коммунистической идеологии, правильно отражающей процессы общественного развития, принадлежит будущее, и никакие репрессивные меры империалистической буржуазии не в состоянии приостановить ее распространение и дальнейшее развитие.

2. Значение точного описания объективной стороны в законе. Для последовательного соблюдения социалистической законности при отправлении правосудия имеет большое значение правильное и точное описание в законе отдельных признаков состава преступления, в том числе и его объективной стороны. Расплывчатое, неточное описание этих признаков может повести к ненужному и вредному расширению пределов уголовной ответственности или к их неоправданному сужению, а следовательно, к ослаблению меткости судебной репрессии в борьбе с преступностью.

Неполное указание в законе признаков объективной стороны усложняет толкование текста закона, причем этот процесс может быть длительным и результаты его не во всех случаях будут единообразными. Достаточно указать, например, на то, что толкование понятия хищения, не раскрытого в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», производилось как различными судебными органами, так и научными работниками на протяжении более чем десяти лет, причем единого содержания этого понятия так и не было выработано³.

¹ См. В. Михайлов, За что судят рабочих Рура, «Правда» 19 апреля 1959 г.

² Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 96.

³ Только в литературе последних лет объективная сторона хищения определяется как «завладение» имуществом (Т. Л. Сер-

Иногда описание признаков объективной стороны преступления в более общем виде является неизбежным (например, описание хулиганства) или общепринятым (например, описание убийства); если же уголовноправовая норма вводит впервые наказуемость данного деяния или существенно изменяет его характеристику, подробное описание его признаков необходимо. Особенно важно это в связи с тем, что Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик отменено применение аналогии.

Новое советское уголовное законодательство идет по линии все более точного описания в законе признаков преступления, в том числе его объективной стороны. Это хорошо видно, например, на статьях Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (1958 г.). Вместо прежней редакции статьи об измене родине (ст. 58^{1а} УК РСФСР 1926 года), в которой давался лишь примерный перечень объективных форм совершения этого преступления, в новом Законе дан исчерпывающий перечень (ст. 1). В статье о террористическом акте (ст. 3) подробно характеризуется объективная сторона деяния, в то время как прежняя редакция (ст. 58⁸ УК 1926 года) содержала лишь наименование этого преступления. Такие же изменения, имеющие существенное значение для правильного применения закона, внесены и в другие статьи (шпионаж, утрата документов, содержащих государственную тайну, контрабанда, массовые беспорядки и др.).

Этот процесс уточнения признаков преступлений, характерный для социалистического уголовного права, прямо противоположен стремлению буржуазных законодателей всемерно расширить произвол и усмотрение буржуазного суда путем создания расплывчатых, каучуковых формулировок, изложить закон в «неопределен-

геева, Уголовноправовая охрана социалистической собственности в СССР, М., 1954, стр. 13), «распоряжение» имуществом как своим собственным и «противоправное обращение его в свою пользу или в пользу других лиц» (П. Т. Некипелов, Советское уголовное законодательство в борьбе с хищениями социалистической собственности, М., 1954, стр. 77), «преступное приобретение» имущества (Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за хищение государственного и общественного имущества, М., 1954, стр. 31) и т. д.

ной редакции, которая оставляет судье и присяжным такой широкий простор»¹.

Примером подобных расплывчатых диспозиций буржуазного законодательства может служить ст. 106 Единого кодекса военной юстиции США 1951 года, которая предусматривает ответственность за военный шпионаж. Она гласит: «Любое лицо, которое в военное время ведет себя или действует как шпион в любом месте территории, на судне или на самолете, находящихся под контролем или юрисдикцией вооруженных сил Соединенных Штатов, или действует подобным образом на верфи, промышленном предприятии или другой организации или учреждении, работающем на нужды войны, или в каком-либо ином месте., наказывается смертной казнью». Из признаков объективной стороны здесь указаны только время и место действия, да и то не исчерпывающим образом, а раскрытие самого содержания преступных действий остается на усмотрении военного суда. Подобная формулировка очень удобна для того, чтобы по ложным, сфальсифицированным обвинениям в шпионаже можно было привлекать к уголовной ответственности лиц, в действительности не совершивших никаких преступлений. Характерно, что греческий закон № 375, по которому судили Манолиса Глезоса, имеет такую же расплывчатую диспозицию².

Точное описание в законе признаков объективной стороны связывает руки буржуазной юстиции в тех случаях, когда по политическим соображениям правящей верхушке необходимо репрессировать честных граждан. Вот почему в уголовном законодательстве империалистических стран имеются также статьи, дающие право суду применять уголовное наказание за действия, которые он сочтет опасными для существующего правопорядка, хотя бы эти действия и не были прямо предусмотрены уголовным кодексом. Так, ст. 134 Единого кодекса военной юстиции США гласит: «Любое учинение беспорядка или нарушение дисциплины в вооруженных силах, хотя бы специально и не предусмотренное

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 639.

² Этот закон предусматривает смертную казнь за «посягательство на внешнюю безопасность государства в целях шпионажа», причем ни одно из этих понятий не расшифровывается.

в настоящем кодексе... наказывается по усмотрению военного суда». Это положение есть не что иное, как скрытый институт аналогии, причем без тех гарантий (квалификация по сходной статье закона), которая предполагается демократическим законодательством при применении этого института.

3. Значение установления признаков объективной стороны в судебно-прокурорской практике. При расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел важное значение имеет правильное установление всех признаков объективной стороны преступления в действиях обвиняемого.

Вкратце это значение выражается в следующем:

а) Без анализа объективной стороны деяния невозможно прийти к выводу о наличии или отсутствии в действиях обвиняемого состава преступления.

Объективная сторона — один из элементов состава. Если никаких признаков объективной стороны не установлено или эти признаки не удовлетворяют требованиям закона, состав преступления отсутствует. Осуждение лица за преступление, которого он в действительности не совершал, является грубым нарушением социалистической законности¹.

Правильное установление признаков объективной стороны весьма важно для разграничения преступления от проступка или иного правонарушения, в том числе такого, которое подпадает под компетенцию товарищеского суда.

— Например, мелкое браконьерство отличается от уголовно наказуемой незаконной охоты в первую очередь по объективным признакам (характер и размеры причиненного ущерба).

б) Анализ объективной стороны преступления необходим для правильной квалификации содеянного.

¹ Так, по делу Л. Верховный Суд СССР отметил: «Из приговора и материалов дела не видно, в чем конкретно выразилось преступление Л., в чем выразился брак выпускаемой кузнечным цехом продукции, в каких размерах выразился этот брак, также неизвестно. Суд, обвиняя Л. в халатном отношении к наблюдению за состоянием оборудования цеха, не привел при этом ни одного конкретного факта халатности и ее последствий», «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1938 г. и 1 полугодие 1939 г.», М., 1940, стр. 132 (дело Л.).

Многие преступления различаются между собой главным образом по объективной стороне. Это относится в первую очередь к тем преступлениям, которые посягают на один и тот же непосредственный объект (например) преступления против личной собственности граждан). Многочисленные постановления и определения судебных органов подчеркивают недопустимость квалификации действий обвиняемого по статье, которая предусматривает иную объективную сторону, иной состав преступления¹.

Неправильная квалификация существенно сказывается на судьбе обвиняемого, искажает представления о состоянии преступности, грубо нарушает требования закона. Результатом ошибки в квалификации, как правило, является назначение меры наказания, не соответствующей тяжести содеянного².

в) Существенным образом характер объективной стороны преступления влияет на оценку степени общественной опасности содеянного, а следовательно, и на решение вопроса о характере и степени ответственности виновного.

В зависимости от степени общественной опасности деяния, тяжести наступивших последствий, времени, места, обстановки совершения преступления при прочих равных условиях лицо может быть либо передано на перевоспитание коллективу, либо дело направлено на рассмотрение товарищеского суда, либо виновный привлечен к уголовной ответственности. В последнем случае наказание также существенным образом будет зависеть от признаков объективной стороны.

¹ См., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР 1958 г. № 3, стр. 1, стр. 4; «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 6, стр. 38 и др. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29 апреля 1939 г. указывалось: «не допускать необоснованной квалификации как хулиганство таких действий, которые представляют собой преступления, предусмотренные другими статьями УК» («Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда 1924—1951 гг.», М., 1952, стр. 54). Подобные указания содержатся и в других постановлениях Пленума.

² Так, например, Президиум Верховного суда Литовской ССР постановлением от 27 сентября 1957 г. снизил наказание З. и С., действия которых были неправильно квалифицированы народным судом как разбой, в то время как в действительности имела место кража («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1957 г. № 6, стр. 38).

г) Установление признаков объективной стороны помогает правильно раскрыть и другие элементы состава.

Объективная сторона — это тот элемент, который наиболее непосредственно обнаруживается при совершении преступления и легче поддается исследованию. «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? — писал В. И. Ленин. — Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, то *есть социальные факты*»¹.

По характеру совершенного лицом действия можно наметить обоснованные версии об объекте, субъективной стороне, а подчас и о субъекте преступления. Например, факт нанесения двух ножевых ударов в область сердца позволяет предположить, что имело место умышленное посягательство на жизнь человека, т. е. покушение на убийство.

Однако следует оговориться, что судить по признакам объективной стороны о других элементах состава можно только в общих чертах². Дело в том, что связь между элементами состава преступления не является однозначной; она допускает и другие варианты. Те же удары ножом могут означать и террористический акт, и необходимую оборону, и действия невменяемого, и неосторожное телесное повреждение³. Поэтому делать окончательные выводы о характере и степени опасности преступления на основании признаков одной только

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 385.

² В постановлениях и определениях Верховного Суда СССР это неоднократно отмечалось. См., например, «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. IV (XXXVIII), М., 1947, стр. 20 (дело В.); «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 7, стр. 7 (дело Ф.) и др.

³ Неправильным, например, было мнение, что при антисоветской агитации преступный умысел субъекта вытекает из самого объективного содержания совершенных действий (постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Ш., «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1943», вып. V, М., 1944, стр. 3—4). Это постановление не вошло в перечень действующих постановлений и определений Верховного Суда СССР («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 3, стр. 42).

объективной стороны было бы неправильно. Только совокупность всех элементов состава преступления в целом является основанием уголовной ответственности, только все признаки содеянного в их сочетании позволяют правильно решить вопрос о степени вины лица и необходимой мере уголовного наказания.

ПРЕСТУПНОЕ ДЕЙСТВИЕ И БЕЗДЕЙСТВИЕ

§ 1. Понятие преступного действия

Преступное действие (бездействие) является важнейшим элементом преступления. Оно порождает следующие звенья объективной стороны: причинную связь и преступный результат — ущерб объекту посягательства. Без преступного действия или бездействия не может наступить уголовная ответственность, в то время как она иногда возможна при отсутствии преступных последствий (например, в случае приготовления или покушения на преступление). Все элементы преступления с той или иной стороны характеризуют совершенное лицом действие (бездействие), и хотя преступление в целом к нему не сводится, оно составляет во всяком правонарушении основное ядро.]

[1. Основные признаки преступного действия. Преступное действие как предмет исследования уголовного права включает все признаки, присущие человеческому действию в психологическом и физиологическом смысле, и, кроме того, обладает определенными специфическими чертами. Рассмотрим вначале некоторые общие признаки всякого действия.]

В науке психологии действие определяется главным образом с точки зрения его внутреннего, субъективного содержания. «Действиями, — пишет Б. М. Теплов, — называются отдельные акты поведения, которые исходят из определенных мотивов и направлены на определенную цель»¹. Для анализа же действия как элемента объективной стороны преступления необходимо обратить

¹ Б. М. Теплов, Психология, М., 1953, стр. 182.

внимание прежде всего на его внешнее проявление, на его формы.

Всyakое действие во вне проявляется в виде движения. «Все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению, — писал И. М. Сеченов. — Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение. Чтобы помочь читателю поскорее помириться с этой мыслью, я ему напомню рамку, созданную умом народов и в которую укладываются все вообще проявления мозговой деятельности, рамка эта — *слово и дело*»¹.

Выражаясь внешне посредством отдельных телодвижений, преступное действие тем не менее к ним не сводится. Оно обычно охватывает совокупность движений, причем одинаковые по своему значению действия могут быть выполнены разными движениями. Так, подделка документа может быть совершена путем подчистки, подправки, написания другого текста и т. п., и при этом сами конкретные движения исполнителя также будут различны в зависимости от его индивидуальных навыков, свойств материала, орудий преступления и т. д.]

Преступное действие внешне выражается либо в форме жеста (например, при оскорблении), либо в виде произнесения слов (например, при угрозе), либо, что встречается в подавляющем большинстве случаев, в виде физического воздействия на других людей или на различные предметы внешнего мира (например, изъятие вещи при краже, нажатие на спусковой крючок пистолета при убийстве и т. д.)]

Воздействие на различные предметы внешнего мира, технические средства, естественные силы и процессы приобретает все большее социальное и юридическое значение по мере быстрого развития науки и техники. В современных условиях значительная часть преступлений совершается этим путем. Это относится как

¹ И. М. Сеченов, Избранные философские и психологические произведения, стр. 71.

к умышленным преступлениям (например, хищение, убийство, должностной подлог, повреждение чужого имущества), так и к совершенным по неосторожности (нарушение правил техники безопасности, нарушение правил вождения автомашины, правил полетов, неосторожное обращение с оружием и т. п.) Действие, осуществляемое жестами или произнесением слов, непосредственно воздействует на сознание потерпевшего; действие же, связанное с предметами внешнего мира, изменяет их качество и свойства, положение в пространстве и взаимодействие с другими вещами и явлениями, а через эти последние воздействует на других людей и их поведение.

Таковы физические признаки всякого действия. Что же касается социальных признаков, то они определяются тем, что всякое действие совершается в обществе и оказывает либо положительное, либо отрицательное влияние на процессы и явления, имеющие общественный интерес. При этом человеческое действие получает значение поступка как акта поведения, выражающего отношение человека к другим людям. Особую, специфическую, антиобщественную сущность имеет преступление как общественно опасное действие, противоречащее системе социалистических общественных отношений, ослабляющее усилия советского народа в его созидательном труде по построению коммунистического общества, нарушающее права и интересы советских граждан.

Социальное содержание любого действия может быть правильно раскрыто только при рассмотрении его в конкретных условиях места, времени и окружающей обстановки. «Одно и то же действие,— пишет С. Л. Рубинштейн,— может... в разных условиях, в различных системах человеческих отношений означать совсем разные поступки, так же как разные по своему вещному эффекту действия — один и тот же поступок»².

¹ См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 266. «Поступком, в подлинном смысле слова, является не всякое действие человека, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали» (его же, Основы общей психологии, М., 1946, стр. 537).

² См. С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание, стр. 252.

Это положение находит особенно наглядное подтверждение в уголовном праве. Выстрел из пистолета может быть подвигом в условиях вражеского плена, обыкновенным упражнением по стрельбе в мирных условиях, правомерным актом необходимой обороны при самозащите от бандитского нападения, хулиганским действием при бесцельной стрельбе в условиях города и умышленным убийством при других обстоятельствах. Различное социальное содержание внешне одних и тех же действий приводит здесь, как видно, к различным, подчас противоположным, моральным и правовым оценкам.

Действие, посягающее на охраняемые законом социалистические общественные отношения и их участников, способное причинить им существенный вред, представляет общественную опасность в условиях Советского государства и потому признается преступлением. Общественная опасность и вытекающая из нее противоправность являются важнейшими социальными свойствами преступного действия¹.

Этим, по нашему мнению, исчерпываются специфические признаки преступного действия, выделяющие его из массы других человеческих действий². Н. Д. Дурманов указывает, кроме того, на такие признаки преступного действия, как его сознательный характер и совершение его в определенных условиях места, времени и обстановки, а также включает в понятие преступного действия всю совокупность конкретных актов поведения и использованных преступником объективных закономерностей действительности³.

В литературе было справедливо указано, что некоторые из этих признаков не отражают специфики собственно преступного действия, а другие («использование закономерностей») неправильно расширяют понятие действия человека за счет явлений внешнего мира, не зависящих от его воли и сознания⁴.

¹ При этом не создается никакого особого уголовно правового понятия действия, а только ограничивается круг действий, имеющих уголовноправовое значение.

² Мы не касаемся здесь вопроса о специфике преступного действия с точки зрения его субъективной стороны.

³ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 54.

⁴ См. Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 11.

Следует, однако, согласиться с Н. Д. Дурмановым в том, что понятие преступного действия охватывает ряд актов поведения и, следовательно, имеет известное условное содержание. Подчас в силу конструкции состава, а иногда из-за особенностей конкретного преступления то, что мы называем преступным действием, включает фактически несколько действий виновного.

Так, спекуляция состоит из ряда актов купли и перепродажи товаров, нарушение правил вождения автомашины (например, вождение машины в нетрезвом виде) включает более или менее длительный процесс управления механизмами, нарушение правил подготовки полетов может состоять в отдаче руководителем полетов ряда неправильных распоряжений и т. д. Из нескольких действий состоят продолжаемые преступления (например, истязание) и составные преступления¹ (например, разбой), а при должностном злоупотреблении, вредительстве или халатном отношении к службе вообще правильнее говорить не о действии, а о деятельности субъекта.

Во всех указанных случаях с физической точки зрения, внешне, можно расчленить деятельность преступника на ряд эпизодов, что обычно и делается в конкретном уголовном деле. Подробный анализ отдельных актов преступного поведения обвиняемого необходим для правильной оценки тяжести совершенного преступления и установления степени вины лица. С точки же зрения социального значения эти эпизоды или акты поведения, если они направлены на одну группу общественных отношений или связанные между собой группы отношений и объединены одной субъективной стороной,

¹ Продолжаемые и составные преступления включают ряд однородных (в первом случае) или разнородных (во втором случае) действий, каждое из которых, будучи взято само по себе, могло бы образовать самостоятельное преступление. В совокупности эти действия образуют единые преступления потому, что они совершаются одним и тем же субъектом, направлены к единой цели и посягают на одну группу общественных отношений (при продолжаемых преступлениях) или на связанные между собой группы отношений (при составных преступлениях). Следовательно, понятия продолжаемых и составных преступлений связаны со всеми элементами состава и потому выходят за рамки проблемы объективной стороны преступления.

должны рассматриваться в совокупности как единое целое¹. Именно единое социальное содержание и дает возможность квалифицировать их как одно преступное действие (бездействие) субъекта. Поэтому закон в определении понятия преступления (ст. 7 Основ уголовного законодательства) говорит не о действиях и не о деятельности, а только о действии (бездействии) лица как основном элементе преступления.

Сказанное дает возможность следующим образом определить понятие преступного действия. Преступное действие — это общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки противоправный акт внешнего поведения лица. При этом под внешним поведением понимается поведение, находящееся под контролем сознания и осуществляемое вовне собственными телодвижениями данного человека (жестом, словом или воздействием на внешние материальные предметы). ст. 72

2. Способ совершения преступления. Для ответа на вопрос, что совершено, надо дать качественную характеристику преступного действия, т. е. указать, какие именно движения произведены, в какой последовательности и в отношении каких материальных предметов. Под способом совершения преступления понимается определенный порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых лицом.

Так как для преступника способ совершения преступления обычно является вместе с тем средством достижения определенной цели, это понятие часто употребляют только применительно к умышленным преступлениям². Но это неверно. Способ — объективная харак-

¹ Так, по делу П. и других Верховный Суд СССР подчеркнул, что, с одной стороны, в приговоре смешаны различные эпизоды обвинения и «суд в достаточной мере не конкретизировал в приговоре вину каждого подсудимого», а, с другой стороны — искусственно разорвал некоторые эпизоды и даже выделил в отдельное производство материалы на других обвиняемых по делу, «хотя многие из них связаны между собой единством намерения и выделение на них дела не освещает и не раскрывает всех преступных действий в том виде, как они должны проходить по настоящему делу» («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 28).

² См., например, А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, стр. 65. Авторы сначала сами определяют способ совершения преступления как «комплекс действий, совершаемых преступником в

тёристика действий, не зависящая от того, с какой формой вины оно совершается. Поэтому тот или иной способ совершения преступления присущ всем преступлениям, как умышленным, так и неосторожным. По способу совершения преступления можно различать между собой не только умышленные деяния (кража и мошенничество), но и деяния, совершенные по неосторожности (нарушение правил сбережения военного имущества и нарушение правил вождения машин или — в рамках одного состава — неосторожное убийство в результате неправильного обращения с оружием и неосторожное убийство путем отравления).

Как можно классифицировать способы совершения преступления? Выше по сути дела уже упоминалась наиболее общая классификация: слово, жест, воздействие на других людей или внешние предметы. В свою очередь каждую из этих групп можно подвергнуть дальнейшей детализации. Например, действия в отношении других людей обычно делятся на насильственные и ненасильственные; насильственные действия могут быть с применением или без применения оружия и т. д. Разновидности способов совершения отдельных преступлений изучаются в особенной части уголовного права.

Важный теоретический и практический вопрос состоит в следующем: все ли способы действия имеют уголовноправовое значение? Нельзя ли попытаться разделить их на преступные и не преступные?

Этот вопрос ставился еще дореволюционными русскими криминалистами¹. Но официальная правовая доктрина того времени, считавшая способ совершения преступления лишь показателем виновности лица, объявляла постановку этого вопроса несостоятельной².

определенном порядке и направленных на достижение преступной цели», а затем заявляют, что отсюда вытекает невозможность «говорить о способе совершения тех преступлений, которые совершаются без определенной цели и тем более неосторожно» (стр. 65).

¹ См. А. Чебышев-Дмитриев, О покушении, СПб., 1866, стр. 118—119; И. Фойницкий, Мошенничество по русскому праву, ч. II, СПб., 1871, стр. 80.

² Подвергая критике взгляды Чебышева-Дмитриева и Фойницкого, Н. С. Таганцев писал: «Способ действия есть только один из элементов распознаваемости наличности вины и то преимущественно при известных конкретных условиях; а потому попытка законодателя указать по каждому деянию в самом законе способы,

Такая реакция вполне понятна, так как всякое уточнение круга уголовно наказуемых способов совершения преступления означало бы в условиях самодержавия ограничение произвола царской юстиции.

Советское уголовное законодательство решает данный вопрос с совершенно противоположных позиций. В основе признания того или иного деяния преступным лежит не «направленность воли», а объективный вред этого деяния для интересов социалистического общества. Но ведь причинить вред охраняемым законом общественным отношениям могут не все, а только некоторые виды поведения людей¹. Подавляющее большинство совершаемых в социалистическом обществе действий, большинство поступков людей не обладают общественной опасностью, так как не в состоянии нарушить социалистические общественные отношения, а, напротив, укрепляют их, помогают их дальнейшему развитию и упрочению.

Далее, и из числа всех объективно возможных способов, которыми может быть достигнут тот или иной вредный результат, не все должны признаваться преступными. Дело в том, что степень опасности различных форм посягательства на одну и ту же группу общественных отношений может быть весьма различной. От способов совершения преступления во многом зависят характер и тяжесть наступивших последствий; некоторые из них могут вызвать, кроме основного, еще и побочные вредные результаты, другие — представляют опасность тем, что являются более распространенными или с большими трудностями раскрываются, третьи опасны тем, что могут быть применены только организованной группой лиц, требуют определенной подготовки, а подчас связаны с совершением других преступлений и т. д.

содействующие распознаваемости виновности, будет несостоятельна» (Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, часть общая, т. I, СПб., 1902, стр. 638).

¹ Как правильно пишет Б. С. Никифоров, «нарушение охраняемого уголовным законом объекта может быть совершено не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется в первую очередь свойствами самого объекта» (Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, автореферат докторской диссертации, М., 1956, стр. 28).

По всем этим причинам способ совершения преступления не только служит квалифицирующим признаком некоторых составов, но в ряде случаев является важнейшим элементом, разграничивающим преступление и другие антиобщественные поступки.

Действующее законодательство наглядно подтверждает это положение. Так, контрабанда признается преступлением, в частности, при условии, что она совершается с сокрытием предметов в специальных хранилищах или с обманным использованием таможенных и иных документов и т. п. (ст. 15 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления).

Вообще надо сказать, что сам перечень преступных деяний в особенной части не предусматривает всех физически возможных способов посягательств на соответствующие общественные отношения¹.

Это обстоятельство не является случайным, и его не следует рассматривать как недостаток законодательства. Ограничение пределов уголовной ответственности только определенными способами действия лица, представляющими существенную общественную опасность, имеет несомненное положительное значение, так как ориентирует на применение мер общественного воздействия к лицам, совершившим менее опасные проступки. Новое общесоюзное и республиканское законодательство идет по линии сужения круга уголовно наказуемых форм поведения, а также по линии более четкой дифференциации ответственности лица в зависимости от способа его действий².

Таким образом, если попытаться ответить на вопрос, можно ли разделить все способы действий на преступные и не преступные, то следует сказать, что такое деление возможно и целесообразно применительно к каждой конкретной группе общественных отношений. Напротив, нельзя провести такое общее деление безотносительно к виду преступления, так как тот способ действия, который не представляет особой опасности

¹ За исключением некоторых статей о преступлениях против личности и имущества (см. § 4 настоящей главы).

² Наиболее ярким примером является возвращение уголовных кодексов ряда союзных республик к отдельным формам хищения государственного и общественного имущества, различающимся между собой в основном по способу совершения преступления.

для одной группы общественных отношений, может такую опасность представлять для другой группы¹.

Многие способы совершения преступления предполагают использование преступником различных материальных предметов. Поэтому с понятием способа тесно связано понятие средства совершения преступления. Ими следует считать такие вещи, которые используются преступником для воздействия на объект (предмет) преступления (деньги при даче взятки, оружие при убийстве, автомашина при наезде на пешехода и т. п.).

Понятие средств совершения преступления, как и понятие способа, носит сугубо объективный характер и потому может относиться не только к умышленным преступлениям, но и к преступлениям, совершаемым по неосторожности.

3. Объективные границы преступного действия. Для более глубокого понимания преступного действия и отграничения его от других элементов преступления необходимо четко определить его начальный и конечный моменты, его объективные границы в пространстве и времени.

Действие от 92

Поскольку любое преступное действие характеризуется рядом признаков (физическое телодвижение; общественная опасность; противоправность), то с объективной стороны начальным его моментом будет тот момент, с которого оно обладает всеми этими признаками. Нет преступного действия, если у лица только созрела решимость совершить преступление, но им еще не предпринято никакого внешнего акта поведения, направленного на осуществление преступной цели. Преступного действия нет и в том случае, если лицо совершает определенные телодвижения, но они еще не представляют в данной обстановке общественной опасности и не являются противоправными. Так, в обычных условиях езда на автомашине со скоростью 20—25 км в час не является преступлением. Однако в известных условиях она может стать общественно опасной. Возникновение этих условий и будет в таком случае начальным момен-

¹ Например, за присвоение имущества как посягательство на личную собственность граждан уголовная ответственность может быть исключена и заменена мерами общественного воздействия, а как способ посягательства на социалистическую собственность присвоение представляет серьезную общественную опасность.

том преступного действия (с объективной стороны). Некто М., следуя на автомашине «ЗИС», догнал по пути двух девушек и по неосторожности сшиб одну из них. С какого момента началось преступное действие М.? Оно началось с того момента, когда по правилам движения ему следовало затормозить машину. В определении по этому делу Верховный Суд СССР указал, что, «видя идущую впереди бричку и за нею двух девушек, М. должен был снизить скорость движения автомашины, но он продолжал следовать со скоростью 20—25 км в час и тем самым грубо нарушил правила движения»¹.

Конечный момент действия определяется наступлением преступного результата или отпадением хотя бы одного из указанных выше признаков преступного действия. Таким образом, преступное действие может окончиться или с наступлением вредного последствия (например, в приведенном деле М.), или с окончанием телодвижений, образующих это действие, или с отпадением общественной опасности (противоправности), хотя бы физически соответствующие действия продолжались (так преступное занятие запрещенным промыслом оканчивается, если изменилось законодательство по этому вопросу и данное производство стало правомерным).

Правильное установление начального и конечного моментов преступного действия имеет важное практическое значение для решения вопросов о соучастии и заранее не обещанном укрывательстве, добровольном отказе, необходимой обороне и крайней необходимости, а также об амнистии и давности уголовного преследования.

Согласно Основам уголовного законодательства заранее не обещанное укрывательство преступления и преступника не рассматривается как форма соучастия в преступлении. Для правильного решения вопроса о том, имелось ли в данном случае пособничество или заранее не обещанное укрывательство, необходимо, в частности, установить, в какой момент лицо оказывало помощь преступнику: во время совершения им преступных действий или тогда, когда они уже окончились.

По делу З., С. и И. было установлено, что З. один похитил ящик с изделиями из кожи и сказал об этом И.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР». 1951 г. № 6, стр. 25.

и С. только после того, как они прибыли на склад для сдачи привезенного на автомашинах груза. И. и С. доставили похищенное на квартиру З., где каждый из них получил «долю» из похищенного груза¹. Преступные действия, образующие объективную сторону хищения, оканчиваются в момент изъятия имущества у законного владельца, а не в момент сокрытия или реализации похищенного. Следовательно, в действиях С. и И. имелись признаки не соучастия в хищении, а заранее не обещанного укрывательства (ст. 18 Основ уголовного законодательства).

При применении амнистии необходимо, чтобы преступные действия закончились до издания этого акта. По делу Ф. было установлено, что он, будучи председателем колхоза, халатно относился к своим служебным обязанностям: не организовал выполнения плана сеноуборки, не заготовил для этого необходимых материалов, не создал звеньев, не принял мер к укреплению трудовой дисциплины и т. д. Однако результат этой халатности — материальный ущерб колхозу — наступил уже после издания акта об амнистии от 7 июля 1945 г. Применяя к Ф. Указ об амнистии, Верховный Суд СССР, по нашему мнению, правильно указал, что «в тех случаях, когда преступное действие или бездействие совершено до издания амнистии., последняя, в указанных в ней случаях, подлежит применению, если даже преступный результат наступил после ее издания»².

✓ Окончание преступного действия с прекращением физических движений не вызывает сомнений в тех случаях, когда действие осуществляется в словах или жестах. Однако субъект может использовать при совершении преступления механизмы и другие технические средства, силы природы и даже поступки других людей (виновных или невиновных). Предположим, что с целью убийства преступник сталкивает жертву под поезд. Будут ли действия этих технических средств, сил природы или третьих лиц, использованных виновным (в нашем примере движение поезда, задавившего потерпевшего), являться частью преступного действия, или их следует

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 6.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. VI (XXX), М., 1947, стр. 31.

рассматривать как последующее звено в развитии причинной связи между действием этого лица и преступным результатом?

С нашей точки зрения, для правильного уяснения элементов объективной стороны преступления необходимо различать собственное действие человека и действие технических средств или иных сил, им использованных. Бесспорно, что то и другое входит в объективную сторону преступления, причем нельзя правильно понять и оценить действие лица без указания на те силы, которые им приведены в движение, так же как нельзя уяснить роль этих сил в развитии преступления, если их рассматривать в отрыве от человеческих действий. Однако не следует смешивать указанные элементы. Преступное действие заканчивается теми движениями, посредством которых человек воздействует на указанные силы и средства (сталкивает жертву под поезд; нажимает спусковой крючок пистолета; включает аппарат при изготовлении самогона и т. п.)¹, дальнейшая же работа механизмов, действие сил природы или поведение третьих лиц, использованные преступником, являются продолжением объективной стороны преступления, часто уже не зависящим от воли субъекта, и охватываются понятием причинной связи между действием и вредным последствием.

Иное понимание этого вопроса ведет к расширению границ действия за счет причинной связи, что не дает возможности правильно оценить степень вины преступника и индивидуализировать его ответственность, особенно в тех случаях, когда преступный результат причинен действиями нескольких обвиняемых. Поэтому нельзя согласиться с положением Н. Д. Дурманова, что преступное действие «охватывает собою не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует»².

¹ Не следует также смешивать окончание преступного действия и окончание преступления в целом, т. е. как правило, наступление предусмотренного законом вредного последствия. Умышленное совершение преступного действия, если дальнейшего развития причинной связи и не произошло, означает наличие окончательного покушения на данное преступление.

² Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 54. Критика этого положения содержится в работе Н. Ф. Кузнецовой, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 11—12.

Если автор хотел этим сказать, что преступное действие невозможно совершить, не учитывая естественных закономерностей, не используя законов природы, то это правильно; однако указанное положение может быть истолковано и в другом смысле, а именно, что приведенные лицом в движение технические средства и естественные процессы есть часть человеческого действия,— что является неверным.

При подобном понимании этого вопроса пришлось бы, очевидно, включать в понятие действия обвиняемого в приведенном выше случае движение поезда, задавившего жертву¹; в действия инженера, нарушившего правила производства горных работ,— неожиданный горный обвал; в действия коменданта здания, не обеспечившего охрану имущества,— пожар, уничтоживший это имущество, и т. д. Отсюда нетрудно было бы прийти и к сверхъестественному выводу о том, что действия преступника могут продолжаться и после его смерти (например, в том случае, если преступник, столкнувший жертву под поезд, сам погиб раньше гибели потерпевшего).

Некоторые авторы, разделяющие подобное понимание действия, считают возможным включать в него даже виновное поведение третьих лиц, если о нем знал преступник. Так, М. И. Ковалев и П. Т. Васьков приводят известный пример: Сидоров ранит Алексеева, а тот погибает во время пожара в больнице, где он лечился в связи с полученным ранением. Если Сидоров, нанося ранение Алексееву, знал о предстоящем поджоге больницы, то, по мнению авторов, этот пожар будет частью действий Сидорова². В качестве действий человека как причины вредных последствий, лишут авторы, «выступает не только непосредственное телодвижение человека как живого существа, но и сознательно использованное им действие орудий, объективных закономерностей, механизмов и иных обстоятельств»³.

Чем аргументируют М. И. Ковалев и П. Т. Васьков эту точку зрения? «Дело в том,— лишут авторы,—

¹ Причем сталкивание жертвы под поезд вопреки логике рассматривалось бы только как неоконченное покушение.

² См. М. И. Ковалев и П. Т. Васьков, Причинная связь в советском уголовном праве, М., 1958, стр. 42—43.

³ Там же, стр. 43.

что... человеческое действие — это действие сознательное. Человек, сообразуясь с целью своего поведения, сознательно выбирает и его характер. При этом его поведение заключается в сознательном управлении теми процессами, механизмами и т. п., которые находятся под его контролем или могут быть направлены им для достижения своих целей»¹.

Из этих в общем правильных положений вовсе, однако, не вытекает, что сознательно используемые человеком процессы являются частью его действия. Авторы явно переоценивают роль субъективной стороны, в частности, целей субъекта. Получается, что от этих целей зависят даже объективные границы действия. Что преступник предвидел и хотел использовать из случившегося, то и входит в его действие. А как быть с неосторожной виной? «Нам представляется, что и при неосторожных действиях, — пишут М. И. Ковалев и П. Т. Васильков, — телодвижение нельзя отделять от указанных выше обстоятельств и сил, которые субъект по преступной самонадеянности или по преступной небрежности привел в действие и в результате которых наступили общественно опасные последствия»².

Здесь границы действия становятся еще более расплывчатыми. Ведь возможность предвидения охватывает, во всяком случае теоретически, неограниченный круг внешних обстоятельств. Это может повести к необоснованному расширению понятия действия за счет разнообразных последствий, которые мог предвидеть обвиняемый в зависимости от своих субъективных возможностей. Расширение же понятия действия непосредственно ведет к расширению пределов уголовной ответственности. Ведь не вызывает сомнения, что каждое вменяемое лицо должно нести ответственность за свои действия. Следовательно, тем самым уже предreshается вопрос о возможности вменения в вину любых «привходящих сил»: действия природных факторов, неправильного поведения третьих лиц, самого потерпевшего и др. Между тем в действительности, как будет показано ниже, решение этого вопроса вовсе не является

¹ М. И. Ковалев и П. Т. Васильков, Причинная связь в советском уголовном праве, М., 1958, стр. 42—43.

² Там же, стр. 43—44.

таким простым; оно может быть различным в зависимости от вида совершенного преступления.

Мы уже не говорим о том, что подобное понимание бесплодно в теоретическом отношении, ибо при более глубоком анализе действия, даже с точки зрения указанной концепции, все равно пришлось бы в его рамках различать, с одной стороны, собственное поведение человека, осуществляемое его телодвижениями, и, с другой стороны, те естественные силы и технические средства, которые используются этим человеком при посягательстве на охраняемый законом объект. Таким образом, вопрос о границах человеческого действия все равно потребовал бы своего решения.

Ошибка указанных авторов проистекает, на наш взгляд, из смещения понятий действия и преступления. Между тем действие — это не все преступление, это даже не вся его объективная сторона. Например, американский летчик-шпион Пауэрс, совершая преступный полет над территорией СССР, в определенное время «включал и выключал рычаги» особой радиотехнической и фотографической аппаратуры. Однако преступление Пауэрса отнюдь не сводилось к этим физическим действиям. Объективная сторона этого преступления охватывала и работу указанной аппаратуры, предназначенной для собирания разведывательной информации, вплоть до фиксирования полученных данных на аэрофотопленке и магнитофонных лентах. В соответствии со ст. 2 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления Пауэрс был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР за шпионаж¹.

4. Значение конкретности действия. Четкое определение объективных границ преступного действия весьма важно для установления состава преступления, оценки тяжести деяния и степени вины преступника.

В судебно-прокурорской практике всегда подчеркивается необходимость четко определить границы действий каждого обвиняемого, отделить его действие от действий других лиц и сил и тем самым обеспечить строгую индивидуализацию ответственности. Так, по делу Б-ч. и других Верховный Суд СССР указал: «При назначе-

¹ См. «Судебный процесс по уголовному делу американского летчика-шпиона Ф. Г. Пауэрса», Госполитиздат, 1960.

нии каждому из них наказания следует учесть, что непосредственной причиной наступивших последствий было отсутствие противопожарных средств, и за это должны в первую очередь нести ответственность Б-ч. и Б-н, а Ш. должен отвечать за преступную, небрежность, выразившуюся в том, что он развел огонь в печке сторожевой будки и отлучился из будки»¹.

Судебно-прокурорские органы исходят из четкого понимания преступного действия в тех объективных границах, которые очерчиваются внешним поведением преступника. Южно-Казахстанский областной суд инкриминировал С. то, что «вследствие его безответственности была уведена с его двора лошадь, чем причинен ущерб Госбанку в сумме 30 000 руб.». Верховный Суд СССР исключил из приговора данное обвинение, мотивировав это тем, что «суд не указал, какие именно действия или бездействие С. повлекли утерю лошади»². По делу Т. Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что общая, расплывчатая формула обвинения не раскрывает «конкретного содержания действий, инкриминируемых Т.». Из него «не видно, в чем конкретно выразилось разбазаривание соли и роль Т. в этом разбазаривании»³.

Нередко Верховный Суд отменяет обвинительный приговор потому, что судебно-прокурорскими органами вообще не установлены какие-либо преступные действия обвиняемого.

Так, при движении автомашины по степной дороге переднее правое колесо машины попало в «лухляк» (яму, засыпанную пылью), машина опрокинулась и один пассажир был убит. Ташаузский областной суд осудил за это водителя Б. Между тем в данном случае со стороны Б. не было допущено никакого преступного действия. Верховный Суд СССР прекратил дело за отсутствием состава преступления⁴.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 2, стр. 33.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. V (XXIX), М., 1947, стр. 9.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. X (XXXIV), М., 1947, стр. 5.

⁴ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 2, стр. 9—10. См. также «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 5, стр. 16 (дело Г.).

✓ Один факт наступления вредных последствий еще не дает оснований для привлечения кого-либо к ответственности, если неизвестно, следствием каких действий явился причиненный вред, кем совершены эти действия, при каких конкретных обстоятельствах.

На Глуховецком свеклопункте за один месяц был допущен непроизводительный простой 324 вагонов в количестве 1790 вагоно-часов, чем причинен значительный ущерб государству. Суд, не выяснив действительных причин простоя вагонов, осудил заведующего свеклопунктом Л. Верховный Суд СССР отменил этот приговор и указал: «По делу не выяснены существенные обстоятельства, дающие возможность прийти к обоснованному выводу, кто конкретно является виновным в наступивших последствиях»¹.

Это положение имеет особое значение для правильного решения дел о недостатках материальных средств. Довольно распространенная ошибка отдельных судебно-прокурорских работников заключается в том, что они исходят из одного факта недостачи, не исследуя ее причин. А между тем судить за недостачу можно лишь в том случае, если она явилась результатом преступного действия или бездействия обвиняемого. На это неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда СССР². В определении от 7 апреля 1959 г. по делу М. и других Судебная коллегия Верховного Суда СССР вновь подчеркнула, что обвинение в хищении не может быть признано правильным, если оно основано на факте обнаружения недостачи вверенных средств при отсутствии данных об их присвоении обвиняемыми³.

✓ Точное установление характера и содержания действия или бездействия, его начального и конечного момента, способа, места, времени и обстановки совершения преступления является необходимым условием для привлечения виновного к уголовной ответственности.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 25.

² См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 мая 1952 г. «О судебной практике по применению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.», «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 6, стр. 4—5.

³ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 3, стр. 19.

1. **Отличие бездействия от действия.** Прежде чем рассматривать разницу между преступным действием и преступным бездействием, необходимо указать на их общие черты. Преступное бездействие, как и действие, является формой общественно опасного поведения человека, характеризуется четкими юридическими признаками и обладает аналогичными социальными свойствами. Преступное бездействие — это не расплывчатое «опасное состояние» преступника, а конкретное поведение, имеющее определенные границы во времени и пространстве. Основными признаками преступного бездействия (как и действия) являются его общественная опасность и обусловленная ею противоправность, которые рассматриваются в конкретных обстоятельствах места, времени и обстановки совершения преступления.

2. **Общность действия и бездействия** определяется тем, что социальная сущность этих актов поведения зависит не от того, имеется или отсутствует в данном случае телодвижение, а от того, в каких условиях, в какой связи и взаимозависимости с окружающими явлениями и процессами совершается этот акт поведения. Неудивительно поэтому, что по мере бурного развития науки и техники области социально опасного действия и бездействия значительно сближаются. Действие человека все больше играет роль не механической силы, а «команды», «сигнала» для действия технических устройств и автоматических приспособлений¹. Теперь, когда управление производственными процессами во многом автоматизировано, достаточно подчас просто «нажать кнопку» (например, для перевода железнодорожной стрелки при автоблокировке), чтобы вызвать тяжелую катастрофу. Однако такие же последствия могут быть вызваны и тем, что соответствующий работник не произвел требуемого действия (не нажал необходимой «кнопки») в соответствующий момент, чтобы остановить развитие разрушительного процесса.

Представим себе, что пилот в нарушение инструкции повел самолет с отклонением от указанного маршрута

¹ См., например, Л. Теплов, Очерки о кибернетике, «Московский рабочий», 1959, стр. 18—19.

и это привело к аварии. Неправильное управление самолетом в данном случае осуществляется посредством действий. Но если допустить, что самолет управлялся автопилотом и летчик в нужный момент «только» не выключил его и не взял штурвал самолета в свои руки для изменения курса воздушного корабля, то в поведении летчика следует уже усмотреть бездействие. Как видно, внешняя форма этого элементарного акта человеческого поведения в известных условиях имеет второстепенное значение.

В конкретных уголовных делах подчас и не возникает нужды проводить это тонкое различие между отдельными формами поведения. Общность преступного действия и бездействия дала основания объединить эти термины в общем понятии преступного деяния, которым пользуется общесоюзное и республиканское уголовное законодательство (ст. 7 Основ уголовного законодательства).

Однако эта общность все же не означает, что в физическом и социальном плане действие и бездействие совершенно тождественны. Прежде всего физическая природа их различна.

Бездействие — это негативная форма поведения, и этой точки зрения оно противоположно действию. При преступном бездействии поведение лица состоит в том, что оно не совершает общественно необходимых действий¹. Поэтому нельзя дать удовлетворительного определения преступного бездействия, не исходя при этом из характеристики того полезного действия, которое данное лицо должно было совершить. Преступное бездействие обычно и определяется как общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить.

По этой же причине и о способе бездействия можно говорить лишь условно, указывая на те действия, которые не совершило данное лицо (например, убийство ребенка путем некормления его, уничтожение имуще-

¹ Преступное бездействие, пишут криминалисты ГДР, состоит в несовершении действия, которое было необходимым для сохранения и укрепления общественных отношений (Lehrbuch des Strafrechts der DDR Allg. t., Berlin, 1959, S. 330).

ства путем непринятия мер к спасению его от затопления и т. д.). Так же условно можно говорить и о средствах или орудиях совершения преступления при преступном бездействии, имея в виду те предметы, или, точнее, те естественные или технические процессы, которые привели к преступному результату при бездействии виновного (например, лицо использовало случайно возникший пожар в учреждении для уничтожения служебных документов, которые оно обязано было по своему служебному положению спасти).

Таким образом, основное различие между преступным действием и преступным бездействием лежит во внешней, исполнительской, физической сфере: при бездействии в отличие от действия лицо не предпринимает никаких внешне выраженных поступков (жестов, телодвижений, слов), которые в данной обстановке представляли бы общественную опасность. Напротив, конкретная обстановка такова, что она требует определенного вмешательства человека; преступник же не делает этого. Он не совершает тех действий, которые необходимы в интересах общества и потому требуются нормами права; те же действия, которые им совершаются в период его преступного бездействия, обычно не имеют юридического значения (например, не имеет существенного значения, находился ли военный служащий в период просроченного отпуска в гостях, дома, в ресторане, хотя эти обстоятельства следует учитывать при характеристике личности виновного).

Непосредственная зависимость понятия и содержания преступного бездействия от соответствующего фактически невыполненного действия вовсе не означает, что преступного бездействия как формы поведения в реальной действительности не существует, что оно есть лишь плод нашего сознания. Такое представление о бездействии, свойственное некоторым представителям буржуазного позитивизма¹, исходит из механического сведения человеческих поступков лишь к физическим актам, телодвижениям. Между тем, как указывалось выше, человеческое поведение — это социальное явление; преступное бездействие является общественно опасным и противоправным поступком.

¹ См., например, Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 400—418.

Каждый гражданин социалистического общества является участником разнообразных общественных отношений, и его активное поведение есть необходимое условие общественного разделения труда. Поэтому не только активное действие, нарушающее общественные отношения, но в ряде случаев и бездействие, невыполнение определенных функций (трудовых, общегосударственных и др.), может представлять общественную опасность.

Бездействующее лицо само не разрушает и не уничтожает какие-либо материальные ценности, но его пассивное поведение не только не приносит никакой пользы обществу, но и создает необходимые условия для разрушительной работы стихийных сил. В этом главным образом и состоит общественная опасность преступного бездействия.

2. Возможность действовать. Из того обстоятельства, что преступное бездействие невозможно охарактеризовать с «исполнительской», физической, стороны, отнюдь не вытекает, что это только нормативная категория. Если нельзя описать то, чего не делал преступник, то можно и нужно установить, что ему надлежало делать и что он мог выполнить. Поэтому с физической стороны анализ объективного элемента преступного бездействия в значительной мере состоит в изучении обстановки совершения преступления, которая давала возможность обвиняемому действовать в соответствии с законом, а с юридической — в изучении содержания его обязанностей¹.

Бездействие лица может рассматриваться как преступное при прочих равных условиях лишь в том случае, если это лицо имело возможность в данной обстановке совершить требуемое действие. Недостаточно установить только факт бездействия. Как уже говорилось, поступок человека должен быть проявлением его разума и воли. Если лицо вследствие объективных обстоятельств не имело возможности выполнить требуемое действие, то его бездействие, невмешательство было проявлением не его воли, а непреодолимой силы. Уголовная ответственность в этом случае исключается за

¹ Обязанность при преступном бездействии рассматривается в § 4 настоящей главы.

отсутствием состава преступления (отсутствует объективная сторона состава).

С. был признан виновным в том, что, работая бухгалтером сектора общественного питания орска, преступно-халатно относился к своим обязанностям: не контролировал работу бухгалтерии столовой и затягивал обработку материалов ее инвентаризации, что привело к недостатке. Верховный Суд СССР отменил обвинительный приговор по делу и указал, что на С. в связи с длительным незачислением должности бухгалтера столовой было возложено исполнение этих обязанностей без освобождения его от основной работы. С. был очень перегружен работой и не успел в установленные сроки оформить результаты инвентаризации. Что касается контроля за работой бухгалтерии столовой, то он и не мог его осуществлять, так как временно сам исполнял обязанности бухгалтера этой столовой¹. Дело С. было прекращено за отсутствием состава преступления.

По делу Л., осужденной также за преступную халатность, Верховный Суд СССР указал, что «Л. работала в явно ненормальных условиях». Будучи материально ответственным лицом за сырье, получаемое для изготовления кондитерских изделий, и за готовую продукцию, изготовленную цехом, старший мастер Л. вместе с тем была лишена возможности контролировать хранение и выдачу этого имущества, так как цех работал круглосуточно и рабочие самостоятельно брали сырье для работы, а готовая продукция в склад не сдавалась. Поэтому Верховный Суд СССР признал правильным оправдательный приговор по этому делу, вынесенный народным судом².

Напротив, по делу С. было установлено, что обвиняемый имел полную возможность совершить требуемые действия. Будучи сторожем на току колхоза «Красный партизан», С. допустил хищение 66 ц пшеницы. «Из материалов дела видно,— указала Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР,— что С. охранял ток с оружием в руках и, увидев преступников,

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 1, стр. 18.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 6, стр. 20.

имел возможность предотвратить хищение зерна, но он этого не сделал»¹.

Анализ возможности совершения требуемого действия является необходимым условием для правильного решения вопроса о наличии или отсутствии в этих случаях состава преступления. Однако какие требования следует предъявлять к обвиняемому при анализе его возможностей?

Этот вопрос достаточно ясно решен советскими криминалистами применительно к преступной небрежности. Оценивая возможности лица, следует исходить из лично ему присущих физических и психических качеств, его состояния в момент совершения поступка, уровня знаний, квалификации, а также из всей совокупности внешних обстоятельств, в которых он действовал. При этом, «какими бы личными качествами ни обладал данный индивид, какая бы необычайная проницательность или сообразительность его ни характеризовала, от него нельзя требовать больше той общеобязательной предусмотрительности, проявление которой ожидается от определенной категории лиц»².

Преступная небрежность — это только частный случай бездействия, который состоит в том, что лицо не проявляет необходимой внимательности к собственному поведению. Очевидно, из тех же общих предпосылок надлежит исходить, когда мы рассматриваем и другие случаи бездействия. В основе оценки возможностей обвиняемого по выполнению требуемого действия должен лежать субъективный критерий: мог ли данный конкретный человек, учитывая его знания, опыт, физическое и психическое состояние, в данной обстановке совершить то действие, которое от него требовалось, если бы он проявил максимум доступной ему энергии и активности. При этом «верхней» (максимальной) границей этих требований является объективный критерий: обязанность совершить требуемое действие. Эта обязанность, будучи нормативной категорией, имеет более или менее общий характер³.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 4, стр. 8. См. также «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 23 (дело М.).

² В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 143.

³ См. § 4 настоящей главы.

Судебно-прокурорская практика идет именно по этой линии, учитывая реальные возможности того или иного лица в данных условиях места, времени и обстановки совершить требуемое действие.

Чаще всего невозможность выполнить то, что требовалось, вытекает из объективных причин. Так, по делу И. было установлено, что склад, который было поручено ему охранять, отстоял шагов на 100 от ворот и не был виден с того места, где И. должен был находиться. «По независящим от него обстоятельствам... — указал Верховный Суд СССР, — И. физически не мог осуществить надлежащую охрану склада комбината, а поэтому его осуждение по ст. 111 УК РСФСР следует признать неправильным»¹. Здесь, как и в приведенных выше делах С. и Л., возможность совершить требуемые действия исключалась в силу сложившейся объективной обстановки.

Но могут быть и субъективные причины: неопытность должностного лица, отсутствие необходимых знаний, ненадлежащее состояние здоровья и т. д. Верховный Суд СССР отменил обвинительный приговор по делу Н., допустившего порчу машины, указав, что Н. был добросовестным, но явно неопытным работником и только по своей неопытности допустил наступление указанных последствий². Такое же решение было принято и по делу Ж., допустившего бездействие в силу крайнего переутомления и усталости, наступивших вследствие не зависящих от него обстоятельств³.

Невозможность совершить требуемое действие в силу субъективных причин обычно совпадает с невозможностью предвидеть общественно опасный характер последствий своего поведения. Такие дела часто прекращаются из-за отсутствия умысла и неосторожности⁴. Одна-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 18.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 г.», М., 1948, стр. 144. См. также дело К. (там же, стр. 154), дело М. («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1938 г. и первое полугодие 1939 г.», М., 1940, стр. 69) и др.

³ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1938 г. и первое полугодие 1939 г.», М., 1940, стр. 68—69.

⁴ Так, по делу врача А. указывалось на «отсутствие доказательств о небрежном или недобросовестном отношении» ее к своим

ко, строго говоря, основной причиной отсутствия состава преступления здесь является то, что нет фактической базы для неосторожности или умысла, ибо нет главного элемента объективной стороны — самого преступного действия или бездействия.

Возможность совершить требуемое действие всеми советскими авторами рассматривается как неотъемлемый признак преступного бездействия. Но является ли это признаком только бездействия или соответствующие требования должны относиться и к действию (возможность воздержаться от преступного действия)? Если это так, то почему указанную возможность анализируют только применительно к бездействию?

Возможность противоположного, правомерного, поведения (возможность полезного действия при преступном бездействии и возможность воздержания от преступного действия), разумеется, является общим условием для наступления уголовной ответственности за любое преступное деяние. Это вытекает, как указывалось выше, из принципа ответственности человека лишь за такой поступок, в котором проявляются его воля, свобода его поведения. Разница же между бездействием и действием здесь состоит в том, что противоположность преступному действию — воздержание от него всегда или почти всегда возможно. От лица требуется при этом только одно: не совершать ничего преступного, на него не возлагается никаких обязанностей по активному поведению. Поэтому возможность воздержаться от преступных действий, по общему правилу, презюмируется, и ее приходится устанавливать лишь в редких случаях (физическое принуждение, угрозы, непреодолимая сила). Что же касается бездействия, то возможность действовать положительным образом, как более сложное требование, не может презюмироваться и должна быть всякий раз доказана обвинением и установлена судом.

Не случайно поэтому ряд статей особенной части прямо предусматривает в диспозиции возможность со-обязанностям. Как видно из материалов дела, А. — молодой врач с небольшим стажем работы — объективно не могла поставить правильный диагноз в сложном случае, когда даже более опытный специалист допустил бы ошибку. Поэтому в ее поведении и с объективной стороны нет преступного бездействия (см. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г., № 5, стр. 9).

вершения надлежащего действия. При этом употребляются такие выражения, как «имел возможность оказать помощь» (ст. 110 УК Казахской ССР), «помощь могла быть оказана» (ст. 110 УК Узбекской ССР), «меры могли быть приняты» (ст. 203 УК Узбекской ССР), а также содержатся указания на отсутствие уважительных причин (например, ст. ст. 9, 10, 11 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления). Однако и в тех статьях, где нет подобных указаний, возможность совершить общественно полезное действие подразумевается как необходимое условие наступления ответственности за преступное бездействие.

3. Границы преступного бездействия. Длющиеся преступления. Так как бездействие не имеет характерных внешних проявлений (телодвижение, слово), то его объективные границы во времени и пространстве не могут определяться теми же физическими признаками, что и границы действия. В основе определения границ бездействия лежат главным образом социальные признаки.

Началом преступного бездействия является тот момент, когда в совокупности имеются три следующих обстоятельства: а) обязанность лица выполнить определенное действие; б) возможность совершить его в данных условиях и в) невыполнение данным лицом тех действий, которые от него требуются. Необходимо, чтобы бездействие лица в данной обстановке было противоправным и общественно опасным. Отпадение хотя бы одного из этих обстоятельств или наступление преступных последствий означает прекращение бездействия.

Указанные три условия обычно возникают и прекращаются не одновременно. В приведенном выше деле сторожа С. обязанность по задержанию преступников существовала с момента его заступления на пост. Но возможность возникла лишь в тот момент, когда он заметил расхитителей социалистической собственности. Этот момент был началом преступного бездействия С., которое завершилось с окончанием хищения, т. е. с отпадением этой возможности. Напротив, в деле З., который не выключил после окончания работы электроутюг, что вызвало пожар в помещении артели, возможность совершения действия существовала значительно раньше, а обязанность возникла только в тот момент,

когда З. уходил домой из помещения артели¹. Окончилось преступное бездействие З. в связи с возникновением пожара.

Разрушительная, вредоносная работа технических средств и естественных сил природы, для которой были созданы условия бездействующим лицом, не охватывается понятием преступного бездействия. В деле З. его бездействие состояло не в том, что возник пожар, а в том, что З. не выключил утюг. Бездействие стрелочника, не переведшего стрелку при приближении поезда, окончилось не в момент катастрофы, а в момент прохода поезда через стрелку, так как после этого отпала возможность совершить требуемое действие. С наступлением вредных последствий бездействие прекращается лишь в том случае, если до последнего момента существует возможность вмешаться и предотвратить преступный результат. При этом, следовательно, в какой-то промежуток времени бездействие происходит «параллельно» с действием вредных факторов, создавая для них благоприятные условия.

Вопрос о начале и конце преступного бездействия существен для определения ответственности соучастников, для решения вопроса о добровольном отказе и др. Кроме того, он имеет специфический интерес применительно к так называемым длящимся преступлениям.

Что такое длящееся преступление?

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»² длящееся преступление определялось как такое преступление, которое осуществляется непрерывно в течение определенного времени. С этим определением с некоторыми оговорками³ можно было бы согласиться.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 7, стр. 21.

² См. «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924—1951 гг.)», М., 1952, стр. 69.

³ Следовало бы указать, во-первых, что это деяние длится на стадии оконченного преступления. Во-вторых, строго говоря, приведенное определение относится ко всем случаям преступного бездействия, в то время как практически признаются длящимися только такие преступления, которые продолжаются значительное время, исчисляемое днями, неделями и т. д. Наконец,

Но далее в указанном постановлении д лящееся преступление неправильно характеризуется как «непрерывно осуществляемое преступное состояние» (разрядка наша.— В. К.). Эту ошибочную точку зрения проводят и авторы учебника «Советское уголовное право, часть общая», которые, основываясь на указанном постановлении, пишут: «Начинаются д лящиеся преступления с момента наступления преступного состояния и кончаются в момент выхода из этого состояния»¹.

В действительности д лящиеся преступления и «преступное состояние» не имеют между собой ничего общего. Как подчеркивалось выше, советскому уголовному праву неизвестна ответственность за «преступное» или «опасное» состояние. По нашему законодательству, которого строго придерживается и судебно-прокурорская практика, вменяется в вину всегда совершение (или несовершение) конкретных действий, имеющих четкие юридические признаки, ограниченных во времени и пространстве. Иное понимание этого вопроса неизбежно повело бы к нарушению основ социалистической законности.

Какова действительная природа д лящихся преступлений?

Всякое д лящееся преступление начинается с акта активного преступного действия (самовольное оставление воинской части, незаконное приобретение оружия, побег из-под стражи, вступление в банду) или с акта преступного бездействия (неявка военнослужащего в срок из отпуска), который дает окончанный состав. Однако длительность этих преступлений (дезертирства, незаконного хранения оружия, участия в вооруженной банде и т. д.) образуется не за счет первоначального акта, а за счет последующего бездействия, продолжающегося вплоть до задержания преступника или до отпадения какого-либо из элементов состава. Сущность этого бездействия состоит в том, что виновный не выполняет конкретной обязанности — вернуться в воин-

в-третьих, следовало бы уточнить понятие «осуществляется непрерывно». В действительности и в д лящемся преступлении возможны перерывы. Например, солдат, находящийся в самовольной отлучке в другом городе, обязан вернуться в часть, и эта обязанность существует непрерывно, но практическая возможность ее осуществления зависит, в частности, от расписания поездов.

¹ «Советское уголовное право, часть общая», М., 1959, стр. 329.

скую часть, сдать оружие органам власти и т. д. Таким образом, в основе длящегося преступления лежит невыполняемая лицом правовая обязанность, возникшая в связи с его поступком, и поэтому ему может и должно быть предъявлено вполне конкретное обвинение в совершении или несвершении определенных действий.

Правовая обязанность, невыполнение которой образует длящееся преступление, может относиться к различным сферам общественных отношений. Например, в случае дезертирства она вытекает из всеобщей воинской обязанности советских граждан. При незаконном хранении оружия обязанность сдать его органам власти обусловлена тем, что оружие изъято из гражданского оборота. При побеге из места заключения существует правовая обязанность отбывать наказание, назначенное приговором суда.

Естественно, что с отпадением указанной обязанности прекращается преступное бездействие, состоявшее в ее невыполнении, а тем самым прекращается и длящееся преступление. Это обстоятельство, по-видимому, недостаточно учитывается некоторыми авторами. Так, по поводу дезертирства распространенная точка зрения состоит в том, что оно прекращается лишь в связи с задержанием преступника или его явкой с повинной¹. Между тем следовало бы считать дезертирство (а также уклонение от призыва) оконченным, в частности, при условии, что субъект достиг непризывного возраста или по состоянию здоровья стал негодным к военной службе. Это не исключает его ответственности за содеянное, но с указанного момента следовало бы исчислять срок давности уголовного преследования за совершенное преступление.

По этим же причинам нельзя признать достаточно точным утверждение, что побег из-под стражи «является самостоятельным преступлением» и ответственность за него «не исключается даже в том случае, когда лицо, совершившее побег, было затем признано невиновным в совершении того преступления, в связи с которым оно находилось под стражей»². Вполне понятно, что обя-

¹ См., например, А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшин, В. М. Чхиквадзе, Курс советского уголовного права, особенная часть, М., 1959, стр. 712.

² «Советское уголовное право, особенная часть», М., 1958, стр. 327.

Занность вернуться для отбывания наказания может быть порождена только законным обвинительным приговором. Если же он отменен и виновный реабилитирован, то такая обязанность отпадает (хотя ранее совершенный побег не аннулируется).

Верховный Суд СССР в определении по делу С. указал, что «последующее прекращение дела, по которому осужденный содержался под стражей, не устраняет ответственности за побег, однако дает основания для снижения наказания или для применения ст. 8 УК РСФСР»¹. Нам представляется, что и срок давности уголовного преследования за побег в этом случае следовало бы исчислять не с момента задержания такого лица, а с более раннего момента — прекращения дела, по которому он должен был содержаться под стражей.

Эта постановка вопроса вряд ли должна встретить серьезные возражения. Однако возникает мысль и о более радикальном решении проблемы длящихся преступлений. Не следует ли вообще отказаться от этого понятия применительно к побегу из-под стражи и дезертирству?

Почему, например, признается длящимся преступлением побег из-под стражи? Сам факт побега, разумеется, представляет общественную опасность и должен быть наказуем. Однако есть ли нужда, кроме того, возлагать на бежавшего из-под стражи юридическую обязанность вернуться в место заключения и рассматривать невыполнение этой обязанности как общественно опасное и уголовно наказуемое бездействие? Нам думается, что нет. Иногда аргументируют необходимость сохранения понятия длящихся преступлений применительно к таким деяниям, как побег из-под стражи и дезертирство, тем, что в противном случае к указанным лицам будет применяться амнистия, хотя бы они и не были еще задержаны. Но этот аргумент неоснователен по двум причинам. Во-первых, решение вопроса о понятии и признаках состава преступления никак не может ставиться в зависимость от вопроса о его наказуемости; последовательность здесь должна быть обратной. Во-вторых, по существу данного возражения можно было бы сказать, что оно исходит из стремления усилить реп-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. I, М., 1948, стр. 21.

рессию, между тем вряд ли в современных условиях это вызывается необходимостью. По нашему мнению, вполне достаточно было бы карать сам факт побега из-под стражи (или дезертирства) в пределах существующих давностных сроков, так же как мы наказываем кражу независимо от того, было ли возвращено собственнику похищенное у него имущество, и не возлагаем на вора такую дополнительную обязанность.

Длящиеся преступления — только один из видов смешанных преступлений, образованных актами действия и бездействия. Возможны и нередко встречаются в практике случаи, когда акты действия и бездействия разделены во времени и пространстве (например, в транспортных, должностных, хозяйственных преступлениях).

Примером может служить дело Р. Будучи охранником завода и одновременно являясь дежурным по переезду, расположенному рядом с воротами завода, Р. грубо нарушил специальную инструкцию по охране переезда. Пропустив на подъездные пути завода паровоз с четырьмя вагонами, он не закрыл шлагбаум переезда, не проверив, свободен ли путь, открыл ворота завода и дал разрешение на выезд автомашины. Произошло столкновение машины с маневровым паровозом, повлекшее человеческие жертвы и причинившее значительный материальный ущерб¹. В преступном поведении Р. имеются элементы и действия, и бездействия. Он был осужден за должностную халатность.

При привлечении к уголовной ответственности за преступное бездействие всегда необходимо точно установить все эпизоды, все отдельные акты невыполнения соответствующих обязанностей и правильно определить их начальный и конечный моменты. Как указывается в ряде определений Верховного Суда СССР, обвинение в преступном бездействии всегда предполагает «наличие конкретных обстоятельств, выражающих собой преступное отношение обвиняемого к своим обязанностям и обосновывающих сущность обвинения»². Неясное, рас-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 2, стр. 15; см. также «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 1, стр. 17 (дело Р.).

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 8, стр. 33 (дело М.); № 6, стр. 34 (дело М.); «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. IV, М., 1947, стр. 13 (дело Ч.—О.); вып. I, стр. 12 (дело К.) и др.

пльвчатое указание на бездействие обвиняемого без ссылки на то, в чем оно конкретно выразалось, не может служить достаточным основанием для вынесения обвинительного приговора.

§ 3. Общественная опасность действия (бездействия)

1. Понятие опасности способа действия (бездействия).

Общественная опасность — неотъемлемое свойство любого преступления, предусмотренного советским уголовным законодательством. Отсутствие общественной опасности свидетельствует об отсутствии состава преступления и исключает уголовную ответственность. Подавляющее большинство советских криминалистов придерживается правильного, с нашей точки зрения, мнения, что общественная опасность свойственна преступлению в целом и определяется всеми элементами состава преступления в их совокупности.

Когда рассматривают общественную опасность преступления в целом, то имеют в виду тот вред, который преступление причиняет или может причинить интересам социалистического общества: советскому общественному и государственному строю, социалистической собственности, личности, правам граждан и всему социалистическому правопорядку (ст.ст. 1 и 7 Основ уголовного законодательства). Однако в рамках этой общей характеристики вполне правомерно рассматривать и объективную опасность самого способа действия, которым причиняется вредный результат.

Говорят, например, что «убийство представляет большую общественную опасность». Здесь речь идет о вреде, причиняемом этим преступлением интересам общества. Вместе с тем можно сказать, что «стрельба из огнестрельного оружия в условиях города опасна». В данном случае речь идет об опасности способа действий, определенной формы поведения, могущей повлечь несчастный случай.

Социальная сущность преступного действия (бездействия), как подчеркивалось выше, заключается главным образом в том, что оно может оказать и оказывает отрицательное воздействие на окружающие события, явления и в конечном счете на общественные отношения, являющиеся объектом преступления. Действие может

вызвать нарушение этих отношений, разрушить их или причинить им иной ущерб. Именно в возможности причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям и состоит основная опасность преступного действия (бездействия)¹.

Таким образом, говоря об опасности самого способа действия, мы имеем в виду возможную связь между ним и наступлением вредного результата. Опасность — вообще категория возможности. Если вред уже наступил, то правильнее было бы говорить не об опасности совершенного действия, а о его общественной вредности, о тяжести преступления.

Общественная опасность преступного действия и бездействия выражает реально существующие качества антиобщественного поведения. Трудно согласиться с точкой зрения некоторых авторов, считающих общественную опасность «оценочной» категорией² и противопоставляющих ее (В. Ф. Кофман) противоправности как категории объективной.

Что означает понятие «оценочная категория»? Если то, что оно выработано людьми и ими употребляется для обозначения определенного явления, то ведь это касается любого другого термина, в том числе и «противоправности». В этом смысле всякое понятие — «оценочное». Если же хотят сказать, что «оценочное» понятие произвольно, субъективно и не всегда отражает действительное положение вещей, то применительно к общественной опасности это просто неверно. Общественная опасность — это объективное свойство действий определенного рода, причиняющих с достаточно высокой степенью вероятности существенный ущерб интересам нашего общества. Она существует в реальной действительности независимо от воли и сознания судей или законодателя, и задача состоит в том, чтобы правильно установить наличие, характер и степень этой опасности и принять меры для борьбы с подобными деяниями.

¹ Далее под действием, если не оговаривается иное, имеется в виду и бездействие.

² См. В. Ф. Кофман, Соотношение вины и противоправности в гражданском праве, «Правоведение» 1957 г. № 1, стр. 70; В. Г. Смирнов, Рецензия на книгу Т. В. Церетели «Причинная связь в уголовном праве», «Правоведение» 1957 г. № 1, стр. 155—156.

Объективная опасность способа совершения преступления — только одна из величин, образующих в совокупности общественную опасность преступления в целом. Последняя зависит не только от способа действия, но и от объекта преступления, субъекта и субъективной стороны. При этом, однако, надо отметить, что субъект и субъективная сторона преступления влияют на наличие, характер и степень его общественной опасности не непосредственно, а через объективные внешние признаки, формируя содержание действий преступника¹.

Чем же определяется общественная опасность преступного действия и бездействия? Почему одни действия всегда признаются опасными и запрещаются уголовным законом, другие влекут ответственность лишь при определенных условиях, а третьи вообще не признаются общественно опасными? В каких пределах эта опасность оценивается законодателем и в каких — судебно-прокурорскими органами?

2. Оценка опасности способа действий законодателем. Особенностью оценки законодателем наличия и степени общественной опасности действий определенного рода является то, что законодатель рассматривает массовые явления — всю совокупность соответствующих действий. Если в этой совокупности проявляется закономерная тенденция к причинению существенного вреда интересам социалистического общества, способ этих действий должен быть признан общественно опасным.

Обстоятельства, влияющие на признание действий определенного рода общественно опасными, весьма различны и многообразны. Однако все же большинство из них можно попытаться выразить в трех основных показателях, которые во взаимном сочетании характеризуют наличие опасности действия и ее степень. К ним относятся: а) тяжесть возможных последствий; б) вероятность их наступления и в) распространенность действий подобного рода.

¹ Вряд ли можно согласиться с положением И. С. Тишкевича: «Направленность воли на совершение общественно опасного деяния свидетельствует об общественной опасности как действий, образующих неоконченное преступление, так и субъекта» (И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, М., 1958, стр. 16).

а) Тяжесть возможных последствий имеет определяющее значение для оценки степени опасности действия. При прочих равных условиях признаются более общественно опасными те поступки, которые грозят причинением более тяжкого вреда социалистическому обществу.

Тяжесть последствий сама зависит от важности объекта посягательства и размера причиняемого ему ущерба¹. Степень опасности определенных действий может быть более высокой либо в силу того, что они ведут к нарушению более важных социалистических общественных отношений (например, основ советского общественного и государственного строя), либо потому, что они нарушают общественные отношения в более серьезной степени, чем другие деяния, посягающие на ту же группу отношений (например, мелкое и немелкое хищение государственного имущества).

Большая тяжесть возможных последствий ведет к признанию действий общественно опасными даже в том случае, если вероятность наступления этих последствий или распространенность данных деяний сравнительно невелика. Так обстоит дело с пересылкой по почте взрывчатых веществ, нарушением противоэпидемических правил, правил использования радиоактивных веществ и другими подобными действиями, за которые установлена уголовная ответственность. Это же обстоятельство находит отражение и при выработке технических норм, нарушение которых рассматривается как общественно опасное деяние. Например, Правила технической эксплуатации железных дорог СССР запрещают «отправление вслед» пассажирских и иных поездов, перевозящих людей (§ 409), но не содержат такого запрета применительно к товарным поездам. Между тем вероятность катастрофы в обоих случаях одинакова. Признание указанных действий общественно опасными и преступными обусловлено в первую очередь тяжестью воз-

¹ «Совершенно очевидно,— пишет А. Б. Сахаров,— что опасность нарушения в области охраны труда определяется прежде всего характером того ущерба, который причиняется или угрожает личности советского труженика» (А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР, М., 1958, стр. 28).

возможных последствий — катастроф с человеческими жертвами.

В современных условиях уголовная ответственность за многие действия, не представляющие большой общественной опасности, исключается в силу того, что они не способны вызвать достаточно тяжелых последствий. Например, мелкое хищение государственного и общественного имущества, мелкое самоуправство, незначительные нарушения правил торговли и некоторые другие деяния, ранее наказывавшиеся в уголовном порядке, могут быть переданы на рассмотрение товарищеских судов.

б) Вероятность наступления вредных последствий — важнейший показатель опасности действия. Опасность действия заключается в том, что оно может вызвать определенные вредные последствия. Однако эти последствия наступают не во всех случаях. Естественно, что действия будут сравнительно тем опаснее, чем выше степень вероятности наступления вредных последствий.

Вероятность наступления вредных последствий — объективная категория, основное понятие математической теории вероятностей, которая имеет своей задачей установление статистических закономерностей наступления будущих событий¹. В этом смысле объективную вероятность не следует смешивать с понятиями «вероятность» и «достоверность», относящимися к теории познания и характеризующими нашу большую или меньшую уверенность в существовании какого-либо события в прошлом². Объективная вероятность определяется как «мера объективной возможности того или иного варианта»³. Она отражает реальную ситуацию, существующую во время совершения общественно опасного действия: например, водитель в нарушение установленных правил самовольно въезжает на закрытый железнодорожный

¹ «Возможность, с которой имеет дело теория вероятности, это — объективная возможность, а вероятность — ее количественное определение» («Статистика, Основы общей теории», М., 1936, стр. 157).

² Например, выражение: «вероятно, что преступление совершил Иванов» — относится к прошлому событию и свидетельствует о недостаточном знании действительно имевших место фактов. Объективно же в данном случае не было никакой неопределенности: преступление совершил либо Иванов, либо кто-нибудь другой.

³ «Статистика, Основы общей теории», стр. 131.

переезд. Катастрофа, бесспорно, возможна. Степень ее вероятности в данном случае зависит от продолжительности нахождения машины на путях, от скорости движения поезда, расстояния до него и других условий. На основе изучения судебной статистики нетрудно выявить и общую степень вероятности катастроф при нарушении правил движения автотранспорта на железнодорожных переездах.

Степень вероятности наступления вредных последствий от разных действий весьма различна. Иногда она равна или очень близка к неизбежности. Так, Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР устанавливают нормы ширины железнодорожной колеи на прямых частях пути и в кривых, а также максимум допустимых отклонений. Нарушение этих норм при строительстве или ремонте путей неминуемо влечет катастрофу поезда. Неизбежно происходят взрыв и авария при таком нарушении правил техники безопасности при работе на электропечах, как завалка в расплавленную ванну влажных материалов или выпуск металла в плохо просушенный ковш¹. Это вытекает из объективных свойств соответствующих процессов и вещей, выражает собой известные физические закономерности.

Большая часть общественно опасных действий, однако, влечет вредные последствия не во всех случаях, а с той или иной степенью вероятности, зависящей от характера происходящего процесса, окружающих условий, противодействующих сил и т. д. Надо полагать, например, что сравнительно невелика степень вероятности «внезапной потери машинистом способности к ведению поезда» на пригородной электрической железной дороге. Однако Правила технической эксплуатации в § 202 для предупреждения катастрофы разрешают обслуживание моторвагонной секции одним машинистом только при наличии устройств для автоматической остановки поезда в случае потери сознания машинистом. Назначение одного машиниста вместо двух при отсутствии указанных условий рассматривается как общественно опасное действие.

Большая вероятность вредных последствий, приближающаяся к неизбежности, предусмотрена в статьях

¹ См. Н. Г. Гельперин, Технологические процессы в фасонно-сталелитейных цехах, М., 1948, стр. 70.

уголовного кодекса, устанавливающих ответственность капитана судна за неоказание помощи людям, гибнущим на море.

По общему правилу, чем выше тяжесть последствий, которые могут наступить от определенного рода деяний, тем меньшая степень вероятности их наступления достаточна для признания действий общественно опасными¹. Действия, могущие повлечь человеческие жертвы, причинение крупного материального ущерба или иные тяжкие последствия, признаются опасными и в тех случаях, когда вероятность наступления их незначительна. Например, не всякий случай незаконного врачевания приводит к ухудшению здоровья пациента. Такой исход, возможно, наступит в одном из десяти случаев лечения. Однако последствия указанных действий настолько тяжки, что все подобные действия признаются общественно опасными.

В) Распространенность деяний подобного рода имеет немаловажное значение. Например, отдельный случай изготовления самогона может не причинить значительного вреда. Однако в силу известной распространенности самогонварение представляет общественную опасность², так как в результате его непроизводительно уничтожаются полезные продукты и причиняется непоправимый вред здоровью людей.

Распространенность многих деяний в последние годы значительно уменьшилась, и как социальное явление они утратили общественную опасность. На сессии Верховного Совета Казахской ССР, обсуждавшей проект нового уголовного кодекса, указывалось, что «кун, барымта, принудительное взимание религиозных сборов, попытки восстановить дореволюционные суды и применять нормы адата или шариата давно уже полностью исчезли в результате успехов социалистического строительства и

¹ Это правильно отмечает Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, Тбилиси, 1957, стр. 137. Автор называет степень вероятности последствий степенью «способствования результату» (стр. 137) и степенью «создаваемой действием возможности наступления последствий» (стр. 136).

² Так, в Казахстане за изготовление самогона и других спиртных напитков только в 1958 году было осуждено 267 человек и за первый квартал 1959 года — 83 человека («Заседания Верховного Совета Казахской ССР пятого созыва, II сессия, 21—29 июля 1959 г.», Стенографический отчет, Алма-Ата, 1959, стр. 145).

превращения Казахстана из отсталой окраины в передовую социалистическую индустриально-аграрную республику, в результате культурной революции»¹.

Таковы три основных компонента объективной опасности действия и бездействия.

Общественная опасность действия — понятие исторически определенное. То, что опасно в одних исторических условиях, в юдной обстановке, может быть безопасно или даже полезно для общества в других условиях. Уничтожение государственного имущества рассматривается нами как преступление, но во время первого периода Великой Отечественной войны необходимо было уничтожать мосты, склады, заводы, шахты и другие сооружения на временно оккупированной территории, чтобы они не достались противнику.

Этот пример говорит о том, что при оценке законодателем социального значения тех или иных действий необходимо учитывать и такую их сторону, как возможную полезность для интересов общества.

Разумеется, существуют такие действия, которые в условиях социалистического общества никогда не приносят никакой пользы, а способны причинить только вред (разглашение государственной тайны, спекуляция, подделка денег, контрабанда, дезертирство, похищение чужого имущества, хулиганство и т. п.). Однако большинство человеческих поступков разнообразно по своим последствиям и свойствам. В известных условиях они полезны, в других — вредны. Например, использование охотничьего оружия в целом нельзя считать общественно опасным действием, хотя иногда оно может повлечь несчастный случай. Таково же использование транспорта и целого ряда других механизмов в промышленности, сельском хозяйстве и в быту. Оно является необходимым для общества, приносит большую общественную пользу и только в сравнительно редких случаях, при определенном стечении обстоятельств, может вызвать вредный результат.

Если действия первой категории законодатель может безоговорочно признать общественно опасными и преду-

¹ «Заседания Верховного Совета Казахской ССР пятого созыва, II сессия, 21—29 июля 1959 г.», Стенографический отчет, Алма-Ата, 1959, стр. 102, доклад депутата Сапаргалиева М. С.

смотреть в уголовном законе, то со второй категорией дело обстоит сложнее. Поскольку в этом случае многое зависит от внешней обстановки, оценить которую может только суд при рассмотрении конкретного уголовного дела, законодатель нередко ставит признание данных действий преступными в зависимость от факта наступления вредного результата, а также возлагает оценку наличия и степени опасности способа совершения конкретного преступления на судебные органы.

3. Опасность совершенного действия в конкретном преступлении. Опасность конкретного преступного действия есть частное проявление общей опасности деяний данного рода. Опасность конкретного действия состоит в том, что оно может в данной обстановке нанести существенный ущерб охраняемым законом социалистическим общественным отношениям.

Отсюда следует, что опасность конкретного действия (бездействия) должна оцениваться применительно к моменту его совершения, т. е. на тот момент, когда еще не наступили вредные последствия. Довольно распространенной ошибкой является «ретроспективная» оценка опасности действия, при которой исходят из того, что оно затем вызвало вредные последствия. Между тем, как уже говорилось, последствия могут наступить вследствие изменения обстановки, происшедшего уже после действий обвиняемого.

Вполне понятно, что в большинстве случаев суд и органы предварительного расследования имеют дело с преступлением, уже вызвавшим вредный результат. При этом, как правило, трудно отвлечься от факта наступления этого результата и отдельно рассматривать опасность способа совершенного действия. Да это подчас и не вызывается необходимостью. Например, объективная опасность совершенной кражи в первую очередь определяется стоимостью и принадлежностью похищенного имущества.

Тем не менее самостоятельная оценка опасности способа совершенного лицом действия в принципе возможна, а в ряде случаев — необходима. Эти случаи сводятся к двум группам:

а) Вредные последствия деяния фактически не наступили. Такое положение имеет место при приготовлении

к преступлению¹, при покушении на преступление², а также при совершении преступлений, создающих только возможность наступления вреда³.

б) Совершенное обвиняемым действие было только одной из причин возникновения вредного результата. Сюда следует отнести совершение преступления соучастниками⁴, а также другие случаи, когда преступление совершено несколькими лицами, хотя бы и не связанными между собой, или когда результат наступил вследствие присоединения стихийных сил природы⁵. Раздельная оценка степени опасности действий каждого из обвиняемых необходима для правильного определения пределов их ответственности за наступивший результат и индивидуализации наказания.

Анализ опасности способа совершенного лицом действия включает определение наличия, характера и степени опасности этого действия для охраняемого законом объекта.

а) Наличие общественной опасности способа того или иного действия, как правило, предполагается законодателем, описывающим признаки действий данного рода в законе. Поэтому устанавливать, что данный способ действий, использованный обвиняемым, был опасен

¹ Приготовительные действия, пишет Н. Д. Дурманов, «подлежат ответственности, если по существу являются общественно опасными. Здесь надо учитывать характер и степень общественной опасности преступления и характер действий, их значение для совершения преступления» (Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, стр. 92). См. также Н. Ф. Кузнецова, Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление, М., 1958, стр. 73.

² При покушении, по мнению И. С. Тишкевича, «степень близости наступления преступного результата является весьма важным обстоятельством, свидетельствующим о большей или меньшей опасности действий, образующих покушение» (И. С. Тишкевич, Приготовление и покушение по советскому уголовному праву, стр. 182).

³ Об этих деяниях см. § 3 главы III.

⁴ При решении вопроса об ответственности соучастников суд, по мнению П. И. Гришаева и Г. А. Кригера, учитывает в совокупности «опасность совместной преступной деятельности, определяемую характером совершенного преступления и формой соучастия, при которой оно было выполнено; степень и характер участия в этой преступной деятельности данного соучастника; опасность личности виновного» (П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, Соучастие по советскому уголовному праву, М., 1959, стр. 194).

⁵ Этот вопрос рассматривается в гл. IV.

для тех или иных интересов, суд обязан только в тех случаях, когда это прямо требуется по закону. Например, это необходимо при привлечении к ответственности по статье уголовного кодекса, устанавливающей повышенную ответственность за умышленное убийство, совершенное способом, «опасным для жизни многих людей» («общеопасным способом»). Точно так же при квалификации деяния по статье о разбойном нападении требуется установить, было ли насилие «опасным для жизни или здоровья потерпевшего».

В остальных случаях действия той или иной категории, поскольку их признаки предусмотрены в законе, уже признаны законодателем опасными для соответствующих объектов. Это, однако, не исключает того, что в конкретной ситуации опасность совершенного действия или бездействия может отсутствовать. Законодатель, как указывалось выше, исходит из анализа массовых явлений, а конкретное событие может происходить в такой обстановке, при которой действия лица фактически не способны повлечь вредных последствий или по другим причинам утрачивают общественную опасность (крайняя необходимость, производственный риск и др.)¹. Поэтому во всех случаях, когда у суда возникает сомнение в наличии опасности конкретного действия, она должна быть проверена. Отсутствие опасности способа действий свидетельствует об отсутствии состава преступления.

Приведем несколько ~~примеров~~ из судебно-прокурорской практики. К. и Г. было предъявлено обвинение в том, что они 23 апреля 1951 г. перевозили пассажиров на перегруженной лодке в ветреную погоду через реку Березину во время ее разлива, в результате чего лодка перевернулась и пять человек утонуло.

Народный суд г. Бобруйска осудил К. и Г. за неосторожное убийство. Верховный Суд БССР, отменив приговор, прекратил дело, мотивировав это тем, что: а) лодка не была перегружена, так как в ней было только девять человек; б) лодка опрокинулась от внезапного порыва ветра, поэтому осужденные не предвидели и не могли

¹ «Если нет возможности наступления ущерба или самого ущерба, то действие не является общественно опасным», — правильно пишут криминалисты Германской Демократической Республики (Lehrbuch des Strafrechts der DDR, Allg. t., Berlin, 1959).

предвидеть возможности наступления тяжелых последствий.

Таким образом, Верховный Суд БССР аргументировал прекращение дела отсутствием общественной опасности и вины в действиях К. и Г.. Утверждая, что лодка не была перегружена, Верховный Суд республики отрицал также противоправность поведения обвиняемых.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя это определение, указала на следующие обстоятельства, не учтенные Верховным Судом БССР:

1) из данных метеорологической станции явствует, что 23 апреля уже с 8 час. утра дул сильный ветер (до 6 баллов) и были большие волны, а затем ветер усилился и достигал 8 баллов при скорости 17 м в секунду с порывами 20 м в секунду, а волны заливали лодку;

2) эксперт Ананько в своем заключении указал, что в такую погоду перевозку пассажиров вообще нельзя было производить без риска для их жизни;

3) второй эксперт Поплевко, руководствуясь правилами речного регистра, дал заключение, что лодка по своим размерам может поднять лишь до семи человек из расчета среднего веса одного человека 75 кг¹.

Эти обстоятельства, указанные Верховным Судом СССР, наглядно показывают опасность способа действий К. и Г. в конкретной обстановке, сложившейся 23 апреля 1951 г. при переезде через реку Березину. Перевозка девяти пассажиров в данной лодке вообще являлась противоправной, а в указанных условиях представляла реальную опасность для их жизни. Если рассматривать эту опасность с точки зрения перечисленных выше компонентов, то можно сказать, что вероятность аварии здесь была чрезвычайно высокой и она не компенсировалась той возможной пользой, которую могли бы извлечь пассажиры из быстрой переправы через реку. Степень опасности могла бы уменьшиться в случае хорошей организации службы спасения на реке, но это был период весеннего половодья и такой организации не было. Действия К. и Г., бесспорно, были общественно опасны. Определение Верховного Суда БССР по делу К.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 12, стр. 14.

и Г. было отменено и дело направлено на новое судебное рассмотрение.

Совершенно иное положение было в деле Х., осужденной народным судом за то, что, затопив русскую печь соломой, она ушла за водой, оставив в избе двух малолетних детей. Во время ее отсутствия произошел пожар, дети получили тяжелые ожоги и умерли. Отменяя обвинительный приговор по этому делу, Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «В тот момент, когда Х. уходила из своего дома, никакого состояния, опасного для жизни детей, не было»¹. Опасность пожара возникла позже из-за шалости детей.

Анализируя конкретные действия, совершенные обвиняемым, суд, таким образом, может установить отсутствие общественной опасности. Однако он не вправе признавать наличие опасности в отношении тех действий, которые не признаны опасными законодателем при создании уголовноправовой нормы. Это правило связано с отменой принципа аналогии в советском уголовном законодательстве.

б) Характер опасности действия имеет весьма важное значение. Совершенное деяние должно по характеру своей опасности соответствовать общественной опасности всех действий данного рода, предусмотренных правовой нормой. Только в этом случае оно будет проявлением той объективной закономерности, борьба с которой является целью создания нормы.

Практически это означает, что действие должно представлять опасность не вообще, а для того именно объекта, который пострадал в данном случае. Это положение не всегда учитывается в судебно-прокурорской практике.

Так, капитан тралового флота треста «Мурманрыба» М. был осужден по ст. 59³^в УК РСФСР 1926 года за дачу необоснованного заключения о том, что К. по своим знаниям и образованию может быть использован на должности третьего штурмана (в действительности у К. не было диплома, и потому он не имел права занимать эту должность). Будучи назначен третьим штурманом, К. нарушил трудовую дисциплину, что повлекло тяжелую аварию рыболовного траулера в Баренцовом море.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1942 г.», М., 1947, стр. 102—103.

М. совершил противоправный поступок, допустив нарушение правил приема на работу. Однако его действия в данной конкретной обстановке не представляли какой-либо угрозы безопасности мореплавания. Дело в том, что К. «окончил полный курс морского техникума, сдал государственной комиссии испытания, на практической работе проявил себя с хорошей стороны», и поэтому не было оснований полагать, что К. не были известны правила предупреждения столкновения судов на море... На просьбу М. дать характеристику К. капитан Тюев заявил, что К. является «лучшим даже среди дипломированных третьих штурманов»¹.

Действия М. можно было бы признать опасными не в отношении происшедшей аварии, а только в отношении установленного порядка работы государственного учреждения. Но с этой точки зрения опасность его действий малозначительна. Верховный Суд СССР указал по данному делу, что «формальное отступление, допущенное М., не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние»².

В) Степень общественной опасности совершенного действия может отличаться, и подчас весьма существенно, от той средней величины, которая свойственна всей данной группе деяний. Оценка степени общественной опасности имеет важное значение для индивидуализации ответственности. Если по обстоятельствам дела совершенные лицом действия не представляют большой общественной опасности, то при наличии других необходимых условий это лицо может быть освобождено от уголовной ответственности и передано на исправление и перевоспитание коллективу трудящихся. Незначительная степень опасности совершенных действий является также одним из условий для передачи дела на рассмотрение товарищеского суда³. Наконец, степень опасности содеянного существенно влияет на выбор меры наказания.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1942 г.», М., 1947, стр. 47.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1942 г.», М., 1947, стр. 48.

³ См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 1, стр. 9.

При оценке наличия, характера и степени опасности конкретного действия суд должен исходить в общем из тех же критериев, которыми руководствуется и законодатель, оценивая общественную опасность всех действий соответствующей категории. Разница состоит в том, что судебная оценка касается единичного явления и производится в рамках общей законодательной оценки. При этом суд должен учесть не только характер и тяжесть возможных последствий, а также степень вероятности их наступления, но и возможную полезность совершенных действий в данных условиях места и времени и оценить все эти обстоятельства в их совокупности.

Старший портонадзиратель Ц. был осужден за то, что разрешил выход в море мотобота «Печора», не приспособленного, по мнению суда, к плаванию в ледовых и штормовых условиях; в результате мотобот, попав в шторм до 8 баллов, потерпел аварию.

Верховный Суд СССР установил, что Ц. выдавал разрешение на выход мотобота в море в следующей конкретной обстановке:

1) погода не была штормовой; метеосводка о возможном похолодании была получена позже чем через сутки после выдачи разрешения и спустя 18 часов после выхода судна в море;

2) при выходе в море мотобот был вполне исправен, и, если бы он не задержался в пути из-за поломки мотора, он вообще не попал бы в шторм;

3) не доказано, что мотобот «Печора» вообще был негоден к плаванию в ледовых условиях.

Таким образом, выдача Ц. разрешения на рейс мотобота в тот момент, когда она была произведена, не представляла никакой общественной опасности и, более того, являлась вполне правомерной. Дело было прекращено¹.

При оценке опасности действий Ц. нетрудно видеть, что известная вероятность вредных последствий в результате выхода судна в Ледовитый океан, безусловно, имела — так же как, впрочем, такая вероятность существует при любом плавании в море, на реке или на озере. Однако полезность морских перевозок несравненно выше возможной опасности. Во многих производст-

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941 г.», М., 1941, стр. 54.

венных процессах, технических операциях, научных экспериментах и т. д. имеется известный риск. Однако в том случае, когда полезность соответствующего действия превышает вероятность возможных вредных последствий, этот риск вполне оправдан¹.

Характерным примером может служить дело Л. На баркасе «Шеллапугин» пробило фланец, соединявший трубопровод с инжектором. Механик Л. вопреки инструкции решил произвести ремонт, не останавливая мотор. Однако в предполагаемое время Л. не уложился, вода в котле испарилась, и на его потолке образовалась выпучина. Верховный Суд СССР отменил обвинительный приговор и прекратил дело производством, указав, что Л. «при ремонте на ходу допустил по существу производственный риск, за что его судить в уголовном порядке не было оснований»².

Состояние оправданного производственного риска не совпадает с состоянием крайней необходимости, так как в первом случае сравнивается вероятность, а во втором — тяжесть наступивших и предотвращенных последствий. Поэтому мы считаем правильным предложение М. С. Гринберга³ рассматривать оправданный риск как самостоятельное обстоятельство, исключающее уголовную ответственность.

Т. В. Церетели была высказана точка зрения, что при оценке опасности конкретного действия следует также учитывать «цель, ради осуществления которой предпринимается действие»⁴. «Если кто-либо разбивает окно в комнате с целью спасти задыхающегося от газа ребенка, — пишет автор, — то это будет правомерное и общест-

¹ См. М. М. Гринберг, Момент оправданного производственного риска в производственном процессе, «Советское государство и право» 1958 г. № 1.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 г.», М., 1948, стр. 144—145. См. также дело К-го и К-я («Судебная практика Верховного Суда СССР», вып. II (XXVI), 1946, стр. 12). На необходимость учета полезности противоправного действия указано также в определении Верховного Суда СССР по делу К. («Советская юстиция» 1960 г. № 3, стр. 84).

³ М. С. Гринберг, Момент оправданного производственного риска в производственном процессе, «Советское государство и право» 1958 г. № 1.

⁴ Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 135.

венно полезное действие. Но то же действие, совершенное с целью ограбления, будет общественно опасным, хотя бы в результате проникновения в комнату воздуха ребенок, задыхающийся от газа, спасся от удушья»¹.

Нам представляется, что цель, преследуемая лицом, не может увеличивать или уменьшать опасность совершаемого им действия. Понятие опасности отражает объективные свойства деяния независимо от того, с какой целью оно совершается.

Именно так обстоит дело в приведенном примере. Второй случай, описываемый Т. В. Церетели, объективно опаснее первого не из-за цели субъекта как таковой, а лишь потому, что фактическая ситуация иная: разбивая окно, преступник во втором примере объективно создает обстановку для ограбления квартиры и будет, очевидно, действовать в этом направлении (приготовление к преступлению). Объективная полезность его действия (спасение ребенка от удушья) здесь не может учитываться для решения вопроса об ответственности лица не по объективным, а по субъективным причинам, так как виновный не знал об этой (полезной) стороне своих действий.

То, что цель виновного сама по себе не влияет на объективную опасность (или полезность) его действий, особенно хорошо видно из других примеров, приводимых Т. В. Церетели. «1) Начальник отряда посылает в тайгу во время бури группу бойцов Советской армии для спасения пропавшей экспедиции, на которую были возложены задачи большой государственной важности. 2) Группа бойцов посылается при тех же условиях для спасения любимой овчарки начальника»². Автор считает, что во втором случае действие будет общественно опасным потому, что оно не преследует высокой социально-полезной цели.

Но здесь дело вовсе не в цели, а в объективных обстоятельствах дела. Как указывалось выше, для оценки опасности действия надо учесть не только возможные вредные, но и полезные результаты. С этой точки зрения очевидно, что независимо от целей начальника объективная оценка приведенных примеров должна быть

¹ Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 135.

² Там же, стр. 137.

противоположной: в первом случае полезность действия выше возможной опасности, во втором — ниже ее. Самая низменная цель не делает общественно опасной посылку другого лица на курорт или посылку в лес пасынка во время грозы¹; однако стоит увеличить степень вероятности наступления вредных последствий (например, представить, что «лицо, желая избавиться от пасынка, заставляет его стоять во время сильной грозы около громоотвода большой горной станции»)², как действие станет объективно общественно опасным — также независимо от целей субъекта. Опасность способа действия является, таким образом, его сугубо объективным свойством.⁷

§ 4. Противоправность действия (бездействия).

И. О понятии противоправности. Для уголовной ответственности с объективной стороны недостаточно, чтобы действие было общественно опасным в момент его совершения. Согласно Основам уголовного законодательства (ст. ст. 3, 7 и др.) необходимо, чтобы деяние обвиняемого было предусмотрено уголовным законом.

Не всякое общественно опасное действие требует наказания в уголовном порядке. Законодатель из всего круга общественно опасных действий объявляет уголовно противоправными только такие, с которыми необходимо вести борьбу именно средствами уголовного права.

В советском уголовном законодательстве последних лет явственно проступают тенденции, во-первых, к сокращению круга уголовно-противоправных действий и, во-вторых, к более четкому и точному описанию признаков этих действий в уголовном законе.

В современных условиях борьба с антиобщественными проступками и преступлениями все более становится делом широкой общественности. «Разве советская общественность, — говорил тов. Н. С. Хрущев, — не может справиться с нарушителями социалистического правопорядка? Конечно, может»³. Активная деятельность товарищеских судов, народных дружин, широкое использо-

¹ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 138.

² Там же, стр. 139.

³ «Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, 1959, стр. 104.

вание разнообразных форм воспитательной работы дают возможность сократить сферу применения уголовного наказания и, в частности, сузить круг действий, предусмотренных уголовным законом.

Те же действия, общественная опасность которых достаточно высока, должны быть описаны в нормах уголовного законодательства с наибольшей точностью и полнотой.

Признак противоправности имеет важное значение с точки зрения гарантий соблюдения социалистической законности, прав и интересов граждан, так как он обеспечивает привлечение к уголовной ответственности лишь за те строго определенные, указанные в законе действия или бездействия, общественная опасность которых была доведена путем издания закона до сведения всех граждан.

Какова материальная сущность противоправности?

Обычно говорят, что противоправность — это лишь юридическое выражение общественной опасности, ее форма¹. Это правильно в том смысле, в каком и само право рассматривается в качестве формы общественных отношений.

Однако противоправность имеет и собственную реальную основу. В классовом обществе общественные отношения регулируются нормами права. Над фактическими отношениями возвышается правовая надстройка — система правоотношений, обеспечивающая определенное поведение участников этих отношений и охраняющая их. Так, экономические отношения собственности в классовом обществе всегда опосредствованы правовыми отношениями (гражданскоправовыми: право государственной, общественной и личной собственности, государственноправовыми: охрана этого права и т. д.). Эти правоотношения являются «формой экономических и иных общественных отношений, которые отражаются в правоотношениях как их содержание»².

Противоправность и означает посягательство на систему охранительных правоотношений. Противоправным

¹ См. «Советское уголовное право, часть общая», М., 1959, стр. 125.

² С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, стр. 8. Б. С. Никифоров называет эти правоотношения «правовой оболочкой» фактических отношений (Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву).

является такое деяние, которое нарушает правовые отношения в соответствующей отрасли права, разрывает их, а тем самым создает угрозу тем фактическим общественным отношениям, ради регулирования и охраны которых существует правовая надстройка.

Правоотношение — не фикция, а одна из разновидностей общественных отношений. Поэтому и противоправность является не формальной категорией, а объективной характеристикой такого деяния, которое запрещено нормами права и, следовательно, в случае его совершения причиняет ущерб социалистическому правопорядку.

Противоправность действия (бездействия) выражается в законе по-разному. Рассмотрим три основных случая, известных советскому уголовному законодательству.

2. Прямая уголовная противоправность. Под уголовной противоправностью мы имеем в виду те случаи, когда соответствующее действие непосредственно запрещается уголовным законом независимо от того, запрещено ли оно также нормами других отраслей права. Так, ст. 14 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления определяет бандитизм как организацию «вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия, либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях». Здесь выражен безусловный уголовноправовой запрет без ссылок на какие-либо нормы других отраслей права.

Уголовная противоправность соответствующих действий обеспечивается описанием их признаков в диспозициях норм особенной части. Приемы этого описания могут быть различны. Диспозиция статьи о бандитизме, например, представляет собой так называемое «генетическое определение»¹. Часто используется другая форма: «определение через ближайший род и видовое отличие», при котором данное деяние сравнивается с более широким понятием. Иногда эти два вида сочетаются.

Определение «через ближайший род и видовое отличие» употребляется главным образом для характери-

¹ «В генетических определениях указывается такой способ образования или происхождения определяемого предмета, который принадлежит только данному предмету и никакому другому» («Логика», под ред. Д. Горского и П. Таванца, М., 1956, стр. 59).

ки квалифицированных видов преступления. Так, в ч. 1 ст. 17 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления дается родовое понятие: «уклонение от очередного призыва на действительную военную службу». Это понятие конкретизируется и приобретает видовые признаки в ч. 2 той же статьи: «То же деяние, совершенное посредством причинения себе телесного повреждения или путем симуляции болезни, посредством подлога документов или путем иного обмана», и т. д.

При подобных определениях часто используются такие выражения, как «способом», «путем», «с применением», «с использованием», «сопряженное с», «совершенное посредством» и т. д., которые характеризуют особенности способа совершения преступления.

Видовая характеристика способа совершения преступления, а также места, времени и обстановки может быть более абстрактной или более конкретной. В ст. 120 УК РСФСР 1926 года, например, был дан довольно полный конкретный перечень способов подлога документов («внесение... ложных сведений, подделка, подчистка или пометка другим числом» и т. д.). В более общей форме говорилось о способах совершения преступления в ст. 141 УК РСФСР 1926 года («жестоким обращением... или иным подобным путем»). Еще в более обобщенном виде уголовный закон говорит о действиях, образующих приготовление к преступлению и соучастие в совершении преступления (ст. ст. 15 и 17 Основ уголовного законодательства).

Различная степень обобщения имеет свои преимущества: конкретный перечень способов более доходчив, ярче подчеркивает общественную опасность данных действий; обобщенная же формулировка позволяет полнее предусмотреть все возможные способы совершения преступления, перечислить которые в законе невозможно, и тем самым избежать пробелов в диспозиции. В ряде случаев, особенно при введении новых составов преступлений, имеет преимущество такая формулировка, при которой примерный перечень действий сочетается с обобщающим термином (например, уничтожение имущества «путем поджога, затопления или каким-либо иным общеопасным способом»). Следует подчеркнуть, что тенденция нового уголовного законодательства со-

стоит в отказе от чрезмерно широких и главное неполных и примерных перечней.

Четкое описание объективной стороны преступления в уголовном законе без ссылок на другие правовые нормы относится и к ряду случаев бездействия (недосмотр о достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях, неоказание помощи капитаном судна людям, гибнущим на море, и т. д.). Обязанность действовать соответствующим образом прямо вытекает здесь из нормы уголовного закона.

Когда в уголовном законе указаны все признаки соответствующего действия, задача органов следствия и суда заключается в том, чтобы установить полное совпадение с этими признаками фактической стороны совершенных обвиняемым действий. Другими словами, следователь и суд обязаны установить, что обвиняемый совершил именно то деяние, которое предусмотрено в этом законе. Малейшее расхождение фактических данных и признаков состава, указанных в законе, свидетельствует о неправильном применении уголовноправовой нормы. Верховный Суд СССР неоднократно исправлял ошибки подобного рода.

Так, Судебная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор по делу Б. и Я., указав, что суд неправильно осудил Я. по ст. 59^{3в} УК РСФСР 1926 года. Эта статья, «хотя и предусматривает в качестве последствий несчастные случаи с людьми, вместе с тем в своей диспозиции имеет их в виду как результат таких видов нарушения трудовой дисциплины, которые связаны с несоблюдением существующих на транспорте правил движения, а также недоброкачественный ремонт подвижного состава и пути. Несчастный смертельный случай с Козловой явился результатом не этих причин, а результатом невыполнения инструкции по технике безопасности. Подобного рода преступления прямо предусмотрены ч. 3 ст. 133 УК РСФСР»¹.

Указание в уголовном законе исчерпывающих признаков соответствующего действия означает, что его общественная опасность и противоправность установлены законодателем и их нет необходимости доказывать в су-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 9.

де. Разумеется, из этого правила могут быть исключения. Именно для внесения коррективов в эту законодательную оценку применительно к конкретным случаям и существуют такие институты общей части, как крайняя необходимость, исполнение служебных обязанностей, исполнение законного приказа начальника, согласие потерпевшего и др., а также норма о малозначительности совершенного деяния (ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства).

3. Смешанная противоправность. Под смешанной противоправностью мы понимаем такие случаи, когда действие запрещается в уголовном порядке в связи с тем и постольку, поскольку оно признано противоправным нормами другой отрасли права. В этих случаях уголовный закон ссылается на какой-либо другой нормативный акт или эта отсылка подразумевается. Так, ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления карает за «нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта», установленных соответствующими ведомственными актами.

зависит от

Эта зависимость уголовной противоправности от иной вполне понятна. Социалистическое государство охраняет общественные отношения различными, и в первую очередь наименее жесткими, средствами. Лишь в случае недостаточности этих средств приходится прибегать к мерам уголовноправового воздействия. Вторая причина создания подобной конструкции состоит в том, что в условиях быстро развивающейся техники, широких и многообразных общественных отношений только подробные нормативные акты (вроде правил по технике безопасности)¹ могут предусмотреть разнообразные виды типичных общественно опасных действий и условия их совершения. Уголовный закон в состоянии дать лишь общую формулу, охватывающую все эти случаи в совокупности. Потому и возникают так называемые бланкетные нормы, являющиеся типичным примером данной группы.

¹ Так, А. Б. Сахаров отмечает, что перечень только важнейших материалов по технике безопасности и промышленной санитарии для железнодорожного транспорта включает свыше 115 нормативных актов (А. Б. Сахаров, Уголовноправовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 62).

Например, новый Уголовный кодекс Казахской ССР предусмотрел более 30 бланкетных норм, в том числе: нарушение правил эксплуатации машин, нарушение норм законодательства о труде, правил охраны труда, прав профсоюзов, ветеринарных правил, занятие запрещенными промыслами, нарушение правил безопасности работ в шахтах, нарушение ограничений торговли спиртными напитками и т. д.

Однако действия со смешанной противоправностью предусмотрены не только в бланкетных нормах. Вообще говоря, большая часть преступных действий нарушает не только уголовноправовую норму, но одновременно и нормы других отраслей права. Так, кража личной собственности граждан является нарушением по крайней мере двух норм: уголовноправовой (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.) и гражданскоправовой (ст. 58 ГК РСФСР). Поэтому многие уголовноправовые нормы, не будучи бланкетными в точном смысле этого слова, вместе с тем содержат указание на «противоправность» или «незаконность» соответствующего действия с точки зрения других отраслей права. Указание в ст. 158 УК Узбекской ССР на «незаконный арест» означает, что под данную норму уголовного кодекса подпадает не всякий арест, а лишь такой, который не предусмотрен в качестве правомерного уголовно-процессуальным кодексом и соответствующими административными актами, разрешающими применять эту меру. В данном случае слово «незаконный» является бланкетным признаком и означает «не предусмотренный нормами административного и процессуального права», т. е. противоправный в смысле этих отраслей. Этот незаконный арест признается преступлением, т. е. приобретает тем самым и уголовную противоправность. Следовательно, для правильного решения вопроса о наличии преступления в этом случае необходимо, кроме нормы уголовного закона, учитывать и другие нормативные акты.

Иногда смешанная противоправность носит скрытый характер. Например, в тексте Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» ничего не говорилось о нормах других отраслей права, однако хищение всегда определялось как противоправное изъятие (или приобрете-

ние) имущества, так как могут быть случаи правомерно-го изъятия и приобретения имущества, предусмотренные нормами гражданского, трудового, колхозного и других отраслей права¹.

Смешанная противоправность содержится в скрытом виде в ряде норм о воинских преступлениях, поскольку эти нормы предполагают нарушение требований дисциплины, предусмотренных воинскими уставами.

При применении норм со смешанной противоправностью задача следственных органов и суда состоит в том, чтобы точно установить, какое конкретное действие совершено обвиняемым, каким законом или подзаконным актом оно предусмотрено, в чем именно состоят обязанности лица. Всякое неточное, общее, приблизительное упоминание о допущенном нарушении, без указания конкретного источника, ослабляет убедительность приговора, а подчас и просто маскирует допущенное нарушение социалистической законности. Высшие судебные инстанции неоднократно исправляли подобные ошибки судебно-следственных органов.

Так, по делу Л. Верховный Суд СССР указал, что по делу «осталось не выясненным, какие конкретные обязанности были возложены на Л. по организации погрузки свеклы в вагон»². Дело было направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

По делу С. ввиду неясности вопроса о том, какие должностные инструкции и приказы Министерства путей сообщения СССР были нарушены виновным, Верховный Суд СССР предложил назначить техническую экспертизу³.

Отсутствие точного указания на нарушенный нормативный акт ведет подчас к грубым судебным ошибкам.

¹ По делу Л.—Н. Судебная коллегия Верховного Суда СССР указала, что действия Л.—Н. в части получения «северных надбавок» на основании приказов руководителя экспедиции и ответственных работников главного управления не содержат состава преступления. «Если указанные приказы и распоряжения не основаны на законе, то это обстоятельство могло лишь служить основанием для предъявления гражданского иска о взыскании неправильно выплаченных сумм» («Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 4, стр. 6).

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 1, стр. 25.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 13; № 3, стр. 22—23.

Г. и Ш. были привлечены к уголовной ответственности за то, что возвращали деньги пассажирам за неиспользованные проездные билеты без расписок и письменных заявлений. В суде обвиняемые пояснили, что они действовали в соответствии с тарифным руководством № 5, которое не предусматривало получения заявлений и расписок от пассажиров. Тем не менее они были осуждены.

Верховный Суд СССР установил, что порядок возвращения стоимости неиспользованных билетов по письменному заявлению пассажиров был введен только в 1953 году, а до этого такого порядка не существовало. Таким образом, линейный суд «вменил в вину подсудимым несоблюдение правил, которые были установлены два года спустя после того, как были произведены выплаты»¹. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления, а председательствующему в судебном заседании было указано частным определением на допущенные судом грубые нарушения законности при отправлении правосудия.

Смешанная противоправность особенно характерна для преступного бездействия. В подавляющем большинстве случаев обязанность осуществлять те или иные действия вытекает из должностного положения лица или из его профессиональных обязанностей. Поэтому в случаях преступного бездействия необходимо точно устанавливать, каким нормативным актом были предусмотрены действия, которые следовало совершить обвиняемому, т. е. установить противоправность допущенного бездействия.

Т. был осужден за то, что, являясь судоходным инспектором, не воспрепятствовал выходу теплохода № М-168 в рейс с неуккомплектованной командой, в результате чего произошла авария с человеческими жертвами.

Как видно из материалов дела, Т. находился на теплоходе в качестве пассажира, следуя к месту служебной командировки. Будучи судоходным инспектором Жиганского участка, он не имел никакого права вмешиваться в действия администрации не подконтрольного ему Якутского участка. Вышестоящий суд отменил обвинительный приговор за отсутствием в действиях Т. состава пре-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1953 г. № 6, стр. 19.

ступления. Верховный Суд СССР согласился с этим решением, указав, что «органы следствия и суд первой инстанции неосновательно поставили Т. в вину бездеятельность, за которую он мог нести уголовную ответственность... лишь при исполнении своих прямых служебных обязанностей в пределах подконтрольного ему Жиганского участка»¹. Как подчеркивается в ряде определений Верховного Суда СССР, «должностному лицу не может быть поставлено в вину невыполнение таких действий по службе, которые не входят в круг его служебных обязанностей»².

Напротив, по делу М. Верховным Судом СССР была отклонена кассационная жалоба осужденного по тем мотивам, что М. обязан был и имел возможность принять меры к надлежащей разгрузке вагонов на лесоскладе, но по своей халатности не сделал этого³.

Спорным представляется решение военного трибунала по делу С. Суть дела заключается в том, что С. родила ребенка, фактический отец которого — М., не желая воспитывать сына, задушил его через полчаса после родов в присутствии С., которая не оказывала никакого противодействия убийце, но и не помогала ему. Суд первой инстанции осудил С. за соучастие в умышленном убийстве, имея в виду, что своим бездействием она фактически оказала М. помощь. Военный трибунал второй инстанции оправдал С. за отсутствием состава преступления, полагая, что на ней не лежало никакой правовой обязанности противодействовать убийце.

Последнее решение представляется неправильным. Обязанность защищать сына вытекала для С. из ст. 41 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР, которая обязывает родителей «заботиться о несовершеннолетних детях».

В нормах со смешанной противоправностью действия, так же как и в нормах с прямой уголовной противоправностью, общественная опасность действий опре-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 6, стр. 13.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 8; № 4, стр. 16; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 5, стр. 4; «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 3, стр. 12 и др.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 23.

деленной категории уже установлена законодателем. Вместе с тем здесь наблюдается более широкое применение обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (особенно таких, как исполнение приказа начальника, крайняя необходимость), а также ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства (малозначительность деяния). В ряде подобных норм прямо предусматривается возможность применения мер общественного, административного или дисциплинарного воздействия при смягчающих обстоятельствах. Например, Закон об уголовной ответственности за воинские преступления предусматривает применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР за нарушение при смягчающих обстоятельствах правил караульной, конвойной, вахтенной, пограничной, внутренней службы, правил несения службы на радиотехнических постах и других объектах, предназначенных для предотвращения нарушений воздушного и морского пространства СССР.

4. Условная противоправность. В описанных выше случаях общественная опасность соответствующих действий такова, что законодатель имеет возможность сразу и в более или менее общей форме запретить их совершение непосредственно нормами уголовного права или путем смешанной регламентации нормами различных отраслей. Однако, как указывалось выше, опасность некоторых действий более конкретна и зависит в основном от особенностей той обстановки, в которой они производятся. Сами эти действия в обычных условиях общественно полезны и могут причинить вред лишь в сравнительно редких случаях (например, использование транспорта). Поэтому не представляется возможным провести подобную регламентацию этих действий в уголовном или каком-либо ином законе, предусмотреть их в нормах права.

В этих случаях уголовное законодательство идет по линии конструирования составов преступлений, в которых непосредственно не говорится о признаках действия, а указаны лишь признаки вредных последствий. В советском уголовном законодательстве таких норм немного, они касаются главным образом преступлений против личности и имущества. К ним можно отнести статьи уголовного кодекса об умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств, о неосторожном убийстве,

Каковы эти составы, они признаны? З. и не говорит.

о телесных повреждениях, а также о повреждении и уничтожении государственного, общественного или личного имущества граждан.

Во всех указанных нормах из признаков объективной стороны преступления прямо предусмотрены лишь признаки вредного последствия («лишение жизни человека, причинение вреда здоровью, порча или гибель имущества»). Какими действиями причиняются эти последствия? Закон ничего об этом не говорит.

Эти действия могут быть в момент их совершения противоправными (например, неосторожное убийство, совершенное часовым, обычно является результатом нарушения правил обращения с оружием, предусмотренных воинскими уставами и наставлениями).

Наоборот, правомерными эти действия не могут быть. Если вредное последствие наступило в результате действия, которое разрешено законом или иным нормативным актом, уголовная ответственность за него исключается¹.

Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что «должностное лицо не может нести ответственность за последствия, связанные с выполнением им законного распоряжения вышестоящего лица или учреждения»². По делу А. было установлено, что Д. покончила жизнь самоубийством после того, как А. привел ее к врачу с целью установления факта изнасилования. Верховный Суд СССР указал, что действия А., «связанные с организацией медицинского освидетельствования Д., не содержат состава преступления»³.

Наконец, действия, приведшие к вредным последствиям, могут быть не противоправными и не правомерными, а безразличными в момент их совершения с точки зрения норм действующего права. Однако такие действия способны иногда вызвать вредные последст-

¹ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 30. Однако автор неточно пишет о «законности» действий, в то время как правильнее говорить об их правомерности, так как могут быть действия, разрешенные подзаконными актами.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 11, стр. 33. См. также «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. IV, стр. 20 и др.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 2, стр. 10.

вия. Так, неосторожное обращение с тяжелыми предметами, с охотничьим оружием, с огнем в бытовых условиях может быть не предусмотрено никакими нормами права, а тем не менее зачастую влечет вред.

Применительно к этим действиям возникает ряд трудностей. Влекут ли подобные действия уголовную ответственность? Если влекут, то не противоречит ли это ст. ст. 3, 7 Основ уголовного законодательства, допускающим ответственность только за деяния, предусмотренные законом? Не следует ли ограничить уголовную ответственность в указанных случаях какими-либо условиями?

Некоторые авторы обходят эти вопросы, стремясь доказать, что указанные действия являются противоправными. Так, А. С. Никифоров предлагает признать эти действия противоправными в момент их совершения потому, что они уже вызвали вредные последствия¹. Однако такая оценка, обращенная в прошлое, оценка *post factum*, может означать практически признание противоправными любых действий, причем не на основании решения законодателя, а по усмотрению суда.

В. И. Кофман считает возможным оценивать в этих случаях противоправность на основании «общих принципов объективного права»². Но такое решение вопроса недостаточно конкретно.

В. Г. Макашвили, справедливо критикуя точку зрения А. С. Никифорова, со своей стороны считает, что противоправность данных действий обуславливается несоблюдением «писанных или неписанных, основанных на житейском опыте, правил»³. Развивая эту мысль, В. Г. Макашвили пишет, что в сфере бытовых отношений «следует исходить из общих принципов, на которых покоятся правила социалистического общежития»⁴.

С точки зрения содержания правил предосторожности верно, что они основаны на житейском опыте и входят в общее понятие правил общежития. Но неписанные

¹ См. А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступления, совершенные по небрежности, «Ученые записки ВИЮН», вып. I, М., 1955, стр. 166—167.

² В. И. Кофман, Соотношение вины и противоправности в гражданском праве, «Правоведение» 1957 г. № 1, стр. 68.

³ В. Г. Макашвили, Уголовная ответственность за неосторожность, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 137.

правила, нигде не зафиксированные, вряд ли могут в современных условиях признаваться нормами советского права. Думается, что такие правила житейской предосторожности все же остаются нормами морального порядка.

Однако это не означает, что нарушение этих правил предосторожности, повлекшее вредные последствия, не должно влечь уголовной ответственности. Здесь нет противоречия со ст. ст. 3 и 7 Основ уголовного законодательства, допускающими уголовную ответственность лишь за деяния, предусмотренные уголовным законом. В этих статьях речь идет о деянии в целом, о составе преступления в целом. Преступное действие — только один элемент преступления, и хотя его признаки в указанных случаях прямо не описаны в уголовном законе, но деяние в целом (неосторожное убийство, уничтожение имущества и т. д.), включая вредные последствия, объект, субъект и субъективную сторону, четко очерчено в соответствующих статьях особенной части¹. Уголовный закон не может чрезмерно детализировать описание объективной стороны преступления, и в этих случаях он ограничивается указанием на один из ее элементов — вредные последствия.

Такое решение вопроса не должно, однако, приводить к широкому толкованию указанных статей. Из числа действий, не имеющих правовой регламентации, не всякое должно в указанных случаях влечь уголовную ответственность. Она должна быть строго ограничена определенными условиями.

Характер этих условий, очевидно, зависит от того, какая объективная закономерность лежит в основе создания норм рассматриваемой категории.

Эта закономерность носит весьма общий характер. Она состоит в признании того простого факта, что вред личности или имуществу может быть причинен в зависимости от внешней обстановки самыми разнообразными действиями или бездействием. В момент своего совершения эти действия и бездействие в сложившейся

¹ Как известно, в ряде статей не предусмотрены признаки и других элементов состава, например, субъекта преступления, субъективной стороны и, особенно, объекта преступного посягательства. Однако это не является нарушением принципа «нет преступления без указания в законе», выраженного в ст. 3 Основ уголовного законодательства.

конкретной обстановке создают реальную опасность для личности или имущества.

Стало быть, привлечение к ответственности конкретного лица в рассматриваемых случаях обосновано только тогда, когда совершенное деяние представляло опасность для охраняемого законом объекта в момент совершения этого деяния.

Такое решение вопроса в теории уголовного права давно уже существует применительно к преступному бездействию. Если противоправность бездействия не вытекает из закона или подзаконного акта, ответственность за бездействие может наступать только в том случае, если данное лицо само создало опасное состояние для охраняемого законом объекта¹. Нам представляется, что такое решение должно быть распространено и на преступные действия.

В самом деле, общественная опасность является материальным основанием для признания действий определенного рода противоправными и для создания законодателем соответствующих уголовноправовых норм. В данном случае законодатель не дал правовой оценки соответствующим действиям, поручив ее суду применительно к каждому отдельному случаю. Естественно, что в основе решения суда должен лежать тот же материальный критерий, которым руководствуется и законодатель: общественная опасность совершенного действия.

При этом суд не ставит себя на место законодателя: он оценивает только данный конкретный поступок лица, а не всю совокупность действий известного рода. Если будет установлено, что это действие в момент его совершения не представляло опасности для охраняемого законом объекта, оно не может повлечь уголовной ответственности².

Отсюда следует, что в рассматриваемых случаях противоправность деяния является условной: действие (бездействие) признается противоправным лишь при условии его конкретной общественной опасности в момент совершения/в отношении того объекта, кото-

¹ См. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, стр. 28; Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 194, и другие работы.

² См. § 3 настоящей главы.

рый предусмотрен соответствующей уголовноправовой нормой.

Указанное положение пока что остается в пределах уголовноправовой теории, а также судебных решений по конкретным делам. Оно непосредственно не предусмотрено в законе. Между тем в интересах дальнейшего укрепления социалистической законности было бы целесообразно регламентировать этот вопрос в законодательном порядке. В этой связи заслуживает положительной оценки новая редакция ст. 108 УК Узбекской ССР (оставление в опасности). В отличие от редакции аналогичной статьи Уголовного кодекса Казахской ССР, упоминающей только об обязанностях виновного, ст. 108 УК Узбекской ССР предусматривает наступление уголовной ответственности за заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению, в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и либо обязан был иметь заботу об оставленном, либо сам поставил его в опасное для жизни состояние¹.

¹ Следует отметить, что законодательство некоторых социалистических государств трактует преступное бездействие несколько шире. В частности, Уголовный кодекс Болгарии в ст. 151 и Уголовный кодекс Чехословакии в § 227 предусматривают ответственность за неоказание необходимой помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, если эта помощь могла быть оказана «без опасности для себя или другого лица». Следовательно, бездействие признается преступным и в том случае, когда ему не предшествовало активное общественно опасное действие. Установление ответственности за указанные случаи было бы целесообразным и в нашем уголовном законодательстве.

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. Природа преступных последствий

1. **Понятие преступных последствий.** Каждое человеческое действие вызывает изменения в окружающей действительности. Антиобщественные свойства преступного действия (бездействия) проявляются в том, что оно влечет за собой наступление вредных последствий. В наиболее общей форме можно сказать, что эти вредные последствия состоят в разрушении общественных ценностей, дезорганизации социалистического правопорядка, причинении вреда советским людям. Преступления, совершаемые в социалистическом обществе, объективно ослабляют созидательные усилия трудящихся нашей страны, направленные на осуществление грандиозных задач построения коммунизма.

Преступные последствия разнообразны по своему характеру. Наиболее распространенным их видом является причинение материального ущерба социалистическому государству, общественным организациям и отдельным гражданам. В результате хищения, уничтожения и повреждения государственного и общественно-го имущества и личного имущества граждан, должностных злоупотреблений и халатного отношения к своим обязанностям, преступной бесхозяйственности, нарушения правил движения на железнодорожном, водном, воздушном и автомобильном транспорте, выпуска недоброкачественной продукции и ряда других преступлений причиняется большой материальный ущерб, похищается или приводится в негодность значительное количество промышленных товаров, продуктов питания, сырья, оборудования и другого имущества. Опасность этого вида

преступных последствий очевидна. «Нельзя забывать,— указывал тов. Н. С. Хрущев в отчетном докладе на XXI съезде КПСС,— что главное в строительстве коммунизма — это производство материальных ценностей для улучшения жизни людей»¹. Разрушая эти ценности, расхищая народное добро, преступники в известной мере отдаляют достижение изобилия материальных благ, являющееся одним из условий построения коммунистического общества.

Еще более тяжким является вред, причиняемый преступниками жизни и здоровью граждан. Убийства, телесные повреждения, транспортные преступления, нарушения правил техники безопасности на производстве и строительстве, хулиганство с насилием над гражданами и другие преступления вызывают человеческие жертвы, причиняют увечья, ведут к утрате трудоспособности. Если имущественный ущерб в большинстве случаев может быть возмещен, то вред жизни и здоровью граждан является по существу невозполнимым. В условиях Советского государства, проявляющего всемерную заботу о людях, указанные последствия особенно нетерпимы.

Человеческие жертвы, причинение вреда здоровью и имущественный ущерб в целом можно охарактеризовать как материальные последствия, причиняемые преступлениями социалистическому обществу — населению страны, ее производительным силам. По своей физической природе материальные последствия всегда связаны с разрушением или повреждением предметов внешнего мира.

Однако последствия, наступившие в результате преступления, не сводятся к материальному вреду. На это обращали внимание еще русские дореволюционные криминалисты². В советской литературе эту мысль наиболее полно выразил А. Н. Трайнин. «Последствиями,— писал он,— должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но и факты, относящиеся к сфере политической, психической, моральной ... Последствиями могут в одинаковой мере быть, с одной сто-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства на 1959—1965 годы, стр. 134.

² См., например, Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, часть общая, т. I, стр. 48—49.

роны, разрушенный завод, сожженный дом или смерть жертвы, а с другой — ослабление престижа власти или унижение человеческого достоинства»¹. Этот нематериальный ущерб не может быть точно подсчитан, однако он является таким же реальным, как и ущерб имущественный.

Нематериальные последствия могут быть двух видов². Во-первых, к ним относится вред, причиняемый интересам личности: унижение чести и достоинства человека, нарушение его политических, трудовых и других неимущественных прав, личной свободы и прочих охраняемых законом интересов граждан³. Во-вторых, нематериальные последствия могут наступить в сфере деятельности государственного аппарата или общественных организаций. Раскрытие социальной природы нематериальных последствий приводит к выводу о том, что они представляют собою нарушение социалистических общественных отношений.

Социалистические общественные отношения есть совокупность материальных и идеологических отношений, складывающихся между людьми — членами советского социалистического общества⁴. Они включают как эконо-

¹ А. Н. Трайнин, *Общее учение о составе преступления*, стр. 143.

² См. А. С. Михлин, *Понятие и виды последствий преступления*, «Вопросы уголовного права и процесса», М., 1958, стр. 45 и сл.

³ И. Реннеберг отмечает, что ущерб человеческой личности включает лишение жизни, телесные повреждения, причинение вреда нравственной неприкосновенности и развитию, воспрепятствование свободе принимать решения и совершать действия, а также иное воздействие на личность, отрицательно влияющее на формирование воли (см. И. Реннеберг, *Объективная сторона преступления*, стр. 36).

⁴ Б. С. Никифоров относит к сфере общественных отношений не только отношения между людьми, но и отношения между государственными учреждениями и общественными организациями (см. Б. С. Никифоров, *Объект преступления по советскому уголовному праву*, автореферат докторской диссертации, стр. 15). Однако эти отношения, хотя и существуют в действительности, есть лишь своеобразная форма отношений между людьми в обществе, так как учреждения и общественные организации сами суть институты надстроечного порядка, представляющие собою результат и форму отношений между людьми. Как справедливо указывает С. Ф. Кечекьян, «социальной реальностью» любой организации всегда являются люди и их отношения в классовом обществе (см. С. Ф. Кечекьян, *Правоотношения в социалистическом обществе*, стр. 109 и сл.).

мические, базисные отношения, так и общественные отношения надстроечного характера (деятельность государственного аппарата и общественных организаций, семейные связи, отношения людей в области идеологии, культуры, науки, просвещения и т. д.). Нарушая нормальную работу хозяйственных организаций, деятельность органов государственной власти или управления, препятствуя осуществлению правосудия и т. д., преступления причиняют серьезный ущерб интересам социалистического общества, тормозят его дальнейшее прогрессивное развитие.

Более глубокий анализ преступления как социального явления привел советских криминалистов к единодушному выводу о том, что и в тех случаях, когда преступные последствия носят материальный характер, все же в конечном счете вред причиняется общественным отношениям и их участникам¹.

В чем состоит этот вред? Очевидно, его следует рассматривать как нарушение, разрыв соответствующего общественного отношения, воспрепятствование его свободному развитию или изменение его в направлении, противоречащем его социальному назначению. Так, кража, уничтожение или повреждение чужого имущества делает невозможным осуществление права собственности на это имущество; получение взятки нарушает правильную деятельность соответствующего звена государственного аппарата; спекуляция ослабляет систему советской торговли и ведет к возрождению частнопредпринимательских отношений, в корне противоречащих принципам социализма, и т. д.

Вред, причиняемый социалистическим общественным отношениям и их участникам, может быть результатом не только преступления, но и иного антиобщественного поступка. Что же касается преступных последствий, то это — юридическое понятие, и как таковое оно имеет два специфических, юридических признака.

Первый признак состоит в том, что преступное последствие — это вред, причиненный не любым социа-

¹ См., например, А. Н. Трайнин, Учение о составе преступления, М., 1946, стр. 72—73; Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 22.

листическим общественным отношениям, а только тем из них, которые охраняются уголовным законом¹.

Советское уголовное законодательство охраняет от причинения вреда наиболее важные отношения социалистического общества, обеспечивающие осуществление принципов социализма и поступательное развитие его по пути к коммунизму. Как вытекает из ст. 7 Основ уголовного законодательства, преступление причиняет вред советскому общественному или государственному строю, социалистической собственности, личности, политическим, трудовым, имущественным и другим правам граждан, а также всему социалистическому правопорядку. Особенная часть уголовных кодексов содержит ограниченный перечень объектов посягательства — тех групп общественных отношений, которые находятся под уголовноправовой охраной. Преступное последствие может наступить лишь в области этих отношений и, следовательно, всегда представляет собою ущерб, причиненный объекту преступного посягательства.

Второй признак преступного последствия состоит в том, что им признается не любой ущерб, причиненный объекту посягательства, а только определенный ущерб, предусмотренный соответствующей уголовноправовой нормой.

Эту мысль подчеркивал Н. Д. Дурманов, указывая, что преступное последствие представляет собою «качественные изменения, которые причинены объекту посягательства...»².

Оспаривая это положение, А. Н. Трайнин³, а затем и Т. В. Церетели⁴ утверждали, что, напротив, последствие носит «относительный» характер и что вряд ли можно провести качественное различие, например, между 10 тыс. руб., находящимися в кассе до хищения, и

¹ См. Н. И. Загородников, Понятие объекта преступления в советском уголовном праве, «Труды ВЮА», вып. XIII, М., 1951, стр. 37; Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 10; А. С. Михлин, Понятие и виды последствий преступления, стр. 44.

² Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 57.

³ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 141—142.

⁴ Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 23.

9 тыс. руб., которые остались там после хищения, совершенного кассиром¹.

Очевидно, решение этого вопроса зависит от того, что понимается под качественными изменениями в объекте. Если иметь в виду физическую сторону дела, то действительно не всегда изменения во внешнем мире, причиняемые преступлением, таковы, чтобы они могли образовать новое качество. Например, при краже похищенная вещь не меняет своих физических свойств.

Однако в данном случае речь должна идти не о физических, а о социальных свойствах преступного последствия. Уменьшение суммы денег в кассе на 1 тыс. руб. есть количественное изменение с физической точки зрения, но оно представляет собой резкий качественный скачок в социальном (юридическом) смысле, так как нарушено право государственной собственности, совершено преступление². ✓

✓ Когда «относительные» физические изменения в объекте предусматриваются в уголовноправовой норме, они с социальной точки зрения приобретают четко очерченный, качественный характер и получают в ряде случаев силу общеобязательного критерия при разграничении преступного и не преступного. При этом решение, принятое законодателем, не является произвольным; в его основе лежат анализ и учет объективных закономерностей социальных явлений. ✓

Таким образом, второй признак преступного последствия состоит в том, что оно представляет собою не всякий вред, причиненный объекту посягательства, а только такой вред, который достаточно опасен с точки зрения господствующего класса и потому предусмотрен уголовноправовой нормой. Этот признак есть не что иное, как противоправность преступного последствия, его запрещенность уголовным законом.

Подводя итоги сказанному, можно определить пре-

¹ А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 142.

² Особенно наглядно это видно на примерах норм, предусматривающих уголовную ответственность лишь при наступлении четко очерченного в законе последствия. Например, согласно ст. 83 УК Казахской ССР незаконная порубка леса, если ущерб превышает 100 руб., при определенных условиях признается преступлением; если же ущерб меньше, то содеянное рассматривается как проступок.

ступное последствие как предусмотренный уголовно-правовой нормой материальный или нематериальный вред, причиненный преступным действием (бездействием) объекту посягательства — охраняемым законом социалистическим общественным отношениям и их участникам.

Попытаемся теперь более подробно проанализировать природу преступных последствий.

2. **Основные и дополнительные последствия.** Множественность последствий, причиняемых преступлением, объясняется тем, что общественные отношения, на которые посягает преступник, как и все другие явления природы и общества, находятся между собой во взаимосвязи и взаимодействии. Каждое общественное отношение теснейшим образом связано, переплетается с другими отношениями в той же и смежных областях жизни, влияет на них, порождая, изменяя или прекращая эти отношения, и испытывает с их стороны такое же воздействие. При поражении каких-либо общественных отношений неизбежно в той или иной степени страдают и другие, связанные с ними отношения. Поэтому при совершении преступления обычно причиняется ущерб по крайней мере нескольким видам смежных общественных отношений¹.

Это обстоятельство не вызывает сомнений применительно к составным преступлениям. Общеизвестно, что разбой, например, причиняет вред личности потерпевшего, а также государственной, общественной или личной собственности.

Но подобное положение, хотя это и не так очевидно, имеет место и в простых преступлениях. Хулиганство нарушает общественный порядок и вместе с тем может причинить вред достоинству, телесной неприкосновенности, здоровью граждан, а нередко — праву собственности и другим охраняемым законом интересам. Массу

¹ Б. Выбирал указывает, что преступное посягательство против одного общественного отношения (или комплекса общественных отношений) одновременно ведет к нарушению других общественных отношений (или других комплексов общественных отношений), которые с ним связаны (см. B. V y b i r a l, Pojema vyznam objektu trestneho činu v Československém socialistickém trestním právu. Praha, 1956, s. 138).

разнообразных последствий могут вызвать должностное, хозяйственное, воинское, транспортное и другие преступления¹.

Если с этой точки зрения проанализировать различные преступления, предусмотренные уголовным законодательством, то мы увидим, что почти каждое из них вызывает несколько вредных последствий, причиняет ущерб нескольким общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Однако эти последствия не являются равноценными. Среди них можно выделить основные последствия и дополнительные.

Основными последствиями следует считать те, именно для предотвращения которых установлена данная уголовно-правовая норма. В составных преступлениях оба (или несколько) последствия будут основными. Например, норма об уголовной ответственности за разбой установлена для охраны как личности, так и имущества граждан.

В простых преступлениях основным, как правило, является одно последствие. При этом правильное определение такого последствия нередко достигается лишь в результате научного уяснения смысла закона. Так, перечисляя вредные последствия преступного нарушения правил по технике безопасности, А. Б. Сахаров правильно пишет, что это преступление «нарушает социалистическую организацию хозяйства, срывает нормальный ход производственного процесса, ведет к простоям и т. п., а иногда причиняет и крупный материальный ущерб государству. Однако наиболее существенным, определяющим для данного преступления признаком является его направленность против важнейших благ и интересов самого участника социалистического производства — его жизни, здоровья, трудоспособности»².

¹ Весьма обстоятельно характеризует комплекс общественных отношений, нарушаемых при преступной бесхозяйственности, Т. Л. Сергеева. Она указывает, что это преступление нарушает правильную деятельность хозяйственной организации, причиняет вред социалистическим отношениям собственности, социалистической системе хозяйства и т. д. (Т. Л. Сергеева, Советское уголовное право в борьбе с бесхозяйственностью и расточительством, М., 1955, стр. 49—53).

² А. Б. Сахаров, Уголовно-правовая охрана условий труда в СССР, стр. 41.

В данном случае основным последствием, ради предотвращения которого издана указанная норма, является вред личности трудящегося. Остальные отмеченные А. Б. Сахаровым последствия являются дополнительными.

Вред, причиненный жизни и здоровью граждан, является, с нашей точки зрения, основным последствием таких преступлений, как нарушение правил строительных работ, нарушение правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ, нарушение правил по борьбе с эпидемиями, неоказание помощи больному и др.

Основное последствие (или возможность его наступления), всегда является элементом состава преступления. Если оно не наступило (или в зависимости от конструкции состава не могло наступить), уголовная ответственность за оконченное преступление исключается.

Следует отметить, что в некоторых случаях основные последствия носят альтернативный характер¹. Так, злоупотребление властью или служебным положением, в качестве преступного последствия может включать существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Дополнительные последствия наступают не во всех случаях. Основным последствием хулиганства является нарушение общественного порядка. Однако, кроме того, оно может быть сопряжено с легкими телесными повреждениями. Это — дополнительное последствие.

Причинение вреда здоровью и телесной неприкосновенности граждан может быть дополнительным последствием многих преступлений: диверсии, бандитизма, сопротивления представителю власти, изнасилования и др. По общему правилу, дополнительные последствия не могут быть более тяжкими, чем основные, ибо иначе они выходят за рамки данной уголовноправовой нормы.

В чем состоит значение дополнительных последствий? Прежде всего они учитываются при создании уголовноправовой нормы.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 109—110.

Например, устанавливая ответственность за хулиганство, оценивая степень его общественной опасности, законодатель не может не учитывать, что нарушение общественного порядка при этом преступлении в подавляющем большинстве случаев связано с нанесением оскорблений, побоев гражданам, повреждением имущества и другими вредными последствиями. Именно с учетом таких обстоятельств хулиганство признается общественно опасным, уголовно наказуемым, и за его совершение устанавливается определенная санкция.

Возьмем другой пример. Если проанализировать вредные последствия спекуляции, то мы найдем, что в результате ее нарушается плановость социалистического распределения, создается нехватка товаров широкого потребления и страдает система торговли; авторитет советской торговли в глазах трудящихся ослабляется; спекулянтами вздуваются цены, что отражается на интересах граждан; наконец, спекуляция вносит в общество противоречащий социалистическому строю дух наживы, корысти и частного предпринимательства, который может повести к попыткам возрождения частнособственнических интересов и отношений. Предусматривая уголовную ответственность за спекуляцию и устанавливая высокую санкцию за это преступление, законодатель имеет в виду все перечисленные вредные последствия.

Это не означает, что среди указанных последствий нельзя выделить главного, основного. Напротив, такое выделение в большинстве случаев возможно и является необходимым для правильной политической и юридической оценки преступления. Так, основным последствием спекуляции признается нарушение интересов советской торговли, и это определяет отнесение данного преступления к группе преступлений против социалистического хозяйства.

Являются ли дополнительные последствия элементом состава преступления? Да, но с существенной оговоркой. Дополнительные последствия есть факультативный элемент состава: если они наступили, они будут являться элементом состава, если же их в данном случае не было, то уголовная ответственность не исключается, поскольку наступили основные последствия (или в зависимости от конструкции нормы могли наступить)

В чем же состоит практическое значение дополнительных последствий?

Во-первых, в том, что если эти последствия имели место, то они не требуют дополнительной квалификации, поскольку признаются элементом данного состава преступления. Это имеет весьма важное значение при решении вопроса о совокупности преступлений.

Как известно, идеальная совокупность преступлений¹ отличается от единого (единичного) преступления тем, что преступные последствия при ней не охватываются одной уголовноправовой нормой. Следовательно, если мы устанавливаем, что весь комплекс наступивших последствий подпадает под одну уголовноправовую норму, то идеальной совокупности преступлений не будет; налицо единичное преступление.

Например, сопротивление лицу, исполняющему обязанности по военной службе, при котором потерпевшему были нанесены побои или причинены легкие телесные повреждения, нет необходимости квалифицировать по двум статьям; это единое преступление, предусмотренное п. «а» ст. 4 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления. Причинение боли и нанесение легких телесных повреждений являются здесь дополнительными последствиями, которые охватываются указанной нормой.

Таким же образом при хулиганстве, связанном с посягательством на здоровье и личное достоинство граждан, следует применять только одну статью о хулиганстве, если дополнительные последствия не выходят за ее рамки.

По делу С. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что нанесенные потерпевшему Ф. повреждения «охватываются ст. 74 УК РСФСР (хулиганство.— В. К.) и квалифицировать их по совокупности еще и по ч. 2 ст. 143 УК РСФСР (легкие телесные повреждения.— В. К.) оснований не было»².

Если бы, однако, нанесенные повреждения являлись тяжкими, то содеянное следовало бы квалифицировать

¹ При идеальной совокупности одними и теми же действиями выполняются два или более составов преступления. Например, часовой на посту похищает охраняемое им имущество.

² «Советская юстиция» 1959 г. № 10, стр. 58.

по совокупности статей о хулиганстве и тяжких телесных повреждениях, ибо такие последствия ст. 74 не охватываются.

Во-вторых, наступление или отсутствие дополнительных последствий имеет значение при определении меры наказания. Если, например, бандитское нападение в одном случае повлекло гибель людей или тяжкие телесные повреждения, а в другом случае таких последствий не было, то, несмотря на одинаковую квалификацию, эта разница не может не учитываться наряду с другими обстоятельствами при решении вопроса о степени ответственности виновных.

Деление последствий на основные и дополнительные является относительным и имеет смысл лишь в пределах каждой конкретной уголовноправовой нормы. Более того, если определенное последствие предусмотрено в квалифицированном виде данной нормы, оно для этого вида становится основным. Такой случай имеет место в ст. 122 УК Узбекской ССР, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества. Вторая часть этой статьи в качестве преступных последствий указывает на «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Таким образом, основным последствием, ради предотвращения которого создана данная часть статьи, является не только имущественный ущерб, но и вред жизни и здоровью граждан (хотя указанная статья и помещена в главе о преступлениях против социалистической собственности)¹.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении дополнительных последствий с объектом преступного посягательства. Являются ли они согласно данному

¹ Вопрос о комплексном характере преступных последствий не нашел еще подробной разработки в нашей литературе. По этому вопросу высказывался М. А. Гельфер в статье «Некоторые вопросы общего учения об объекте преступления в советском уголовном праве», «Ученые записки ВЮЗИ», вып. 7, М., 1959, стр. 45. Н. Ф. Кузнецова, признавая по существу комплексный характер последствий, объединяет их условным понятием «единого ущерба», который в целом является элементом состава соответствующего преступления (Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 19, 79, 117, 124, 136—137, 142 и др.).

выше определению «вредом, причиненным объекту преступного посягательства»?

Нам представляется, что на этот вопрос следует ответить положительно. Важно лишь правильно установить объект данного преступления. Если бы, например, мы считали объектом нарушения правил движения на железнодорожном транспорте только «порядок несения службы на транспорте»¹, то, конечно, было бы совершенно непонятно, каким образом такие последствия этого преступления, как несчастные случаи с людьми, повреждение имущества и т. д., можно признавать элементами указанного состава.

Когда же под объектом данного преступления правильно понимается нормальная работа транспорта, т. е. «бесперебойность, ритмичность, плановость и т. д., а также безопасность работы, в особенности, в сфере движения и перевозок», при которой обеспечивается неприкосновенность жизни и здоровья граждан и гарантируется сохранность государственного, общественного и личного имущества², то отнесение упомянутых последствий к числу элементов состава не может вызвать никаких сомнений. При этом сложный, комплексный характер преступных последствий получает правильное объяснение в сложности самого объекта преступного посягательства³.

Можно считать в объекте

3. Структура преступного последствия. Рассмотрим теперь подробнее, в чем заключается вред, причиняемый объекту преступного посягательства.

Так как преступное последствие представляет собою общественно вредное изменение в объекте, то его структура зависит от структуры самого объекта — социальных общественных отношений.

Общественное отношение может выражаться в двух формах: либо в форме общественной связи, позиции по отношению к другим людям (ее можно раскрыть как

¹ См. М. А. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Союза ССР, автореферат кандидатской диссертации, М., 1949, стр. 13.

² См. С. А. Домакин, Ответственность за преступления на автотранспорте, М., 1956, стр. 6—7; Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, Л., 1957, стр. 54.

³ См. Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 31 и др.

возможность или общественную необходимость определенного поведения), либо в форме фактического поведения, практической деятельности людей.

Анализируя объект должностных преступлений, Б. С. Никифоров указывает, что они посягают на обеспеченную условиями жизни в социалистическом государстве и советскими законами возможность государственного аппарата правильно, эффективно работать: «...всякое должностное преступление затрудняет реализацию указанной возможности»¹. Аналогичным образом в различных сферах жизни социалистического общества имеются общественные отношения, выражающие и обеспечивающие гражданам «возможности жить, пользоваться здоровьем...»², государственным и общественным организациям — «возможности использовать имущество в соответствии с его народнохозяйственным назначением и планом» и т. д.³.

Однако общественное отношение — это не только возможность определенного поведения, но и прежде всего — это фактическое поведение, практическая деятельность людей. «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, — писал В. И. Ленин, — тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения»⁴. И далее, говоря о том, как реальные личности творят историю, В. И. Ленин пишет: «...У них уже «помыслы и чувства» выразились в действиях, создали определенные общественные отношения., исследуя *действительные* общественные отношения и их *действительное* развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей»⁵.

Общественное отношение, выражаясь в действиях или определенном положении людей по отношению друг к другу и обществу в целом, иногда имеет материальные предпосылки (условия) своего существования и может быть закреплено в определенных материальных формах. Такими предпосылками (условиями) являются,

¹ Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 35.

² Там же, стр. 12.

³ Там же, стр. 13.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 385.

⁵ Там же, стр. 388.

например, вещи. Это качество вещей отмечалось в гражданско-правовой литературе¹. Уничтожение, изменение или устранение вещей из сферы конкретных общественных отношений может нарушить эти отношения или полностью их прекратить (например, кража имущества нарушает отношения собственности).

Материальной формой закрепления соответствующих общественных отношений являются деньги, документы, печати и тому подобные предметы, которые удостоверяют наличие определенных отношений.

Все эти предметы и вещи принято именовать предметами преступлений.

В ряде случаев условиями и предпосылками существования определенных общественных отношений служат другие общественные отношения, без наличия которых первые не могут беспрепятственно развиваться (например, неприкосновенность личности есть необходимая предпосылка для того, чтобы граждане активно участвовали в общественной жизни, пользовались политическими, трудовыми, имущественными и другими правами).

Таким образом, интересующие нас общественные отношения, которые могут явиться объектом преступного посягательства, существуют не изолированно, а в составе целого комплекса связанных между собою предпосылок, условий и форм, находящихся в тесной и в большинстве случаев необходимой взаимосвязи.

Наконец, следует указать и на правовую сторону этого вопроса. Как отмечалось выше, для регулирования и охраны фактических отношений устанавливаются правовые отношения, обеспечивающие определенное поведение их участников. Образно говоря, вокруг конкретных общественных отношений² складывается некая «правовая оболочка», состоящая обычно из системы правоотношений одной или нескольких отраслей права.

¹ О. С. Иоффе писал о том, что вещи и их экономические свойства, не являясь объектами прав, вместе с тем «обуславливают либо единственно-возможную форму, либо границы выбора между различными формами поведения людей, как участников отношений, регулируемых гражданским правом» (О. С. Иоффе, Правоотношения по советскому гражданскому праву, Л., 1949, стр. 92).

² В отличие от правоотношений их можно именовать «фактическими отношениями», имея в виду условность этого термина.

Иногда забывают о существовании этой правовой оболочки, что ведет к недооценке противоправности как признака посягательства на социалистические общественные отношения¹, или, что более распространено, фиксируют внимание только на этой правовой оболочке, не анализируя скрытых за ней фактических общественных отношений, представляющих основное ядро объекта преступного посягательства².

Между тем объект преступления охватывает как реальные (фактически) общественные отношения, так и их правовую форму или оболочку. При этом главным и основным его элементом (ядром) является то общественное отношение, ради охраны которого установлена данная уголовноправовая норма. Помимо этого отношения, объект включает в себя различные вспомогательные общественные отношения, а также материальные формы и условия своего существования, которые неизбежно страдают при посягательстве на указанное основное отношение³.

¹ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, «Сознание действующего лица не должно охватывать вопроса о том или ином регулировании явлений жизни нормами права. Это лежит за рамками, интересующими советское уголовное право...» (там же, стр. 36).

² Так, например, Н. И. Загородников считает объектом преступлений против жизни и здоровья не саму личность, а только «совокупность известных общественных отношений, относящихся к охране личностей...» («Понятие объекта преступления в советском уголовном праве», стр. 42 (разрядка моя.—В. К.). Аналогично мнение Г. А. Кригера в статье «К вопросу о понятии объекта преступления в советском уголовном праве», «Вестник МГУ» 1955 г. № 61, стр. 122.

³ В этом смысле следует согласиться с Б. С. Никифоровым, что «при более глубоком исследовании объекта именно как общественного отношения проблема предмета преступления по сути дела снимается. При таком исследовании обнаруживается, что то, что в настоящее время принято именовать предметом, соотносится с объектом не как части не названного единства, расположенные внешне по отношению друг к другу, а как составная часть целого — с самим целым, которое помимо «предмета» включает в себя и другие элементы» (Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, стр. 18). Б. Выбирал, высказывая в общем такое же мнение, подчеркивает, что тем не менее нельзя предмет посягательства смешивать с объектом как целым. Предмет, в частности, не может служить разграничению преступлений,

С вопросом о структуре объекта преступного посягательства, которая, как видно, является достаточно сложной, не следует смешивать подчиненного вопроса — о названии, обозначении объекта конкретных преступлений в особенной части уголовного права. Это название в силу своей краткости не может в большинстве случаев полностью отражать содержание всего комплекса нарушаемых преступлением отношений. Да в этом и нет необходимости. В наименовании объекта важно указать на то главное общественное отношение, ради охраны которого установлена данная уголовноправовая норма. Поэтому, например, когда указывают, что объектом хищения государственного имущества является социалистическая собственность¹, то такая формулировка является вполне достаточной, хотя в ней ничего не сказано о нарушении права собственности, а также о предмете данного преступления. Напротив, обозначение объекта через его второстепенные стороны и условия существования не дает достаточной возможности правильно вскрыть социальное существо и юридическую природу соответствующего преступления².

Иногда, однако, сформулировать в кратком наименовании объекта те реальные отношения, ради охраны которых установлена данная норма, затруднительно. Так, раскрывая объект разглашения государственной тайны, следовало бы указать, что при этом преступлении страдают или могут пострадать разнообразные общественные отношения в сфере организации обороны страны от внешнего нападения; может быть нарушена

так как одинаковый предмет может быть элементом разных общественных отношений (Pojema vyznam objektu trestneho činu v Československem socialistickem trestnim, s. 33).

¹ См., например, Т. Л. Сергеева, Уголовноправовая охрана социалистической собственности в СССР, стр. 15.

² Так, М. П. Михайлов, начав с правильной предпосылки о том, что общественные отношения собственности не могут существовать независимо от материальных вещей, имущества, затем приходит к резкому противопоставлению этих явлений и утверждает: «Не собственность и не право на имущество, и даже не само имущество вообще, а личное имущество советских граждан — вот непосредственный объект преступления при краже» (М. П. Михайлов, Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой, стр. 43). При этом под имуществом автор понимает «только совокупность материальных вещей (предметов) внешнего мира» (там же, стр. 45—46), чем усугубляет свою ошибку.

внешняя безопасность СССР, ослаблена оборонная промышленность, боевая мощь Советской Армии и Военно-Морского Флота; в конечном счете могут пострадать политические и экономические основы советского государственного и общественного строя¹. Однако в учебниках по особенной части уголовного права в методических целях все это обыкновенно кратко обозначается как «интересы обороны СССР»², и этого определения достаточно, хотя, строго говоря, понятие «интерес» не совпадает с понятием «общественное отношение» и носит отчасти субъективный характер³.

Сказанное дает возможность сделать вывод, что общественно опасное деяние может нарушать общественное отношение:

а) непосредственно, т. е. путем воспрепятствования тем действиям, в которых оно выражается (например, при сопротивлении представителям власти во время исполнения ими возложенных на них обязанностей), или

б) опосредствованно, путем воздействия на следующие его элементы, формы или условия существования:

— на субъекта соответствующего общественного отношения (угроза начальнику в связи с его служебной деятельностью; насилие над должностными лицами или общественными работниками);

¹ В. Д. Меньшагин указывает, что преступления против обороны СССР могут посягать на: 1) интересы комплектования Вооруженных Сил СССР, 2) интересы технического и хозяйственного обеспечения Вооруженных Сил СССР, 3) интересы оборонной промышленности и оборонного строительства, 4) интересы общественной безопасности тыла Советской Армии, 5) сохранность государственной тайны и 6) неприкосновенность государственных границ (см. В. Д. Меньшагин, Преступления против обороны СССР, автореферат докторской диссертации, М., 1951, стр. 27).

² См. В. Д. Меньшагин, Преступления против обороны СССР, учебное пособие для слушателей ВЮА, М., 1946, стр. 5 и 114; «Советское уголовное право, особенная часть», М., 1958, стр. 371 и др. Однако неверно ограничивается внешней стороной объекта этого преступления Х. М. Ахметшин, который считает непосредственным объектом разглашения государственной тайны только «порядок хранения сведений, составляющих государственную тайну, соблюдение которого обеспечивает сохранность этих сведений в тайне» («Воинские преступления», М., 1956, стр. 173).

³ «Интерес составляет цель субъективного права, но не может быть его сущностью», — отмечает С. Ф. Кечекьян («Правоотношения в социалистическом обществе», стр. 52).

— на материальные предметы (кража, уничтожение государственного имущества);

— на материальную форму закрепления соответствующих отношений (подделка денег и документов);

в) особый вид нарушения общественного отношения имеется в том случае, когда это нарушение совершает сам субъект данного отношения. При этом лицо исключает или пытается исключить себя как субъекта из данного общественного отношения и тем самым разрывает его (например, при дезертирстве) или же, оставаясь его субъектом, не совершает тех действий, которые являются общественно необходимыми (при бездействии власти), либо, наконец, незаконно видоизменяет те общественные отношения, в которых оно состоит, пытаясь придать им противоречащий социалистическому правопорядку характер (в случае ростовщичества, продажи квартир и комнат, получения взятки и пр.).

При этом всегда нарушаются и те административные, гражданскоправовые, финансовые и другие конкретные правовые отношения, в которых состоит данное лицо.

Теперь можно сделать вывод и о структуре преступного последствия. Нетрудно видеть, что преступное последствие имеет сложный характер и включает как минимум следующие элементы:

1) нарушение того фактического общественного отношения, ради охраны которого установлена данная уголовноправовая норма (например, при хищении — нарушение экономических отношений собственности, при неповиновении начальнику — ослабление боеспособности войск), либо материальный или моральный вред участнику этого отношения (например, при убийстве — лишение жизни);

2) нарушение соответствующих правовых отношений, которые установлены для охраны данного блага (при хищении — нарушение права собственности, при неповиновении — нарушение порядка воинской подчиненности, при убийстве — нарушение правовых отношений, обеспечивающих неприкосновенность личности).

Этот второй элемент всегда имеет место, так как именно через правовую форму производится нарушение охраняемого блага. Однако главным и определяющим

является первый элемент, ибо ради его охраны существует уголовное законодательство.

По делу Ч. доказан факт утери обвиняемым 93 тыс. штук автобусных билетов. Таким образом, был нарушен порядок обращения с государственным имуществом и произошло противоправное воздействие на предмет преступления. Однако было установлено также, что утерянными билетами никто не воспользовался. Верховный Суд СССР указал, что, поскольку фактически действиями Ч. «не причинено ущерба ни государству, ни частным лицам, не было оснований привлекать его по этому делу к уголовной ответственности, а следовало ограничиться мерами дисциплинарного воздействия»¹.

В преступлениях, которые совершаются путем воздействия на материальные предметы (формы, условия или предпосылки существования общественных отношений), преступное последствие может включать и третий, материальный элемент. Так, при преступном повреждении или уничтожении государственного имущества не только нарушаются экономические отношения собственности и опосредствующие их правовые отношения, но также подвергается вредным изменениям предмет преступления — материальная вещь².

Материальный элемент также не является определяющим. Именно этим объясняется то обстоятельство, отмеченное многими авторами, что причинение вреда предмету преступления еще не дает полных данных для решения вопроса об объекте преступного посягательства³. Основным ядром объекта преступления являются фактические общественные отношения между людьми, и если они не нарушены и не могли быть в данном случае нарушены, то содеянное лишь формально является преступлением.

4. Преступные последствия и уголовная ответственность. Из сложной структуры объекта вытекает, что

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 12.

² Отсюда видно в частности, что разница между материальными и нематериальными последствиями непосредственно обусловлена структурой объектов преступных посягательств.

³ «Изменения в предмете нас интересуют лишь как доказательство общественно вредных изменений в объектах», — правильно пишет Н. Ф. Кузнецова («Значение преступных последствий для уголовной ответственности», стр. 83).

в качестве элемента состава преступления в одних случаях выступает фактическое вредное последствие, а в других — возможность его наступления.

Каждое преступление посягает на охраняемый законом объект. Однако, как правильно указывается рядом авторов, посягательство на объект может быть двояким: это или «причинение конкретного вреда охраняемому правому объекту, или поставление его в опасность причинения вреда»¹. Другими словами, все преступления можно разделить на такие, которые фактически причиняют преступные последствия, и такие, которые создают реальную возможность их наступления.

К первым относятся: убийство, телесные повреждения, изнасилование, кража, спекуляция, обман покупателей, потрава посевов, злоупотребление властью или служебным положением, халатность, хулиганство, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, неповиновение начальнику, дезертирство и тому подобные преступления.

Ко второй группе относятся: оставление в опасном для жизни состоянии, неоказание помощи больному, нарушение правил охраны труда, подделка документов, понуждение свидетеля к даче ложных показаний, разглашение государственной тайны и утрата документов, содержащих государственную тайну, недонесение о преступлениях, угроза убийством, нарушение правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ, незаконное врачевание, изготовление ядов и наркотиков, нарушение правил караульной службы и другие преступления.

Не вызывает никаких сомнений, что любое из преступлений второй группы может повлечь преступное последствие. Если бы оно не было возможно, то сами подобные действия не признавались бы общественно опасными и преступными. Но возможность не есть действительность. Когда мы переходим к анализу, например, конкретных случаев нарушения правил хранения ядовитых или взрывчатых веществ, мы видим, что вовсе не каждый подобный случай фактически оканчивается причинением ущерба. Вредные последствия наступают

¹ Т. Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, М.—Л., 1949, стр. 29. См. также А. С. Михлин, Понятие и виды последствий преступления, стр. 32 и сл.

не во всех случаях незаконного аборта или незаконного врачевания, не при любом нарушении правил производства строительных работ, правил несения караульной службы и т. д. Таким образом, не каждое конкретное преступление, совершенное в реальной действительности, фактически влечет наступление преступных последствий; но каждое деяние, предусмотренное уголовным законом, способно повлечь этот вред. Элементом составов второй группы и является не фактическое вредное последствие, а только возможность его наступления. Следовательно, уголовная ответственность может наступить в соответствующих случаях при отсутствии фактических преступных последствий.

Против такого решения высказывается только одно возражение. Некоторые считают, что если, например, от нарушения правил хранения взрывчатых веществ и не возник взрыв, то все же вредное последствие при всех условиях было налицо, а именно: был нарушен социалистический правопорядок. Так, Н. Ф. Кузнецова рассуждает подобным образом применительно к незаконному хранению ядовитых веществ: «Ущерб незаконного хранения ядов носит нематериальный характер и заключается в нарушении установленной в СССР системы обращения с ядами...»¹.

Но это возражение неубедительно. Конечно, всякое незаконное хранение ядовитых и сильнодействующих веществ причиняет известный вред, а именно — нарушает правовые отношения, регулирующие порядок хранения этих веществ, установленные в целях охраны жизни и здоровья граждан. Но нарушение этих отношений — только один элемент вредного последствия, причем элемент не главный. Реальным вредом от незаконного хранения ядовитых веществ будет их использование кем-либо, отравление, смерть человека. Именно ради того, чтобы не допустить этих вредных последствий, и создана соответствующая норма.

Противоположная точка зрения по существу ведет к сглаживанию разницы между случаями, когда причинен реальный ущерб интересам граждан, государственных и общественных организаций, и случаями, когда

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 146

такой ущерб не наступил, хотя и мог наступить. Безусловно, нарушение правоохранительных норм, правопорядка тоже существенно, однако не следует забывать о том, что все же правопорядок выполняет служебную роль, его соблюдение является не самоцелью, а лишь средством охраны, регулирования и развития фактических общественных отношений.

Две указанные разновидности: фактический ущерб и реальная возможность его наступления — исчерпывают все возможные случаи преступных посягательств¹. Советскому уголовному законодательству неизвестны и не могут быть свойственны нормы, которые устанавливали бы ответственность за «простое непослушание воле законодателя» и запрещали бы такие деяния, которые являются, по выражению Н. Д. Сергеевского, «фиктивно вредными и фиктивно опасными»². Если деяние не причиняет и не может причинить реального вреда социалистическим общественным отношениям и их участникам, оно не является преступлением. Это положение имеет важное политическое и юридическое значение.

Выше уже подчеркивалось, что в качестве преступления советский законодатель рассматривает не образ мыслей, не «опасное состояние» личности, а конкретное действие или бездействие.

Однако для характеристики института уголовной ответственности недостаточно ограничиться этим положением. Многие представители буржуазной науки уголовного права формально признают конкретное деяние одним из условий наступления уголовной ответственности. Однако это деяние они в соответствии со своими реакционными политико-юридическими взглядами считают лишь доказательством отрицательных качеств лица, поскольку им нарушена воля законодателя, выраженная в уголовноправовой норме. Следовательно, во главу угла ставится не объективная вредность того или иного деяния для интересов общества, а «непослушание воле законодателя» как своеобразное проявление «опас-

¹ С этим вопросом не следует смешивать вопрос о «материальных» и «формальных» преступлениях. Как мы увидим ниже, «формальные» преступления также либо причиняют реальный ущерб, либо создают возможность его наступления.

² См. Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право, СПб., 1905, стр. 50.

ного состояния» личности, которое и служит при этом действительным основанием применения репрессии.

Вполне понятно, что при таком подходе к вопросу об основаниях ответственности преступные последствия теряют реальное значение. Большинство буржуазных теоретиков вовсе не исследуют вопроса о преступных последствиях¹. Да и уголовные кодексы многих капиталистических государств построены таким образом, что указания на вредные последствия в нормах особенной части, как правило, не содержатся².

Это положение становится тем более понятным, если учесть, что анализ преступного последствия тесно связан с характеристикой классовой сущности преступления, поскольку он раскрывает систему общественных отношений, отвечающую интересам господствующего класса и охраняемую уголовным законом.

Советское уголовное законодательство, как и советская уголовноправовая теория, решает вопрос о значении преступных последствий с совершенно противоположных классовых позиций. Опасным с точки зрения социалистического общества является только такое деяние, которое причиняет или может причинить реальный вред социалистическим общественным отношениям и их участникам. В преступном последствии на деле реализуется та общественная опасность действия (бездействия), из-за которой оно и было запрещено уголовным законом. Как справедливо пишет Н. Ф. Кузнецова, «раскрыть общественную опасность преступления — это значит в первую очередь и главным образом показать, какой вред для социалистического общества несет с собой данное преступление.., сколь отрицательно влияет, тормозит, подрывает выполнение тех или иных политических и хозяйственных задач, поставленных партией и правительством, совершенное лицом преступление»³.

¹ См., например, G. Clark, *Outlines of American Law*, New York, 1947.

² Характерно, что из 51 статьи особенной части Единого кодекса военной юстиции США 1952 года (*Uniform Code of Military Justice*) ни одна не предусматривает вредных последствий в качестве квалифицирующего признака или отягчающего обстоятельства. Почти все статьи построены по типу «усеченных» и «формальных» составов.

³ Н. Ф. Кузнецова, *Значение преступных последствий для уголовной ответственности*, стр. 28.

По всем этим причинам советское уголовное законодательство признает фактическое наступление вредных последствий или реальную возможность их наступления неотъемлемым признаком всех составов преступлений¹.

Как будет показано ниже, значение преступных последствий при построении законодательства, а также при решении конкретных уголовных дел в последние годы неуклонно возрастает. По-видимому, на фоне этой тенденции в нашей литературе появились высказывания, связанные с некоторой переоценкой преступных последствий.

Так, Н. Ф. Кузнецова считает, что фактическое наступление вредных последствий является неотъемлемым признаком всех без исключения преступлений и в связи с этим предлагает и само преступление определять «не как действие или бездействие..., а как общественно опасное посягательство на социалистические общественные отношения»² как «причинение преступного ущерба социалистическим общественным отношениям»³.

В этих формулировках правильно то, что преступление не исчерпывается совершенным действием, а продолжается, как правило, и далее, включая нарушение охраняемого законом объекта. Но при этом упускается из виду, что все же главным и решающим звеном в этой цепи остается именно действие (бездействие) лица, его поведение, а не тот объективный ущерб, который причинен этим поведением. Признание основанием уголовной ответственности причиненного вреда не соответствовало бы самой ее природе, ибо цель уголовной ответственности состоит в исправлении и перевоспитании виновного (и воздействии на других членов общества), а эту цель достигнуть можно лишь тогда, когда ответственность наступает в связи с поведением человека и в меру этого поведения.

Вот почему в основе определения преступления должно лежать указание на действие или бездействие,

¹ Такой же точки зрения придерживаются и многие криминалисты зарубежных социалистических государств. См., например, F. Poláček, Skutkova podstata trestneho, činu Bratislava, 1957, s. 108.

² Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 49.

³ Там же, стр. 147.

совершенное виновным. Этот вопрос совершенно правильно разрешен в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, признающих преступлением предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на социалистические общественные отношения.

Возрастание роли последствия в составе преступления, наблюдаемое в последнее время, не следует, с нашей точки зрения, понимать как одновременное умаление значения действия (бездействия). Напротив, его следует рассматривать как создание условий для более глубокого и всестороннего учета качеств самого совершенного действия (бездействия), определения его фактической вредности для охраняемых законом объектов, потому что общественная опасность действия именно и находит свое конкретное воплощение в наступивших преступных последствиях, в характере и тяжести вызванного им вреда.

§ 2. Фактическое наступление преступных последствий

1. «Формальные» и «материальные» преступления.

Понятие «формальных» и «материальных» преступлений относится не к вопросу о том, наступают или не наступают вредные последствия, и не к конструкции составов преступлений¹, а только к построению диспозиции уголовноправовой нормы.

Как отмечено выше, состав преступления с точки зрения особенностей отражения в нем преступных последствий может иметь только две разновидности: признаком состава является либо фактическое наступление преступного последствия, либо возможность его наступления.

Однако если мы рассмотрим и те, и другие случаи, то увидим, что не всегда фактическое наступление или возможность наступления вредных последствий находит отражение в диспозиции уголовноправовой нормы.

¹ Мнение о том, что эти понятия относятся к составу преступления (его придерживался ранее и автор настоящей работы), основано на смешении состава преступления и диспозиции уголовноправовой нормы.

Например, и тяжкое телесное повреждение, и кража, и изнасилование всегда связаны с фактическим наступлением вредных последствий. Но в статье о тяжком телесном повреждении характер преступных последствий прямо указан, и они должны быть установлены судом, в статье о краже характер и степень тяжести последствий прямо не указаны, хотя они также должны быть установлены в соответствии с общим понятием хищения, включающим наступление материального ущерба, а в статье об изнасиловании вредные последствия подразумеваются и судом не должны специально выясняться, так как имеется в виду, что характер совершенных виновным действий уже сам по себе свидетельствует о наступлении вреда.

Таким образом, законодатель конструирует уголовно-правовую норму по-разному и иногда сам оценивает характер и тяжесть наступающих вредных последствий, не возлагая этой обязанности на судебно-прокурорские органы. В этих случаях и образуются так называемые формальные преступления.

Различное построение диспозиций основывается на объективных свойствах соответствующих деяний. В основе конструкций «формальных» преступлений, причиняющих фактический ущерб, лежат главным образом случаи, когда последствие наступает неизбежно, одновременно с совершением соответствующего действия (например, оскорбление, привлечение к уголовной ответственности невиновного, изнасилование, дезертирство). Обычно это последствие носит нематериальный характер, и его установление было бы на практике сопряжено с неустранимыми трудностями. Однако оно фактически есть, и то обстоятельство, что диспозиция не содержит никаких признаков вредного последствия, также не свидетельствует о его отсутствии, как не свидетельствует об отсутствии объекта преступления тот факт, что обычно объект не упоминается в уголовно-правовых нормах¹.

¹ См. А. Н. Трайнин, Общее учение о составе преступления, стр. 153 и др. Эта идея высказывалась А. Н. Трайниным весьма энергично. Однако автор пошел дальше и утверждал, что фактическое наступление последствий есть элемент всякого состава преступления, не учитывая, что имеется значительная группа норм, предусматривающих возможность наступления вреда.

«Материальные» преступления также включают наступление вредных последствий в качестве необходимого признака состава. Однако в отличие от «формальных» диспозиции этих составов содержат указания на преступные последствия. Эти диспозиции создаются главным образом в тех случаях, когда вероятность наступления вредных последствий относительно менее высока. При этом действие, которое в данном конкретном случае не повлекло вреда, недостаточно для уголовной ответственности; если же вред наступил, имеются все элементы состава преступления (убийство, телесное повреждение, уничтожение имущества и т. п.).

Условное деление преступлений на «формальные» и «материальные»¹ имеет существенное значение. Судье, прокурору, следователю необходимо четко знать, в каких случаях обвинение обязано, а в каких — не обязано специально доказывать факт наступления вредных последствий. Указанное деление и отвечает на этот вопрос: обвинение должно специально доказать факт наступления вредных последствий тогда, когда его признаки предусмотрены в диспозиции уголовноправовой нормы², т. е. в «материальных» преступлениях.

Рассмотрим основные требования, предъявляемые к судебно-прокурорским органам при установлении признаков состава «материального» преступления.

2. Факт наступления преступных последствий. Первое и основное требование состоит в том, чтобы установить, действительно ли наступило преступное последствие. В умышленных «материальных» преступлениях отсутствие преступного последствия может повлечь ответственность лишь за покушение или приготовление к преступлению, в неосторожных — полностью исключает уголовную ответственность.

Это элементарное требование иногда не соблюдается. В частности, отдельные судебно-прокурорские работники исходят не из факта, а лишь из предположения о наступлении вредного последствия, что, разумеется, не одно и то же.

¹ При этом всеми советскими юристами признается неудачность соответствующей терминологии.

² О значении последствий, не предусмотренных в диспозиции см. ниже.

Ю. и другие были осуждены по статье о должностной халатности за ненадлежащую культивацию, прополку и полив хлопка, приведшие якобы к снижению урожайности. Между тем при пересмотре дела в порядке надзора было установлено, что заключение комиссии по определению урожайности, положенное в основу обвинительного приговора, было написано задолго до получения фактического урожая хлопка и будущая урожайность определена комиссией лишь предположительно. Поскольку фактически не наступило никаких вредных последствий, а по показаниям ряда свидетелей урожай хлопка в их колхозе осенью ожидался хороший, Верховный Суд СССР прекратил дело за недоказанностью обвинения¹.

В диспозициях материальных преступлений предусматриваются, как правило, только основные последствия. Если основное последствие отсутствует, то и ответственность за данное преступление наступить не может, хотя бы имели место дополнительные последствия. Так, если при покушении на убийство способом, опасным для жизни многих людей, кому-либо были причинены телесные повреждения, а потерпевший остался жив, то оконченный состав убийства отсутствует. При этом основное последствие можно признать фактически наступившим лишь в том случае, когда имеются все его элементы, а не только, например, нарушено охранительное правоотношение или пострадал предмет посягательства.

Устранение виновным причиненного вреда или добровольное возмещение нанесенного ущерба не может рассматриваться как отсутствие преступных последствий. Однако в соответствии со ст. 33 Основ уголовного законодательства они признаются смягчающими обстоятельствами и должны учитываться при решении вопроса о характере и степени ответственности. Чистосердечное раскаяние признается одним из условий освобождения лица от уголовной ответственности с передачей его на перевоспитание и исправление общественной организации или коллективу трудящихся по их ходатайству. Если же раскаяние сочетается с добровольным устране-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 19.

нием причиненного вреда, то это тем более дает основания для смягчения уголовной ответственности или освобождения от нее.

Следует отметить, что, если даже суд не сочтет возможным полностью освободить такое лицо от уголовной ответственности, он должен учесть факт устранения причиненного вреда при назначении наказания. Верховный Суд РСФСР заменил реальную меру наказания условной в отношении осужденной С., которая похитила около 9 тыс. руб. колхозных денег. В качестве основания для применения условного осуждения Судебная коллегия указала наряду с другими обстоятельствами также на то, что С., продав часть своего имущества, полностью возместила причиненный колхозу ущерб¹.

3. Характер наступивших последствий. Недостаточно доказать, что преступное деяние причинило вред; необходимо установить, что наступившее вредное последствие было именно таким, какое предусмотрено данной нормой.

Во многих случаях сам законодатель определяет, какие последствия являются элементами состава, и указывает их признаки в диспозиции. Например, в ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления вредными последствиями признаются «крушение поезда, авария корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи».

Подробное указание на характер последствий содержится в ст. 150 УК Казахской ССР. Согласно этой статье бесхозяйственность рассматривается как преступление лишь в том случае, если она повлекла «тяжелые убытки или расточение государственного или общественного имущества (срыв плана, падеж скота, гибель урожая, значительную недостачу товарно-материальных ценностей и т. п.)».

Во всех подобных случаях задача судебных и прокурорских органов состоит в том, чтобы установить совпадение признаков фактически наступивших преступных последствий с признаками, прямо указанными в законе. Это простое требование, однако, не всегда учитывается.

¹ См. «Советская юстиция» 1960 г. № 3, стр. 83. См. также дело И., «Советская юстиция» 1960 г. № 1, стр. 79.

Встречаются случаи, когда суд исходит только из факта наступления вредных последствий, не обращая внимания на их характер.

По приговору суда Б. была осуждена по ст. 59^{3в} УК РСФСР 1926 года за то, что, являясь весовщиком товарного двора, допускала выдачу груза клиентуре без проверки числа мест получаемого груза, в результате чего в ярлыках на вывоз были проставлены неправильные цифры количества мест вывозимого со станции груза. В действиях Б. имелись признаки нарушения трудовой дисциплины. Однако последствия этого нарушения совсем не относились к области безопасности движения поездов, как это требовалось ст. 59^{3в}. Верховный Суд СССР, отменяя приговор, указал, что в результате действий Б. «не только не наступили, но и не могли наступить последствия, предусмотренные диспозицией ст. 59^{3в} УК РСФСР. В данном случае Б. было совершено должностное преступление, подпадающее под признаки ст. 111 УК РСФСР»¹.

Характер наступивших последствий имеет существенное значение при квалификации преступления. Так, квалификация телесного повреждения как тяжкого или как легкого почти целиком зависит от этого обстоятельства.

Несколько сложнее дело обстоит в тех случаях, когда характер последствий в законе обозначен не исчерпывающим образом, в частности, путем ссылок бланкетного характера.

Такие бланкетные указания имеются, например, в ст. 19 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления, где говорится о вредных последствиях, «для предупреждения которых установлен данный караул или конвой». Здесь уже нужно известное уяснение смысла закона с помощью его толкования.

Предположим, что часовой в нарушение ст. 77 Устава гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Союза ССР стоял на посту с карабином, в патроннике которого находился боевой патрон. При смене поста он неосторожно зацепил за спусковой крючок карабина. Произошедшим выстрелом был тяжело ранен прохожий.

Вредное последствие нарушения правил караульной службы — налицо. Однако то ли это последствие, кото-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 3.

рое предусмотрено п. «д» ст. 19 Закона? Очевидно, нет, ибо в задачу караула не входит предупреждение несчастных случаев с людьми от неправильного обращения с оружием. Поэтому действия часового следует квалифицировать не по п. «д», а в зависимости от обстоятельств дела по другим пунктам этой статьи в совокупности со статьей о преступлении против личности.

Еще более значительные трудности возникают тогда, когда конкретные признаки преступных последствий вообще в законе не указаны. Так, ст. 13 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления предусматривает квалифицированный вид утраты документов, содержащих государственную тайну, если это деяние «причинило тяжкие последствия».

Применительно к подобным нормам возникает важный вопрос: могут ли фактически наступившие последствия являться вредом любого рода, или они должны иметь определенный характер и относиться к какой-то определенной сфере общественных отношений?

При решении этого вопроса необходимо исходить из социально-политического смысла установления признака преступных последствий в уголовном законодательстве. Коль скоро соответствующая уголовноправовая норма создана для охраны определенной группы общественных отношений, то, очевидно, под преступными последствиями в этой норме имеется в виду не всякий вред, а лишь ущерб, наносимый данной группе общественных отношений. Поэтому и в этих случаях, хотя в диспозиции нет никаких указаний, состав преступления включает последствия вполне определенного вида.

Например, опасность утраты документов, содержащих государственную тайну, состоит в том, что эти документы могут попасть в руки иностранных разведчиков и быть использованы во вред обороноспособности Советского государства. Особую же опасность для Советского государства представляют такие случаи, когда документы не только могут стать, но и фактически стали достоянием иностранной разведки или иным образом используются для вражеской подрывной деятельности. Исходя из социально-политического смысла ч. 2 ст. 13 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления, следует прийти к выводу, что именно

это законодатель и имел в виду под тяжкими последствиями, предусмотренными в указанной норме¹.

Следовательно, нельзя квалифицировать по ч. 2 ст. 13 такой случай утраты документов, когда в результате его хотя и наступили вредные последствия, но не относящиеся к области обороны СССР (например, причинение ущерба личности, имуществу и т. д.).

Уяснение характера последствий нередко производится путем судебного и научного толкования уголовно-правовых норм. Именно такому толкованию подвергались нормы об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, причем как в судебных решениях, так и в теоретических работах неоднократно подчеркивалось, что причинение материального ущерба государству или общественной организации является неотъемлемым признаком состава данного преступления, хотя этот признак прямо и не указан в диспозиции².

Представляется правильным следующий общий вывод: вредное последствие, предусмотренное уголовным законом в общей форме (в частности, «тяжкое последствие»), всегда должно быть однородным с совершенным преступным действием, т. е. представлять собою реализацию той опасности, из-за которой это действие (бездействие) запрещено, и являться ущербом тому объекту, который охраняется данным уголовным законом.

Смысл указания в законе на наступление вредных последствий состоит в том, чтобы обеспечить охрану соответствующего круга общественных отношений. Поэтому когда в результате совершенного действия наступает вредное последствие иного рода, расходящееся с характером опасности действия, то вред причиняется не тому объекту, который предусмотрен в данном законе, а другому. В этом случае содеянное нельзя квали-

¹ См. В. Д. Меньшагин, Уголовная ответственность за разглашение государственной тайны, вып. XIII, «Труды ВЮА», стр. 122.

² См., например, А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, особенная часть, т. I, М., 1955, стр. 397.

фицировать по норме, предусматривающей наступление тяжких последствий (как указывалось выше, здесь в большинстве случаев будет совокупность преступлений).

4. Степень тяжести последствий. Установление степени тяжести наступивших последствий имеет весьма важное значение как для решения вопроса о наличии оснований для привлечения к уголовной ответственности, так и для правильного выбора характера и меры принудительного воздействия на виновного.

Новое уголовное законодательство существенно ограничивает пределы уголовной ответственности по признаку тяжести наступивших последствий. Например, неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, а также личного имущества граждан, недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества, нарушение ветеринарных правил, нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, погрыва посевов, злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти, халатность и ряд других деяний признаются преступными лишь при условии, что они причинили «существенный вред» или вызвали наступление «тяжких последствий».

В других случаях (например, ст. ст. 2, 4, 6, 15, 16, 17, 20, 21, 23 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления) тяжкие последствия рассматриваются как квалифицирующее обстоятельство.

Какие же последствия могут считаться тяжкими?

Очевидно, что это является вопросом факта. К компетенции суда относится как установление размеров наступивших последствий, так и оценка их сравнительной тяжести.

Практика выработала ряд сравнительно устойчивых оценок тяжести последствий применительно к тому или другому преступлению. В частности, лишение жизни человека или причинение тяжких телесных повреждений всегда рассматривается в судебной практике как тяжкое последствие. Это вытекает из ряда норм закона, в которых такие последствия признаются разновидностью тяжких последствий. Например, ст. 16 Закона об уголовной ответственности за воинские преступле-

ния карает за нарушение правил вождения или эксплуатации военных машин, повлекшие «несчастные случаи с людьми или другие тяжкие последствия».

Что касается легких телесных повреждений, то они по смыслу самого термина не могут относиться к тяжким последствиям. Однако если легкие телесные повреждения наносятся одновременно ряду лиц (например, при автокатастрофе), то мы думаем, что эту совокупность также можно признать тяжким последствием.

В значительной мере условный характер носит оценка степени тяжести последствий, заключающихся в причинении имущественного ущерба. Границы «мелкого», «не мелкого» и «крупного» хищения устанавливаются только практикой. Вместе с тем эта практика не должна быть произвольной, она должна соответствовать экономическим отношениям и учитывать правосознание трудящихся. Вряд ли можно признать «не крупным» хищение, совершенное на сумму 30—40 тыс. руб., хотя в законе размеры крупного хищения не указаны. Изменение курса рубля, естественно, влечет изменение указанных критериев.

Тяжкие последствия могут носить и нематериальный характер. Выше уже говорилось о тяжких последствиях разглашения государственной тайны или утраты документов, содержащих государственную тайну. Одной из разновидностей тяжких последствий воинских преступлений может быть серьезный ущерб боеспособности войск.

Возлагая на судебные и прокурорские органы как оценку степени тяжести фактически наступивших последствий, так и решение вопроса о том, какая степень тяжести этих последствий достаточна для наступления уголовной ответственности, законодатель исходит из того, что лишь в практической деятельности можно наиболее правильно и всесторонне учесть изменяющиеся условия общественной жизни.

Вместе с тем исходные позиции для оценки степени тяжести последствий содержатся все же в законодательстве. Здесь мы укажем на два основных обстоятельства.

Во-первых, в ряде статей, особенно в тех, которые являются новыми, законодатель иногда частично рас-

крывает понятие тяжких последствий, приводя их примерный перечень. Выше упоминалось о ст. 16 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления. Подобным же образом ст. 17 этого Закона указывает на «катастрофу или другие тяжкие последствия», ст. 18 — на «гибель либо серьезные повреждения корабля, человеческие жертвы или другие тяжкие последствия». Во всех таких случаях понятие тяжкого последствия истолковать уже нетрудно.

Во-вторых, уяснить степень тяжести последствий в известной мере можно с помощью сравнения санкций, установленных за совершение различных преступлений. Если, например, п. «б» ст. 4 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления предусматривает за сопротивление или принуждение начальника, повлекшее тяжкие последствия, лишение свободы на срок от трех до десяти лет, то из сравнения этой санкции с санкциями статей о преступлениях против личности можно сделать вывод, что п. «б» ст. 4 охватывает такие последствия, как тяжкие телесные повреждения (но не охватывает умышленного убийства). Разумеется, подобные выводы, которые делаются на основании сопоставления санкций, отражающих степень общественной опасности не только деяния, но и личности преступника, могут носить лишь приблизительный характер.

Наконец, некоторые самые общие правила оценки степени тяжести последствий могут быть даны уголовно-правовой теорией. В частности, Н. Ф. Кузнецова справедливо указывала на два момента: 1) тяжесть последствий зависит исключительно от характера и степени вредных изменений в объекте. Другие элементы состава (умысел или неосторожность, способ действия, субъект) непосредственно не влияют на эту оценку; 2) единицы измерения ущерба должны быть общими как для простого, так и для квалифицированного по тяжести последствий состава преступления¹.

Эти положения необходимо иметь в виду, например, при разграничении «мелкой» и «не мелкой» кражи государственного или общественного имущества. Следует

¹ См. Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 106.

согласиться с теми авторами¹, которые подвергают критике встречающиеся в судебной практике попытки квалифицировать как «не мелкое» хищение, причинившее незначительный материальный ущерб, если оно совершено группой лиц, ранее судимым субъектом и т. д. Степень тяжести последствий, являющаяся единственным критерием этого разграничения, не может подменяться другими обстоятельствами.

Степень тяжести последствий имеет существенное значение не только для квалификации преступления, но и для решения вопроса о применении наказания или мер общественного воздействия.

Малозначительность наступивших вредных последствий может являться основанием для прекращения дела за отсутствием состава преступления на основании ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства.

Верховным Судом РСФСР было прекращено дело Д. и К., похитивших два рулона толя стоимостью 43 руб. Суд указал, что «стоимость похищенного толя незначительна, при этом толь был возвращен по принадлежности и, следовательно, никакого ущерба государству причинено не было»².

Характер и степень тяжести наступивших последствий наряду с другими обстоятельствами дела, имеют важное значение при решении вопроса о том, может ли виновный быть освобожден от уголовной ответственности с передачей дела на рассмотрение товарищеского суда или с передачей лица, совершившего преступление, на поруки общественной организации или коллективу трудящихся для перевоспитания и исправления³.

Практика применения мер общественного воздействия показывает, что лицо, совершившее преступление, целесообразно передавать на поруки лишь при условии, что его действия не повлекли тяжелых последствий.

¹ См., например, В. Кириченко, Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский, Уголовная ответственность за мелкое хищение, «Советское государство и право» 1956 г. № 7, стр. 110—111.

² «Советская юстиция» 1960 г. № 1, стр. 79.

³ См. Н. Кузнецова, И. Микитич, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, «Советская юстиция» 1960 г. № 3, стр. 14 и сл.

Верховный Суд РСФСР отменил приговор по делу А., который был осужден за умышленное убийство к пяти годам лишения свободы условно с передачей для перевоспитания и исправления коллективу школы ФЗО. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР указала, что, признав А. виновным в столь тяжком преступлении, как убийство из мести, суд неосновательно принял указанные решения. Приговор суда и определение о передаче А. на перевоспитание и исправление коллективу школы ФЗО были отменены и дело передано на новое судебное рассмотрение¹.

Наконец, в том случае, когда уголовное наказание подлежит применению, степень тяжести преступных последствий необходимо учитывать для правильной индивидуализации наказания. Согласно Основам уголовного законодательства признается обстоятельством, отягчающим ответственность, «причинение преступлением тяжелых последствий» (п. 4 ст. 34).

5. Значение последствий, не указанных в диспозиции. Говоря о значении последствий, не указанных в диспозиции, следует различать два случая: а) последствия относятся к области объекта посягательства и б) они не относятся к сфере объекта.

В каких случаях преступные последствия, относящиеся к области объекта посягательства, не указываются в диспозиции? О них говорилось выше: это либо дополнительные последствия, либо такие основные последствия, наступление которых признается законодателем бесспорным (в так называемых формальных преступлениях). Значение подобных последствий, как уже указывалось, весьма существенно как для решения вопроса о наличии преступления и его квалификации, так и для определения характера и степени ответственности. Оно вытекает из того, что эти вредные последствия являются элементами составов преступлений.

Иное положение имеет место тогда, когда вредные последствия не относятся к области объекта посягательства и потому не являются элементами состава. Такие последствия не могут определять решение указанных вопросов. Если, например, в результате хищения

¹ «Советская юстиция» 1960 г. № 1, стр. 79—80.

продуктов магазин на какое-то время перестал работать, что создало трудности в снабжении населения и данного пункта, или в результате нанесения телесного повреждения нарушилась производственная деятельность на том участке, где трудился потерпевший, то эти вредные последствия сами по себе не могут признаватьсяотягчающими признаками указанных преступлений в плане объективной стороны. Н. Ф. Кузнецова правильно пишет, что подобные вредные последствия «не всегда представляют собой объективные вредные изменения в объектах, охраняемых уголовным законодательством. Сфера дальнейших последствий весьма широка и может относиться к области административных, гражданских, дисциплинарных и моральных отношений»¹. Но коль скоро это так, то подобные последствия нельзя вменять в вину в уголовноправовом порядке.

А между тем такие попытки встречались в судебной практике, особенно в прежние годы. Известно, что в этом смысле расширительно толковался закон от 7 августа 1932 г. По нему квалифицировались, в частности, такие деяния, как хищение снегозащитных щитов на железной дорожке, недобросовестная работа по пахоте и севу, ведущая к порче полей и снижению урожая, поломка сельскохозяйственных машин и т. п. Во всех этих случаях имелись в виду последствия, фактически выходящие за рамки объекта преступления, хотя и представляющие известную опасность для государства (угроза безопасности движения транспорта, уменьшение урожая и др.).

Если такая практика была в известной мере оправдана при существовании института аналогии, то в настоящее время повышение наказания в зависимости от наступления последствия, не относящегося к сфере объекта преступления, представляется нам нарушением требований закона (ст. ст. 32 и 34 Основ уголовного законодательства). Поэтому подобные последствия могут лишь в той мере влиять на степень ответственности, в какой они отражают более высокую степень вины (цели, мотивы преступления) и повышенную общественную опасность личности преступника.

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 196. В дальнейшем, однако, автор четко не определяет своего отношения к указанному вопросу.

1. **Природа возможности последствий.** Как указывалось выше, вторая группа преступлений характерна тем, что в качестве элемента состава они включают не фактическое наступление, а возможность наступления вредных последствий. Сюда можно отнести, например, оставление в опасном для жизни состоянии, нарушение правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ, недонесение о преступлении, утрату документов, содержащих государственную тайну, и ряд других преступлений. Создание возможности наступления вредных последствий характерно также для приготовления к преступлению и для соучастия в форме пособничества.

Возможность наступления вредных последствий является признаком состава во всех этих случаях, однако она не всегда указана в диспозиции. Так, при нарушении правил техники безопасности необходимо установить, что это деяние создавало угрозу жизни или здоровью работника, могло повлечь утрату трудоспособности. Если суд не установит возможности наступления указанных последствий, деяние не влечет уголовной ответственности. Напротив, в случае нарушения правил хранения взрывчатых и радиоактивных веществ возможность наступления вреда доказывать не требуется, так как она уже установлена и признана законодателем при выработке данной уголовноправовой нормы.

Стало быть, и применительно к рассматриваемой группе существует деление преступлений на «формальные» и «материальные». Только понятие «материальных» преступлений является здесь еще более условным: в соответствующих случаях суд должен установить не фактическое наступление вредных последствий, а лишь реальную возможность их наступления в данных конкретных условиях¹⁾

Что касается «формальных» преступлений данной

¹ А. С. Михлин считает возможным обе эти разновидности называть «формальными» («Понятие и виды последствий преступления», стр. 69), так как фактического наступления вредных последствий в обоих случаях нет. Однако нельзя игнорировать существенную разницу между случаями, когда закон требует установить реальную возможность наступления вреда в данных конкретных условиях, и случаями, когда это презюмируется законодателем и, по общему правилу, не должно доказываться.

группы, то, как видно из перечня, диспозиции, не включающие указания на возможность наступления вредных последствий, создаются главным образом в тех случаях, когда возможный вред весьма значителен, а вероятность его наступления от соответствующего действия — велика (например, при нарушении правил хранения радиоактивных и взрывчатых веществ, при утрате документов, содержащих государственную тайну, и т. д.). Если возможность наступления вредных последствий уже оценена и признана законодателем при построении нормы, то судебные и прокурорские органы не обязаны каждый раз доказывать наличие этой возможности в конкретном уголовном деле, хотя, как будет показано ниже, в необходимых случаях должны проверить, соответствует ли данный конкретный случай этой общей законодательной оценке.

Есть несколько диспозиций, построенных по смешанному типу. Например, при рассмотрении дела о разбое необходимо установить, представляло ли нападение угрозу для жизни или здоровья лица, однако не требуется доказывать, что оно создавало для преступника практическую возможность завладения имуществом потерпевшего. Эта вторая возможность предполагается законодателем существующей, поскольку установлен факт соответствующего нападения с целью завладения имуществом.

Какова физическая, социальная и юридическая природа возможности наступления преступных последствий? Является ли она свойством преступного действия или сама представляет собою своеобразное преступное последствие? Предыдущий анализ внутренней структуры последствия позволяет ответить на этот вопрос.

Если рассмотреть физическую природу возможности наступления вредных последствий, то нетрудно заметить, что она представляет собою создание условий для наступления преступного результата. Это определенный этап развития объективной стороны, который состоит в том, что преступное действие полностью совершено и уже вызвало во внешнем мире некоторые изменения. Хотя эти изменения пока что не привели, но они способны привести и при дальнейшем беспрепятственном развитии событий закономерно приведут к наступлению преступного результата.

По мнению Н. Д. Дурманова, возможность наступления преступных последствий есть лишь свойство преступного действия, но сама по себе последствием не является. «Если машинист, задумавшись или будучи в нетрезвом виде, вовремя не остановил поезда и едва не вызвал крушения,— пишет Н. Д. Дурманов,— то никаких реальных вредных последствий в этом случае не было...»¹.

Вряд ли можно согласиться с таким объяснением. В действительности создание опасности крушения тоже есть своеобразное последствие, и оно вполне реально. Неосмотрительные действия машиниста привели к созданию иной обстановки, чем это было до преступления: на пути движущегося экспресса сейчас находится поезд с пьяным машинистом. Комплекс вещей, явлений и процессов, происходящих во внешнем мире,— то, что мы называем обстановкой совершения преступления,— изменился таким образом, что образовалась реальная возможность катастрофы. Правильно пишет Н. Ф. Кузнецова, что при совершении рассматриваемых преступлений «появляются реальные, вполне конкретные условия, силы, которые при последующем беспрепятственном их развитии должны вылиться в прямой ущерб. До совершения преступных действий такого качественно нового состояния... не было»².

Отсюда следует, что с физической точки зрения возможность наступления вредных последствий не совпадает с действием, а является определенным результатом, последствием человеческого поведения. А. Б. Сахаров в этой связи справедливо указывает, что наличие причинной связи между допущенным нарушением и созданной им возможностью наступления вреда «не вызывает сомнений»³.

Однако для того, чтобы признать возможность наступления вреда разновидностью преступного

¹ Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, М., 1955, стр. 40.

² Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 24.

³ См. А. Б. Сахаров, Уголовноправовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 83. См. также Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 26; А. А. Пионтковский и В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права, особенная часть, т. 1, стр. 302.

последствия, указанных соображений недоста-точно.

Как подчеркивалось выше, преступное последствие — это не только физическое изменение внешней действительности. Социальная сущность преступного последствия состоит в том, что оно нарушает объект преступления — охраняемые законом социалистические общественные отношения. А этого результата в указанных случаях в полной мере еще нет.

Если рассматривать возможность наступления вредных последствий с точки зрения внутренней структуры объекта преступного посягательства, то мы увидим, что она является нарушением только одного, внешнего элемента этой структуры — правовых отношений, установленных для охраны соответствующих интересов. Так, не оказание врачом помощи больному, несомненно, нарушает правовые отношения, связанные с профессиональным долгом медицинского работника; однако фактического ущерба жизни больного еще не причинено, хотя для этого уже создавалась реальная возможность.

Неправы те авторы, которые ставят знак равенства между возможностью наступления вреда и фактическим его наступлением, утверждая, что «судебная практика одинаково оценивает как виды последствий — фактический ущерб и возможность его причинения»¹, которые различаются якобы только по степени общественной опасности.

Это неверно прежде всего с социально-политической точки зрения, так как при подобном сближении указанных явлений невольно стирается грань между преступлениями, причинившими серьезный ущерб социалистическому обществу, и преступлениями, которые не причинили подобного ущерба. Естественно, что недооценка этой разницы может повести к неосновательному усилению репрессии в отношении лиц, не причинивших фактических вредных последствий своими действиями.

Неправильно такое сближение и с юридической точки зрения. Н. Ф. Кузнецова пишет, что «опасность... — это определенное состояние объекта в результате общественно опасных изменений в нем, произведен-

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 26—27.

ных преступным действием субъекта»¹. Если рассматривать объект как комплексное, сложное явление, то создание опасности, например катастрофы на транспорте, действительно есть определенное состояние, однако это еще не то конечное состояние, ради предотвращения которого создана данная правовая норма. Нарушая правила движения на транспорте и создавая аварийную ситуацию, субъект нарушает свои обязанности, нарушает правовые отношения, которые созданы в целях обеспечения безопасности людей и транспортных средств; что же касается самих людей, а также социалистической собственности, ради охраны которых, в частности, и была создана эта норма, то они только ставятся под угрозу, но не терпят реального ущерба. Нарушение «правовой оболочки» объекта, охранительных правоотношений происходит вообще при всяком правонарушении, однако не ради борьбы с этим обстоятельством издаются уголовные законы².

Таким образом, создание возможности наступления вредных последствий нельзя рассматривать как действительное преступное последствие в полном смысле этого слова, т. е. в качестве фактического ущерба объекту посягательства.

Вместе с тем, как сказано выше, создание возможности наступления вреда нельзя отнести только к свойствам действия. Будучи промежуточным этапом между совершением преступного действия (бездействия) и фактическим преступным последствием, возможность наступления вреда есть предусмотренное уголовноправовой нормой изменение окружающих условий, изменение конкретной обстановки, в которой совершается преступление³, причем такое изменение, которое в свою очередь влечет или может повлечь фактический вред объекту преступления.

¹ Н. Ф. Кузнецова, Значение преступных последствий для уголовной ответственности, стр. 25.

² Это понимали еще дореволюционные русские криминалисты. Например, Н. С. Таганцев писал: «Если, конечно, понимать под последствиями преступной деятельности самое посягательство на правовую норму, то такое идеальное последствие присуще всякому преступному посягательству, но тогда этот признак теряет практическое значение» (Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, стр. 654).

³ На это правильно указывает Полячек (Skwukova podstata trestneko cinu, s. 106).

Рассмотрим теперь подробнее те требования, которые предъявляются к судебным и прокурорским органам в тех случаях, когда совершено преступление, признаком которого является создание возможности наступления вредных последствий.

2. Абстрактная и реальная возможность. Признак возможности наступления вредных последствий выражен в диспозициях статей особенной части по-разному. Так, ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления карает за умышленное повреждение путей сообщения и транспортных средств, которое повлекло или «могло повлечь крушение поезда, аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи». § Статья 22 того же Закона предусматривает в ч. 2 такие нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, которые «не повлекли, но заведомо создавали угрозу наступления тех же последствий» (т. е. несчастных случаев с людьми, крушения, аварий или иных тяжких последствий). Указания на возможность наступления вредных последствий содержатся и в статьях уголовных кодексов.

Для правильного понимания содержания указанных норм необходимо различать две стороны вопроса. Выше указывалось, что каждое уголовно-противоправное действие может повлечь вредные последствия. Если действие вообще не способно вызвать вредные последствия, то оно и не будет признаваться уголовно наказуемым. Таким образом, возможность наступления вредных последствий присуща всем уголовно-противоправным действиям. Однако это — только абстрактная возможность¹. Когда законодатель, например, устанавливает ответственность за нарушение правил безопасности движения на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, то в реальной действительности может еще не быть тех конкретных условий, которые создают действительную опасность катастрофы.

Этой абстрактной возможности вреда достаточно для конструирования уголовноправовой нормы, которая

¹ «Абстрактная возможность выражена в наиболее общих условиях возникновения определенного явления, в наиболее общих условиях для действия той закономерности, на которой она основывается» («Категории материалистической диалектики», М., 1957, стр. 257—258).

сама является абстрактной категорией. Однако для привлечения конкретного лица к уголовной ответственности за нарушение такой нормы абстрактной возможности вреда совершенно недостаточно. Органы следствия и суд обязаны установить реальную возможность¹ наступления вреда в данных конкретных условиях, т. е. доказать, что в той фактической обстановке, которая имела место во время совершения преступления, действие (бездействие) обвиняемого создавало действительную опасность причинения преступных последствий².

Такая реальная возможность наступления вредных последствий имелась, например, в деле Б., осужденного за нарушение трудовой дисциплины на транспорте. Дежурный по станции Б. дал указания стрелочникам принять поезд на путь, занятый шестью вагонами, которые были оставлены на пути по его же распоряжению, о чем он забыл. Крушение было предотвращено благодаря бдительности машиниста, который остановил поезд в 30 м от стоящих вагонов³.

В судебной практике, а отчасти и в литературе, иногда встречается неправильное понимание реальной возможности вредных последствий. В этом отношении можно отметить две крайности.

Некоторые авторы понимают реальную возможность слишком широко. Так, М. А. Шнейдер, анализируя нарушение трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте, писал: «Всякое нарушение дисциплины (правил) включает в себе угрозу для жизни людей, для вверенного транспорту имущества...»⁴ и т. д. В связи с этим М. А. Шнейдер считал, что «отыскивать причинную связь между нарушением правил и созданием опасности (как последствием) — значит подвергать сомне-

¹ «В противоположность абстрактной — реальная возможность есть возможность возникновения какого-либо явления в данное время, в данной конкретной обстановке» («Категории материалистической диалектики», стр. 258).

² См. Б. А. Куринов, Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте, М., 1957, стр. 43. См. также Н. С. Алексеев, Транспортные преступления, стр. 67; С. А. Домахин, Ответственность за преступления на автотранспорте, стр. 29.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1948», вып. II, 1948, стр. 8.

⁴ М. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Союза ССР, стр. 14.

нию установленную законом опасность нарушения дисциплины и доказывать то, что признано законом несомненным»¹. Таким образом, автор считал достаточным для уголовной ответственности сам факт нарушения соответствующих правил движения или эксплуатации транспорта.

Эта точка зрения не соответствует закону и расходится с судебной практикой. Естественно, что если бы каждое нарушение правил движения создавало угрозу наступления вредных последствий, то не было бы необходимости специально указывать на эту угрозу в законе как на признак состава преступления. Верховный Суд СССР в ряде постановлений и определений, напротив, подчеркивает необходимость в соответствующих случаях каждый раз конкретно устанавливать наличие возможности наступления вредных последствий, не ограничиваясь признанием факта совершения противоправного действия или бездействия.

Так, по делу Б. и других Верховный Суд СССР прямо указал: для применения ст. 59^{3в} УК РСФСР недостаточно того, что незаконные действия или бездействие относятся к нарушениям трудовой дисциплины. Указанная статья требует также, чтобы эти нарушения повлекли или могли повлечь за собою последствия, предусмотренные в диспозиции этой статьи. Таких последствий или возможности их наступления не было установлено по обстоятельствам данного дела².

Верховный Суд СССР отменил обвинительный приговор по делу проводника вагона З., который явился на работу в нетрезвом виде. Было установлено, что он прибыл на работу до заступления на дежурство и был своевременно заменен другим работником³. Таким образом, никакой реальной опасности наступления вредных последствий в этих условиях не создавалось.

Для оценки того, могло ли соответствующее действие повлечь реальные вредные последствия или не могло, следует учитывать способ действия, характер возможных последствий и особенно — обстановку совер-

¹ М. Шнейдер, Преступления против трудовой дисциплины на железнодорожном транспорте Союза ССР, стр. 15.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 4, стр. 15—16.

³ См. «Социалистическая законность» 1951 г. № 2, стр. 91—92.

шения преступления. Устанавливая возможность наступления вредных последствий, следует оценить их вероятность в данных условиях, о которой говорилось выше при анализе общественной опасности действия и бездействия¹.

При этом опасность действия — более узкое понятие, чем возможность наступления вреда. Может быть такой случай, что данное действие способно повлечь вредные последствия, однако в целом лишено общественной опасности, так как вместе с тем это действие вызывает и полезный результат. Эта ситуация характерна для крайней необходимости, а также состояния производственного риска, о котором говорилось выше.

О наличии реальной возможности вредных последствий можно говорить лишь тогда, когда в данной конкретной обстановке создались все условия для наступления этих последствий, т. е. имелись силы, которые при дальнейшем развитии событий могли бы вызвать наступление вреда².

Такие условия имели место, например, в деле кочегара парохода М., который самовольно оставил вахту у парового котла и ушел спать в каюту. Оставление без надзора работающего парового котла создавало явную угрозу аварии³.

Напротив, если в данной конкретной обстановке еще не сложилась совокупность всех условий, при которой наступают вредные последствия, то нельзя считать, что действие или бездействие обвиняемого создавало реальную возможность наступления вреда.

Н. было предъявлено обвинение по ст. 59^{3в} УК РСФСР в том, что она, являясь старшим стрелочником станции, перед приемом на станцию поезда сломала

¹ См. И. И. Горелик, Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву, М., 1960, стр. 20—24.

² А. С. Михлин, весьма детально рассматривающий эту сторону вопроса, различает два случая в зависимости от того, как будет происходить дальнейшее развитие событий: 1) с участием обвиняемого (например, незаконное хранение оружия, которое затем используется в разбойных нападениях) или 2) без участия обвиняемого (например, при нарушении правил по технике безопасности) (см. А. С. Михлин, Понятие и виды последствий преступления, стр. 69—71). И в том, и в другом случае налицо все условия для дальнейшего развития объективной стороны.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 4, стр. 2.

жиркой висячий замок на стрелке и тут же заявила дежурному по станции, что она обнаружила подготовку неизвестными злоумышленниками крушения поезда. Военный трибунал переквалифицировал ее действия на ч. 2 ст. 79 УК РСФСР (повреждение государственного имущества).

Но Коллегия Верховного Суда СССР признала эту переквалификацию неосновательной, ссылаясь на возможность аварии или крушения поезда¹. Нам представляется, что военный трибунал поступил правильно, так как никакой реальной опасности крушения от действий Н. не возникало, для крушения поезда ею не было создано необходимых условий.

Напротив, правильно было прекращено Верховным Судом СССР дело шофера автодрезины Т., который отправился с дрезиной без жезла, но у выходного семафора был задержан. Т., безусловно, допустил нарушение правил технической эксплуатации, но в тех конкретных условиях это не могло повлечь вредных последствий, так как путь был свободен и уже подготовлен для движения дрезины².

Реальная возможность вредных последствий как определенная ситуация существует обычно в течение более или менее продолжительного времени. Она возникает тогда, когда полностью сложилась указанная совокупность условий. В приведенном выше деле Б. угроза катастрофы возникла в тот момент, когда по его ошибочному указанию стрелочники направили приближающийся поезд на занятый путь. Прекращается же аварийная ситуация или в результате устранения образующих ее условий, или в случае наступления фактического вреда.

Следует отметить, что поскольку вероятность событий может быть различной, то и степень возможности наступления вредных последствий в конкретных случаях неодинакова: она может быть большей или меньшей. В деле Б. степень возможности катастрофы была весьма высокой; в деле кочегара М. вероятность взрыва парового котла была несколько меньшей, так как

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 г.», М., 1948, стр. 124.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941 г.», М., 1947, стр. 59.

происходил нормальный производственный процесс. Степень возможности наступления вредных последствий должна учитываться при определении меры наказания.

Некоторые судебно-прокурорские работники ошибочно считают, что если вред фактически не наступил, то следовательно, не было и реальной возможности его наступления. В этом проявляется другая крайность в понимании реальной возможности последствий. По существу здесь смешиваются возможность вреда и его действительное наступление. Между тем возможность не есть действительность и первая не превращается во вторую автоматически.

Если мы говорим, что реальная возможность вреда означает наличие всей совокупности условий для его наступления, то возникает вопрос: почему же в таком случае этот вред не наступил. Реальная возможность вредных последствий может не претвориться в действительность в силу трех причин:

а) в результате сознательного их предотвращения самим обвиняемым;

б) в результате действий других лиц (например, в указанном выше деле Б.);

в) в силу действия объективных случайностей (например, неправильный перевод стрелки не привел к катастрофе только потому, что поезд остановился, не доезжая до стрелки, из-за неисправности вагона). Таким образом, фактическое наступление вреда может быть предотвращено уже после создания угрозы его наступления.

Все эти обстоятельства имеют не одинаковое юридическое значение. Согласно ст. 33 Основ уголовного законодательства «предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления» рассматривается как обстоятельство, смягчающее ответственность. В судебно-прокурорской практике нередки случаи полного освобождения от уголовной ответственности виновного, который сам предотвратил вредные последствия своих действий¹. Иное значение имеет объективно слу-

¹ По делу Б-го Верховный Суд СССР указывал: «Нарушение правил технической эксплуатации, своевременно исправленное подсудимым, может явиться основанием к прекращению дела в уголовном порядке» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1938 г. и I полугодие 1939 г.», М., 1940, стр. 68).

чайное вмешательство естественных сил природы или действий технических средств, а также предотвращение вредных последствий посторонними лицами. Как указывалось в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Ю., устранение по независящим от виновного обстоятельствам вредных последствий, которые могли повлечь его действия или бездействие, не снимает с последнего уголовной ответственности¹.

Наконец, возможны случаи, когда не удалось предотвратить вредных последствий и они наступили. Какое это имеет уголовноправовое значение?

В нашей литературе правильно отмечалось, что при этом возможны два случая: либо возникает вопрос о «перерастании» содеянного в более тяжкое преступление², либо квалификация не изменяется, а наступившие последствия учитываются при определении меры наказания.

Первый случай имеет место тогда, когда наступившие последствия предусмотрены в качестве признака состава более тяжкого преступления (или квалифицированного вида данного преступления). Например, если преступные действия машиниста не только создали возможность крушения, но и действительно его повлекли, ответственность должна наступать по ч. 1 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления.

Второй случай имеет место тогда, когда в законодательстве нет норм, предусматривающих фактическое наступление соответствующего последствия.

Закон наказывает, например, недонесение о преступлении независимо от того, в какой степени это недонесение фактически помешало отправлению правосудия. Однако это обстоятельство не безразлично при выборе меры наказания. В общей форме можно сказать, что наступление вредных последствий, относящихся к сфере объекта посягательства (основных или дополнительных), если они и не указаны в диспозиции, всегда усиливает тяжесть преступления и соответственно влечет повышение наказания в рамках санкции статьи (разу-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. IV (XXXVIII), М., 1948, стр. 12—13.

² См. И. И. Горелик, Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву, стр. 18.

меется, при наличии умысла или неосторожности лица в отношении последствий, а также прочих необходимых условий).

Характерным примером в этом отношении является дело Л., который хранил без разрешения ядовитое вещество — сулему. Этим ядом отравилась Ю., находившаяся с ним в близких отношениях. Верховный Суд СССР по данному делу указал: «Хотя ст. 179 УК РСФСР карает нарушение указанного в ней запрета независимо от того, повлекло ли оно вредные последствия или нет, однако это не значит, что такие последствия не должны приниматься во внимание при определении степени вины нарушителя»¹.

Такая позиция судебной практики нам представляется совершенно правильной, ибо сам смысл норм, устанавливающих ответственность за создание возможности наступления вредных последствий, в том и состоит, чтобы предотвратить подобные вредные результаты, обеспечить охрану жизни, здоровья людей, социалистической собственности, личного имущества граждан и т. д. Когда эти последствия все же наступают, это значит, что был причинен вред именно тем общественным интересам, ради охраны которых была создана данная норма.

3. Две тенденции в законодательстве и судебной практике. Стремление к более полному учету реального вреда, причиняемого преступлениями социалистическому обществу, приводит к тому, что центр тяжести при построении диспозиций уголовноправовых норм в последние годы неуклонно перемещается в сторону материальных преступлений. В связи с этим в законодательстве и судебно-прокурорской практике можно наблюдать две тенденции.

С одной стороны, многие составы, ранее включавшие признак возможности наступления последствий, в новом законодательстве конструируются как «материальные». Так, составы неисполнения приказа начальника (п. «в» ст. 2) и воинского должностного преступления (п. «а» ст. 17) по Положению о воинских преступлениях 1927 года включали возможность наступления вреда; в Законе об уголовной ответствен-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946», вып. V (XXIX), М., 1947, стр. 4.

ности за воинские преступления 1958 года вообще нет ни одного состава, предусматривающего возможность преступления.

Замена возможности действительным наступлением ущерба не только делает состав преступления более точным и определенным; это ведет к известному смягчению уголовной ответственности за действия, не причинившие реального вреда.

С другой стороны, некоторые преступления, понимавшиеся ранее как «формальные», приобрели в диспозиции признак возможности наступления вреда, подлежащий установлению судом. Например, ст. 59^{3б} УК РСФСР 1926 года карала за повреждение путей сообщения независимо от того, могло ли это действие вызвать крушение поезда; ст. 23 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления устанавливает ответственность за эти действия лишь в том случае, если они повлекли или могли повлечь тяжёлые последствия. Таких случаев немало и в новых республиканских уголовных кодексах.

Особенно интересно то, что тенденция к учету возможности наступления вреда при совершении «формальных» преступлений проявляется не только в законодательстве, но и в судебной практике. Принципиальное значение в этом отношении имеет определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу П.-Т. Обвиняемая была осуждена народным судом по ст. 108¹ УК РСФСР 1926 года (нарушение правил работы во взрывоопасных цехах) за то, что бросила в озеро 10 штук электродетонаторов. Верховный Суд СССР, прекращая дело за отсутствием состава преступления, указал, что «для применения ст. 108¹ УК РСФСР необходимо установить, что допущенные нарушения повлекли за собой взрыв или пожар во взрывоопасном предприятии либо угрожали такими последствиями. То, что П.-Т. бросила электродетонаторы в озеро, не могло вызвать вышеуказанных последствий»¹.

Нам представляется правильной такая позиция судебных органов, хотя, как видно из текста ч. 1 ст. 108¹ УК РСФСР, диспозиция этой статьи вовсе не содержала признака возможности последствий и, следовательно,

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 9, стр. 16.

не требовала указанного судом ограничения ответственности. Приняв такое решение, Верховный Суд СССР по сути дела раскрыл действительное содержание этого состава преступления и предотвратил формальную оценку действий обвиняемой только с точки зрения нарушенных ею служебных инструкций. В этом решении фактически выразилась та мысль, что опасность всех без исключения преступлений состоит в наступлении или в реальной возможности наступления вредных последствий. Таким образом, даже в тех случаях, когда признаки вредных последствий прямо не указаны в диспозиции, судебные-прокурорские органы не должны игнорировать этот элемент состава. Если по обстоятельствам дела бесспорно устанавливается, что данное преступление не только не повлекло, но и не могло повлечь реального вреда (как это и было в деле П.-Т.), то привлечение лица к уголовной ответственности за подобное деяние носило бы формальный характер и не соответствовало задачам органов социалистического правосудия.

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ

§ 1. Понятие и значение причинной связи

1. Основные черты причинной связи. Для того чтобы вменить лицу вредные последствия, необходимо установить наличие причинной связи между совершенными им общественно опасными действиями (бездействием) и наступившим вредом. Причинная связь, будучи связующим звеном между указанными элементами объективной стороны, сама является элементом состава преступления.

Общее понятие причинности одинаково для всех областей знаний; оно дано марксистско-ленинской философией. Причинная связь — это такое отношение между явлениями, при котором одно или несколько взаимодействующих явлений (причина) порождает другое явление (следствие)¹.

Советская наука уголовного права не создает никакого особого, «юридического» понятия причинной связи, отличного от понимания причинности в диалектическом материализме, она только конкретизирует его применительно к тем событиям и явлениям, которые изучаются уголовным правом². Причинная связь как элемент состава преступления содержит общие черты, свойствен-

¹ См. «Категории материалистической диалектики», стр. 93.

² Наоборот, для буржуазной юриспруденции свойственны попытки сконструировать особое, «юридическое» понятие причинной связи. Так, английский философ-идеалист Б. Рассел утверждает, что «понятие причинности, как оно встречается в трудах большинства философов, по-видимому, уже не используется ни в какой хорошо развившейся науке» (Б. Рассел, Человеческое познание, М., 1957, стр. 486). Такие воззрения не удивительны, если учесть, что буржуазная философия не способна дать научное решение проблемы причинности.

ные любой причинной связи между явлениями природы или общества, и специфические признаки, отличающие ее от связей в других областях жизни. Работники органов правосудия, устанавливая причинную связь между поведением обвиняемого и наступившими вредными последствиями, руководствуются теми же общими положениями марксистско-ленинской философии по данному вопросу, что и специалисты других отраслей знаний, и, кроме того, учитывают некоторые дополнительные требования, вытекающие из правовых норм. Рассмотрим прежде всего основные черты всякой причинной связи.

Проблема причинной связи — один из важных вопросов, в понимании которого идет борьба между философами-материалистами и философами-идеалистами. Идеалистическая философия считает причинность не реально существующей связью между явлениями объективной действительности, а лишь воображаемой связью, порожденной человеческим сознанием¹. С точки зрения материализма, напротив, причинная связь существует объективно, независимо от сознания людей и со все большей полнотой и глубиной познается человеком. «Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм»².

Марксистская философия рассматривает причинную связь как одну из форм всеобщего взаимодействия явлений природы и общества. «Казуальность, обычно нами понимаемая, — указывал В. И. Ленин, — есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи»³. Причинность является одним из наиболее общих законов природы, который находит конкретное проявление во всех областях жизни. Причинные связи многообразны и беспредельны в пространстве и во времени, потому что они выражают общее свойство материи: движение, изменение, развитие.

Положение об объективном характере причинной связи и доступности ее человеческому познанию имеет

¹ Б. Рассел пишет: «Причинные законы физики приписывают какой-то порядок соответствующим событиям...» (Б. Рассел, Человеческое познание, стр. 362).

² В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 142.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 136.

весьма важное значение для уголовного права. Из него прежде всего вытекает недопустимость смешения причинной связи с умыслом и неосторожностью.

При практическом разрешении конкретных уголовных дел все эти понятия нередко выступают в тесной взаимосвязи. Между тем умысел и неосторожность — это субъективные элементы преступления, а причинная связь — объективный элемент. Смешение этих понятий может повести либо к игнорированию субъективной стороны преступления и, следовательно, к «объективному вменению», либо к недооценке объективных признаков и как следствие — к неоправданному расширению пределов уголовной ответственности, особенно в преступлениях, совершаемых по неосторожности, ибо возможность предвидения лицом вредных последствий своих действий в отдельных случаях может быть значительно более широкой, чем круг тех последствий, которые действительно произошли.

Смешение вопросов причинности и вины допускали некоторые русские дореволюционные криминалисты¹. Это нетрудно объяснить пороками самой буржуазной методологии. Тем более странными представляются элементы такого смешения у отдельных современных авторов. Когда, например, решение вопросов причинности ставится в прямую зависимость от того, действовал ли «осведомленный» или «неосведомленный причинитель»², то четкие границы между причинностью и виной стираются и вопрос неизбежно переносится в плоскость субъективной стороны.

Объективный характер причинной связи означает, что она может быть познана человеком. Причинная связь в уголовном деле не является исключением. Она может быть установлена органами следствия и судом, нередко прибегающими к помощи экспертизы.

Общим свойством всех причинных связей является их многозначность³. Это означает, что одна при-

¹ См., например, Н. Д. Сергеевский, О значении причинной связи в уголовном праве, ч. 1, Ярославль, 1880, стр. 46, 60 и сл.

² См. П. Г. Семенов, Проблема причинной связи в советском праве, «Ученые записки ВЮОН», вып. 8, 1958, стр. 260—261.

³ В общих рамках причинных связей однозначное отношение является «идеализацией, которая никогда полностью не осуществляется» (Д. Бом, Причинность и случайность в современной физике, М., 1959, стр. 43).

чина может вызвать и обычно вызывает ряд разнообразных следствий, точно так же как одно и то же следствие может быть порождено различными причинами и совокупностью причин. Понятие причинной связи не сводится к взаимодействию только двух явлений, а охватывает всю эту совокупность.

Преобразование одного события в другое возможно без каких-либо опосредствующих звеньев. Когда мы говорим, что кража социалистического имущества причинила ущерб государству, то здесь между изъятием имущества и наступившим ущербом никакого иного события нет. Связь этих явлений в том и состоит, что изъятие имущества одновременно вызывает наступление вредных последствий. Однако в большинстве случаев опосредствующие звенья имеются. Например, при умышленном убийстве от спуска курка до смерти потерпевшего последовательно совершается ряд событий: действие пороховых газов, полет пули, ранение, болезненные процессы в организме. Различное содержание этих опосредствующих звеньев придает причинным связям весьма разнообразный, неповторимый в своих деталях характер.

Таким образом, причинная связь — это не только связь между «рядом стоящими» событиями. Бесма часто причина и следствие отделены друг от друга цепочкой других явлений. Фактически под термином «причинная связь» нередко кроется ряд взаимодействующих явлений, которые мы в отдельности не фиксируем, так как нас интересуют только начало и конец соответствующей цепи, именуемые нами причиной и следствием.

Отмечая это обстоятельство, Ф. Энгельс указывал: «Чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно...»¹.

Это известное марксистское положение достаточно широко используется в юридической литературе. Реже, однако, подчеркивают, что речь идет только о временном изолировании причины и следствия. Между тем в современных условиях, когда в деятельности судебных и прокурорских органов особое внимание уделя

¹ Ф. Энгельс, Дialeктика природы, стр. 184.

ется глубокому изучению всех обстоятельств дела и, в частности, выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, представляется весьма важным подчеркнуть значение всестороннего анализа не только двух явлений — действия обвиняемого и наступившего преступного последствия, — но и других причин и других последствий, находящихся с ними во взаимной связи. Как справедливо пишет И. Реннеберг, «чтобы получить всестороннюю и всеохватывающую общую картину исследуемых явлений, мы должны сперва изолировать их от всех естественных или общественных связей, исследовать в их частностях и особенностях и затем снова включить их в их всеобщую связь и анализировать последнюю».

Рассмотрение совокупности причин, вызвавших преступный результат, приводит к выводу о том, что их значение неравноценно. Одни из обстоятельств являются определяющими, главными, другие — вспомогательными, второстепенными.

Неравноценность причин — общее свойство любой причинной связи. Ф. Энгельс писал: «Мы делаем нашу историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»².

В связи с этим необходимо отметить, что понятие причинности включает не только причину явления в узком смысле, как основную движущую силу, но и все другие обстоятельства, влияющие на возникновение результата, то есть условия³. Различие причин и условий относительно, оно имеет значение лишь применительно к конкретным случаям. В широком смысле усло-

¹ И. Реннеберг, Объективная сторона преступления, стр. 56.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, ОГИЗ, 1947, стр. 423.

³ «Условиями явлений в отличие от его причин называется комплекс явлений, которые сами не могут породить непосредственно данное явление — следствие, но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения следствия» («Категории материалистической диалектики», стр. 95).

вия также являются причинами события, ибо без них оно не могло бы иметь места или было бы другим¹.

Для уголовного права различие между главными и второстепенными причинами преступных последствий имеет существенное значение. Советская наука уголовного права не признает буржуазной «теории эквивалентности», считающей все факторы, вызвавшие преступный результат, равноценными². Качественные различия между отдельными обстоятельствами, в совокупности вызвавшими преступный результат, важны как для решения вопроса о пределах уголовной ответственности, так и в особенности для определения мер наказания виновным лицам.

По каким признакам в конкретном уголовном деле различать главные и второстепенные причины, или, пользуясь другой терминологией, причины и условия? Наиболее простое решение, казалось бы,—признать причиной во всех случаях общественно опасные поступки людей, а условиями считать поведение потерпевшего, поступки других невиновных лиц, а также действия сил природы, способствовавшие наступлению вредного результата. Однако такой априорный подход к разграничению причин и условий бессодержателен, и более того, может привести к неверным выводам. По сути дела этот подход есть не что иное, как «теория эквивалентности» в скрытой форме.

Дело в том, что в действительности главной, решающей причиной вредных последствий нередко может быть вовсе не поведение обвиняемого, а действия стихийных сил природы (например, обвал эстакады тоннеля при строительстве), поведение потерпевшего и т. д. Общественно опасные действия обвиняемого не всегда непосредственно причиняют преступный результат; они могут только создавать условия для его последующего наступления (что, однако, не исключает уголовной ответственности этого лица). Особенно характерно в этом отношении преступное бездействие, которое в большинстве случаев именно и является созданием «благоприят-

¹ См. «Категории материалистической диалектики», стр. 95.

² Например, Н. Д. Сергеевский, придерживающийся этой теории, утверждал, что «нет причин главных и второстепенных — все они одинаково необходимы для воспроизведения явлений» (Н. Д. Сергеевский, О значении причинной связи в уголовном праве, стр. 26).

ных» условий для действия других сил, непосредственно причиняющих преступный результат.

Кроме того, следует учитывать, что и среди действий нескольких обвиняемых, совместно причинивших преступный результат (например, в соучастии), также могут быть выделены главные и второстепенные причины.

Отсюда следует, что при определении главных, решающих причин наступления вредного результата и причин второстепенных (условий) нельзя исходить из предвзятой установки, что главной причиной всегда является поведение обвиняемого. Необходимо конкретно анализировать происшедшие события, с тем чтобы выявить действительное соотношение действовавших сил. Лишь при таком анализе может быть обеспечена должная индивидуализация ответственности каждого из лиц, чья деятельность повлияла на возникновение преступного результата¹.

2. Значение причинной связи в уголовном деле. Значение причинной связи в конкретном уголовном деле определяется тем, что она является элементом состава преступления, а при отсутствии хотя бы одного из элементов состава не может наступить уголовная ответственность. По всем делам о «материальных» преступлениях установление причинной связи обязательно, а как мы отмечали выше, тенденция учета последствий «формальных» преступлений ведет к тому, что и в них целесообразно, во всяком случае для правильного назначения наказания, устанавливать связь содеянного с наступившим вредом.

Верховный Суд СССР в ряде своих постановлений и определений подчеркивает обязательность установления причинной связи между деянием лица и вредными последствиями, которые ему вменяются в вину. «Наступивший результат, — указывается в ряде постановлений, — не может быть поставлен в вину подсудимому

¹ Некоторые полагают, что деление причин на главные и второстепенные в социальной области не обязательно должно соответствовать естественнонаучным представлениям о главных и второстепенных причинах. Это неверно, так как общественная жизнь, как более высокая форма движения материи, включает в себя и все ниже стоящие формы; социальная оценка главных и второстепенных факторов не игнорирует, а углубляет и раскрывает в новом качестве их естественнонаучное содержание.

при отсутствии причинной связи между его действием или бездействием и наступившим результатом»¹.

Отсутствие причинной связи между действиями обвиняемого и наступившим вредом говорит о том, что лицу незаконно вменялись в вину последствия, которых оно не причинило, в то время как подлинные причины этих последствий не были установлены. Следовательно, уголовная ответственность и наказание в указанных случаях не достигают цели. Точное установление наличия или отсутствия причинной связи служит поэтому одной из важных гарантий социалистической законности.

Ошибка некоторых судебно-прокурорских работников состоит в том, что они иногда возлагают ответственность за наступившие вредные последствия на лиц, которые лишь по роду своей работы связаны с той областью, в которой произошли эти последствия, не установив подлинных причин их возникновения.

Так, Р. был признан виновным в том, что, работая начальником строительно-монтажной конторы, преступно халатно относился к организации и обеспечению своевременной разгрузки барж. В результате непроизводительного простоя этих барж государству был причинен крупный ущерб.

Отменяя приговор по этому делу, Верховный Суд СССР указал, что предварительное следствие было проведено поверхностно, без надлежащей проверки причин простоя каждой баржи, без выявления действительных виновников. Следственные органы и суд не проанализировали взаимоотношений строительно-монтажной конторы с пароходством и не изучили всех необходимых документов. Направляя дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия, Верховный Суд предложил произвести экспертизу для установления того, по чьей вине в действительности имел место простой судов².

Для того чтобы признать наличие причинной связи, требуется прежде всего доказать тот факт, что действие или бездействие лица было необходимым условием наступления вредного последствия. Если бы это

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 3, стр. 39.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 23—24.

действие не было совершено (или бездействие не было допущено), то и преступный результат не наступил бы¹.

Капитан рыболовного траулера Ц., находясь в нетрезвом состоянии, пренебрег предупреждением вахтенного помощника о приближении судна к берегу, не обратил внимания на показания глубин эхолотом. В результате судно было посажено на грунт и аварией причинен значительный материальный ущерб². Бездействием Ц. было необходимым условием наступления этих последствий: если бы он проявил должное внимание к навигационной обстановке и принял все меры предосторожности, авария не произошла бы.

Другое положение сложилось в деле Л. Областным судом Л. был осужден за то, что, следуя по шоссе на автомашине с неисправными тормозами, он задел повозку, в результате чего находившийся в ней гражданин А. упал на шоссе, получил переломы костей основания черепа и скончался.

Факт выезда Л. с неисправными тормозами действительно имел место. Но, как было установлено при рассмотрении этого дела в порядке надзора, этот факт не находился в причинной связи с наступившим результатом. Из материалов дела видно, что столкновение машины с повозкой произошло потому, что лошадь испугалась машины и неожиданно бросилась в ее сторону. При этих обстоятельствах, как пояснил эксперт, «на расстоянии четырех метров от лошади, неожиданно бросившейся в сторону машины, ехавшей со скоростью 15 км в час, шофер при всех условиях, если бы даже тормоза были исправны, не мог предотвратить аварию»³.

В данном случае нарушение правил движения (езда с неисправными тормозами) не находилось в причинной

¹ Это положение в настоящее время можно считать общепризнанным. «Совершенно естественно,— пишет, например, Т. Л. Сергеева,— что если поведение обвиняемого не является одним из необходимых условий рассматриваемого результата, то о причинной связи вообще не может идти речи» (Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, стр. 72). См. также работы Т. В. Церетели, А. Н. Трайнина и др.

² См. постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 августа 1952 г. по делу Ц., «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 11, стр. 4.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 10.

связи с катастрофой. Дело Л. было прекращено за отсутствием состава преступления.

Действительно, факт неисправности тормозов в данном случае никак не повлиял на происшедшее. Если бы тормоза и были исправны, события развивались точно так же; следовательно, действия Л. не являлись необходимым условием для наступления вредного результата.

3. Понятие необходимого условия. Положение о необходимом условии следует рассмотреть более подробно. Что понимать под необходимым условием: а) такое обстоятельство, отсутствие которого не может быть заменено никаким другим обстоятельством, или б) такое обстоятельство, которое было необходимо в данном, имевшем место в действительности развитии причинной связи, но если бы оно отсутствовало, то этот же результат, возможно, наступил бы и при наличии других условий? [Иными словами, является ли необходимым условием также и незаменимым условием?]

Этот вопрос имеет важное практическое значение.

Выше приводилось дело К. и Г., которые перевозили пассажиров на непригодной лодке в ветреную погоду через реку Березину, что привело к аварии с человеческими жертвами.

Были ли действия К. и Г. необходимым условием гибели пассажиров? Если считать необходимым условием только незаменимое обстоятельство, то на этот вопрос придется ответить отрицательно, так как, если бы К. и Г. и не совершали указанных действий, пассажиры все же могли бы оказаться в подобной же ситуации, воспользовавшись, например, услугами другого перевозчика, и при этом также могли погибнуть.

При втором толковании ответ будет положительный. Действия К. и Г. явились необходимым условием аварии потому, что, хотя пассажиры и могли бы, вероятно, воспользоваться услугами других перевозчиков и попасть в аварийную обстановку, однако условия для аварии были созданы не какими-либо иными лицами, а именно К. и Г. То обстоятельство, что пассажиры могли погибнуть в результате неосторожных действий других лиц, никак не устраняет фактической причинной связи, которая имела место в данном случае и одним из звеньев которой явились действия К. и Г.

Очевидно, что второе толкование необходимого условия является правильным. В самом деле, при установлении причинной связи мы исходим из фактов, а не из предположений, и из анализа конкретных событий, а не тех неосуществленных возможностей, которые имелись в реальной действительности. Кроме того, вряд ли можно вообще назвать такие обстоятельства, которые являются «незаменимыми» для наступления определенного результата.

Следовательно, понятие необходимого условия не включает незаменимости этого условия для данного результата. Оно лишь означает, что при тех фактических обстоятельствах, которые имели место в действительности, это условие было необходимо для наступления данного результата, без него (или без замены его другими аналогичными условиями) этот результат не наступил бы.

Известные особенности понятие необходимого условия имеет по делам о преступном бездействии. Как уже говорилось, преступное бездействие в большинстве случаев не причиняет преступный результат непосредственно, а создает условия для его наступления. Поэтому для установления причинной связи между бездействием лица и наступившими вредными последствиями надо решить вопрос: могло ли соответствующее действие, если бы обвиняемый его выполнил, предотвратить наступление преступного результата. При положительном ответе на этот вопрос налицо причинная связь, при отрицательном — она отсутствует.

По делу З. было установлено, что обвиняемая, работавшая дежурным врачом станции скорой помощи в г. Йошкар-Ола, будучи вызвана к больному, не оказала ему никакой помощи, не измерила температуру, не выслушала его, не приняла мер к госпитализации и уехала, сделав ложную запись в журнале регистрации. В тот день больной был обследован участковым врачом, направлен в хирургическое отделение больницы и оперирован по поводу прободения двенадцатиперстной кишки. Однако из-за несвоевременной госпитализации он умер от гнойного перитонита.

Указывая на необходимость привлечения З. к уголовной ответственности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР сослалась на заключение

судебно-медицинской экспертизы, в котором говорилось, что «при подробном обследовании больного возможно было установить правильный диагноз и путем производства своевременной операции сохранить жизнь больному...»¹. Тем самым правильно утверждалось наличие причинной связи между бездействием врача З. и смертью больного.

Противоположное положение сложилось в деле А. Помощник капитана А. был осужден за то, что обнаружив встречное судно, он не вызвал в рулевую рубку капитана и не дал сигнала о расхождении, в результате чего произошло столкновение судов.

Отменяя обвинительный приговор, Верховный Суд СССР указал, что авария произошла в результате грубого нарушения правил вождения старшим штурманом встречного судна Б. Вместо того, чтобы повернуть вправо и разойтись левыми бортами судов, он повернул влево, что и вызвало столкновение.

Что касается А., то он принял все зависящие от него меры к безопасному расхождению судов и его действия были правильными. А. действительно нарушил пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах Морфлота СССР, не вызвав капитана на мостик парохода. Однако это нарушение не находится в причинной связи с аварией, так как, если бы капитан и был вызван, он не мог бы предотвратить аварии, поскольку все необходимые меры были приняты.

Коллегия указала, что допущенное А. формальное нарушение ст. 183 Устава службы на судах Морфлота СССР, как не находящееся в причинной связи с аварией, представляет собою служебный проступок, за допущение которого А. может нести лишь дисциплинарную, а не уголовную ответственность².

В ряде постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР подчеркивается, что «подсудимый не может нести ответственность за последствия, хотя и связанные с его работой, но возникшие вследствие обстоятельств, устранение которых не зависело от подсудимого»³. В частности, указывается, что

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1956 г. № 1, стр. 11.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 1, стр. 27.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 3, стр. 39.

«должностное лицо не может отвечать за последствия, наступившие по независящим от него обстоятельствам, которые оно не могло устранить»¹. В этих формулировках выражается мысль об отсутствии причинной связи между бездействием и наступившими последствиями в том случае, когда даже совершенное лицом действие не могло бы предотвратить наступление вредного результата.

§ 2. Характер причинной связи

• 1. **Постановка вопроса.** Для признания наличия причинной связи нужно обязательно установить, что деяние человека было одним из необходимых условий наступления вредного последствия. Однако этого недостаточно для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности, так как причинная связь как элемент состава преступления должна обладать и дополнительными юридическими признаками.

Ограничиться понятием необходимого условия — значит по существу признать, что любое действие или бездействие лица, находящееся в самой отдаленной и незначительной связи с наступившими вредными последствиями, может служить основанием для привлечения к уголовной ответственности. Такой вывод и вытекает из буржуазной теории «*conditio sine qua non*», иначе именуемой «теорией эквивалентности»², которая считает все причины события равноценными, а признак необходимого условия — достаточным объективным основанием для ответственности. В практическом применении эта теория ведет к расширению границ уголовной ответственности, к судебскому произволу³.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 3, стр. 41.

² Подробную критику этой теории см. в книге Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 36—50.

³ Например, по английскому праву всякое противоправное действие, находившееся в причинной связи с наступившей смертью, рассматривается как убийство даже в тех случаях, когда оно «не представлялось чреватым какой бы то ни было опасностью» (К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 128). Эта же теория эквивалентности применительно к убийству нашла законодательное закрепление в уголовном кодексе Канады (Snow's Criminal Code of Canada, Toronto, 1939, § 256, 257, 258).

Для советского уголовного права подобная точка зрения неприемлема. Основываясь на принципах социалистической законности, оно должно устанавливать твердые и определенные границы уголовной ответственности за совершенные деяния и наступившие вредные последствия.

Проблема состоит в том, чтобы найти правильный критерий разграничения причинных связей, которые следует считать достаточными для уголовной ответственности, и таких связей, которые являются слишком отдаленными, несущественными или по иным основаниям должны быть признаны для уголовной ответственности недостаточными.

Буржуазные теоретики пытались по-разному разрешить эту проблему. Н. Д. Сергеевский в свое время, например, подробно рассматривал двенадцать основных концепций причинности, изложенных лишь в «новейшей литературе» (с 1836 по 1880 г.), перечисляя, кроме того, целый ряд второстепенных, а также более ранних точек зрения¹. Несмотря на обилие этих концепций, ни одна из них не являлась действительно научной. Эклектически заимствующие свое философское обоснование у различных идеалистических или вульгарно-материалистических направлений, буржуазные теории причинной связи затушевывают классовую сущность буржуазного суда и в различных социально-исторических условиях по-разному отражают и обосновывают его деятельность, направленную на защиту интересов эксплуататорских классов².

В современном англо-американском праве наибольшим распространением пользуется концепция «ближайшей причины», которую вряд ли вообще можно назвать научной теорией, так как она не дает никакого принципиального решения. Ее суть состоит в том, что уголовное право должно учитывать лишь ближайшие последствия совершенного лицом действия. Однако какие же последствия являются ближайшими, а какие — отдаленными? «Очень трудно или, может быть, вовсе

¹ См. Н. Д. Сергеевский, О значении причинной связи в уголовном праве, ч. 2, Ярославль, 1880.

² Подробную критику буржуазных теорий причинности см. в работе Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, стр. 29—78.

невозможно дать какой-либо общий и краткий ответ на этот вопрос, который не должен быть настолько неопределенным, чтобы стать практически бесполезным», — пишет Терри¹. Продолжая эту мысль, Кенни утверждает, что «просто существует известный предел, за которым право отказывается следить за цепью причинности... В этих случаях ...невозможно сформулировать общее правило, устанавливающее такой предел»².

Единственным критерием для разграничения ближайших и отдаленных причин остается, по мнению ряда буржуазных теоретиков, «здравый смысл», обыденные представления «среднего человека» буржуазного общества, усмотрение суда³. Естественно, что подобная концепция причинной связи вполне пригодна для обоснования любого решения и приговора, соответствующего классовым интересам буржуазии.

Характерным примером того, каким «гибким» толкованиям подвергается концепция «ближайшей причины», когда это необходимо в классовых интересах буржуазии, служит процесс над руководителями американской компартии в 1949 году.

Одним из важнейших аргументов защиты на этом процессе была ссылка на неконституционность закона Смита, нарушающего свободу слова граждан США. В связи с этим разгорелись прения о толковании и применении определения Верховного суда США от 1919 года, в котором говорилось, что только «наличие прямой и непосредственной угрозы для безопасности страны» позволяет правительству отменять гарантии свободы слова. Защита основательно доказывала, что марксистское учение не создает никакой «прямой и непосредственной угрозы», и ссылалась при этом, в частности, на разъяснение, данное Верховным судом США в 1941 году, в котором говорилось, что «весьма вредные последствия должны носить очень серьезный характер, а бли-

¹ Н. Терри, *The first principles of law*, Tokio, 1929, p. 229.

² К. Кенни, *Основы уголовного права*, стр. 139.

³ По мнению Prosser'a «практическая жизнь... учит нас тому, что причина должна рассматриваться в обыденном смысле, и окончательное решение часто выносится применительно к общественному мнению, которое не характеризуется какими-либо определенными принципами» (Н. Hart and A. Honore, *Causation in the law*, Oxford, 1959, p. 25).

зость опасности должна быть очень велика, для того чтобы высказывания карались как преступления»¹.

«Обвинение,— писал Дж. Марион,— не располагало ни одним свидетельским показанием, которое помогало бы обойти это решение Верховного суда, ни одной уликой, которая позволила бы говорить «о близкой угрозе» или «непосредственной опасности» со стороны коммунистической партии. Прокурору остался лишь один аргумент, а именно, что времена уже не те, что все в мире изменилось и перед лицом «холодной войны» теория «прямой и непосредственной угрозы» стала роскошью, которой мы не можем себе позволить»². Как известно, суд согласился с доводами обвинения.

Более тонкой и внешне более научной является «адекватная теория», согласно которой действие лица влечет уголовную ответственность за наступившие последствия лишь в том случае, если оно явилось его типичной причиной³.

Эта теория исходит из идеалистических представлений о типичности как привычном, известном из опыта повторении явлений, определенной уверенности в их наступлении. К ней полностью приложимы слова В. И. Ленина, который, приводя определение Авенариусом необходимости как степени вероятности ожидания последствий, указывает: «Это вполне определенный субъективизм в вопросе о причинности»⁴.

Исходя из субъективного понимания типичного, различные представители адекватной теории по-разному решают вопрос о том, чей опыт кладется в основу признания данной причинной связи типичной или нетипичной. Здесь фигурируют и мнение суда (Рюмелин), и опыт «среднего человека» (Яблочков), и «опытнейшего и рассудительнейшего из людей» (Трегер), и, нако-

¹ См. Джордж Марион, Судилище на Фоли-Сквер, стр. 140.

² Там же, стр. 141.

³ Так, Мейн пишет, что вредное последствие может быть инкриминировано лицу только в том случае, если «можно показать, что оно является таким последствием, которое в обычном порядке вещей вытекало бы из действий лица, или, в случаях нарушения контракта, появление которого ожидалось бы обеими сторонами» (цит. по книге Н. Тергу, *The first principles of law*, p. 229).

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 145.

нец, мнение самого обвиняемого. Нередко эти критерии соединяются в сложных и весьма туманных формулах. Так, например, Терри считает, что «лицо является ответственным за такие последствия своих действий, какие оно считает или должно считать вероятными результатами своих действий; однако презюмируется, что каждому лицу известны виды последствий, которые обычно, при обыкновенном положении вещей, следуют за такими действиями, как те, которые совершило это лицо; в некоторых же случаях знание такого лица о вероятных последствиях может подразумеваться, хотя в действительности оно и отсутствует»¹.

Нетрудно видеть, что столь неопределенная формула предоставляет буржуазному суду самые широкие возможности для произвольных решений. Характерной чертой как теории ближайшей причины, так и адекватной теории является то, что оценка причинной связи с точки зрения ее достаточности или недостаточности для уголовной ответственности полностью основана на судебском усмотрении. Это вполне соответствует реакционным устремлениям империалистической буржуазии.

Для советской науки уголовного права неприемлемость буржуазных теорий причинной связи является бесспорной. Советские юристы единодушны во мнении, что ограничение круга причинных связей, достаточных для уголовной ответственности, является необходимым. При этом критерий разграничения связей, достаточных и недостаточных для уголовной ответственности, должен носить сугубо объективный характер.

Вместе с тем в советской уголовноправовой науке еще не сложилось единого мнения по поводу содержания указанного критерия. Не считая целесообразным рассматривать здесь различные точки зрения советских юристов², мы остановимся лишь на наиболее распрост-

¹ Н. Терри, *The first principles of law*, p. 234.

² Главные точки зрения по вопросам причинности, отличающиеся от концепции необходимого и случайного причинения, представлены в работах: Т. В. Церетели, *Причинная связь в уголовном праве*; А. Н. Трайнин, *Состав преступления по советскому уголовному праву*; Т. Л. Сергеева, *Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. Критику позиций А. Н. Трайнина и Т. Л. Сергеевой см. в указанной работе Т. В. Церетели, стр. 99 и сл.*

раненной концепции, выдвигающей в качестве указанного критерия различие между необходимостью и случайностью.

2. **Необходимая и случайная причинная связь.** Еще в 1939 году в учебнике уголовного права была высказана мысль о том, что при решении вопроса об ответственности за наступившие последствия следует исходить из различия между необходимой и случайной причинными связями¹. Наиболее полное развитие эта точка зрения получила в работе А. А. Пионтковского «Проблема причинной связи в праве»² и в последующих изданиях учебника. Ее основное содержание состоит в том, что «для уголовного права имеют значение лишь причинно-необходимые связи»³, за объективно случайные последствия своих действий «лицо ни при каких условиях не может нести уголовной ответственности»⁴.

Эта концепция сыграла известную положительную роль в науке советского уголовного права, так как она по существу явилась первой попыткой решить проблему причинности в праве с позиций диалектического материализма. Сторонники указанной концепции решительно отвергают буржуазные теории причинной связи и исходят в целом из понимания причинности как объективно существующей связи, познаваемой человеком⁵.

С нашей точки зрения, указанная теория содержит определенное рациональное зерно, однако ее общее решение и практические выводы все же не могут быть признаны правильными.

Рациональная идея теории необходимого и случайного причинения состоит в том, что в основу решения проблемы причинности кладется философское понятие необходимости, закономерности. А. А. Пионтковский правильно писал: «Мы должны наше понятие о необхо-

¹ См. «Уголовное право, часть общая», учебник коллектива авторов ВИЮН, М., 1939.

² См. «Ученые записки ВИЮН и ВЮА», М., 1949, стр. 70—93.

³ «Уголовное право, общая часть», М., 1948, стр. 303.

⁴ Там же.

⁵ Помимо А. А. Пионтковского, указанную концепцию разделяют: М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве, «Ученые записки ВИЮН», вып. X, М., 1947, стр. 176—203; и другие работы; М. И. Ковалев и П. Т. Васильков, Причинная связь в уголовном праве, М., 1958, и другие авторы.

димости пронести во все области науки, и нет никаких оснований отказываться от него в области права и принимать здесь за основу нашей работы механистическое понятие о необходимости, не знающее объективной случайности»¹.

К сожалению, впоследствии эта исходная позиция не нашла правильного воплощения применительно к проблеме причинности. Главная ошибка сторонников рассматриваемой концепции состоит именно в механистическом разрыве и противопоставлении случайности и необходимости.)

Согласно положениям марксистской философии случайность и необходимость находятся в диалектическом единстве. «Необходимость, — указывал В. И. Ленин, — «общее бытия» (всеобщее в бытии)...»². Всякое общее проявляется, однако, не непосредственно, а лишь в форме конкретных событий, каждое из которых имеет индивидуальный характер, случайные черты. Случайность выступает как форма дополнения и проявления необходимости. Ф. Энгельс писал: «То, что утверждается как необходимое, слагается из чистых случайностей, а то, что считается случайным, представляет собой форму, за которой скрывается необходимость»³.

Для понятия причинной связи эти положения означают, что когда речь идет о связи двух или нескольких конкретных явлений, то ее нельзя рассматривать либо как только необходимую, либо как только случайную. В каждой конкретной причинной связи проявляются как общие закономерности развития природы и общества, так и разнообразные случайности. Сама конкретная причинная связь между двумя или несколькими событиями есть случайность, в которой нашли свое проявление необходимые процессы развития природы и общества.)

Поясним сказанное на примере рассматривавшегося выше дела К. и Г., которые перевозили пассажиров через реку Березину.

¹ А. А. Пионтковский, Проблема причинной связи в праве, стр. 84.

² В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 248.

³ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, Госполитиздат, 1948, стр. 38.

В этом деле нашла свое проявление общая закономерность, состоящая в том, что перевозка людей на необорудованных для этой цели лодках чревата серьезной опасностью и в известном числе случаев ведет к катастрофе. То обстоятельство, что данный случай произошел на реке Березине, а не на Волге, и что погибли данные конкретные люди, а не другие, является случайностью. В целом рассматриваемое событие, таким образом, одновременно и случайно, и закономерно.

Если обстоятельства происшедшего случая рассмотреть более детально, то мы снова увидим, что необходимость и случайность находятся в диалектическом единстве.

Как конкретно произошла катастрофа? К. и Г. посадили пассажиров в необорудованную лодку и выехали на бурную реку. Это создало реальную возможность катастрофы. Для того, чтобы она фактически произошла, было достаточно какой-либо случайности. И такая случайность — сильный и неожиданный порыв ветра — появилась. Лодка перевернулась, люди погибли.

Является ли причинная связь между действиями К. и Г. и гибелью пассажиров необходимой или она случайна? И то, и другое одновременно. В рассмотренном событии проявилась закономерность, ибо перевоз людей при таких условиях опасен и чреват катастрофой; вместе с тем, эта закономерность проявилась посредством случайности (порыв ветра), которой могло и не быть. Дальнейшее развитие причинной связи, когда лодка перевернулась, представляет собой также закономерный процесс в его случайном проявлении.

Возникает вопрос, можно ли искусственно разделить в конкретном уголовном деле случайные и необходимые причинные связи в отношении одних и тех же явлений и, более того, делать выводы, что необходимая причинная связь влечет ответственность, а объективно случайная — не влечет?)

Нам кажется, что подобное решение вопроса выражало бы тот механистический разрыв необходимости и случайности, о котором Ф. Энгельс писал: «Обычный здравый человеческий смысл, а с ним и большинство естествоиспытателей, рассматривает необходимость и случайность как определения, раз навсегда исключаящие друг друга... А затем объявляют необходимое един-

ственно достойным научного интереса, а случайное — безразличным для науки»¹.

Такое искусственное разделение в одном уголовном деле случайности и необходимости не только методологически неправильно, но и практически невозможно. Не удивительно, что сторонникам рассматриваемой теории так и не удалось предложить практически приемлемых критериев для разграничения «причинно-необходимых» и «причинно-случайных» связей. Ведь нельзя, в самом деле, считать, что такой критерий содержится в рекомендации решать этот вопрос «лишь на основе внимательного рассмотрения всей конкретной обстановки, в которой были совершены указанные действия»², или «внимательно изучив все обстоятельства дела, правильно установив характер процесса развития причинной связи, выяснив закономерности, присущие этому процессу»³.

Недостатки указанной теории привели к тому, что за последние годы она подвергается основательной критике со стороны ряда советских юристов, а также криминалистов зарубежных социалистических государств⁴.

Правильно определив исходную позицию — использование философского понятия закономерности, необходимости, сторонники рассматриваемой теории неверно пытались разграничить случайность и необходимость в одной и той же плоскости — в плоскости единичного явления. Между тем эти понятия потому и находятся в диалектическом сочетании, что они лежат в несколько различных плоскостях — в плане соотношения единичного и общего⁵.

Если с этой точки зрения подойти к проблеме причинности, то следует сделать вывод, что суд, рассматри-

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 172.

² «Советское уголовное право, часть общая», М., 1959, стр. 134.

³ М. И. Ковалев, П. Т. Васьков, Причинная связь в уголовном праве, стр. 62.

⁴ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве; А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому праву; П. Г. Семенов, Проблема причинной связи в советском праве, «Ученые записки ВИЮН», вып. 8, М., 1958; И. Реннеберг, Объективная сторона преступления; Fr. Polaček, Skutkova podstata trestneho činu, s. 143, и др.

⁵ См. В. И. Ленин, Философские тетради, стр. 329.

вающий конкретные уголовные дела, непосредственно имеет дело со случайными явлениями, в которых проявляются общие закономерности, оцениваемые законодателем при построении уголовноправовой нормы.

3. Причинная связь как элемент состава преступления. Вопрос о том, какая причинная связь достаточна, а какая — недостаточна для уголовной ответственности, решает в первую очередь не суд, а законодатель. В нашей литературе высказывалось мнение, что проблема причинности не может быть решена в законодательном порядке¹. Это не так. Дело не только в том, что вполне могут быть сформулированы конкретные нормы общей части по этому вопросу². Дело в том, что проблема причинности решается практически при выработке каждой из норм особенной части уголовного законодательства.

Выше уже указывалось, что при создании уголовноправовой нормы законодатель анализирует объективные закономерности общественных явлений. Скажем, при установлении уголовной ответственности за нарушение правил вождения автотранспорта учитывается, что эти нарушения влекут в известном числе случаев человеческие жертвы и другие тяжкие последствия. Создавая соответствующую уголовноправовую норму, законодатель оценивает не только характер общественно опасных действий и наступающих последствий, но и характер причинной связи между теми и другими, имея в виду, например, что в качестве посредствующих звеньев в этой причинной связи могут выступать неосторожные поступки потерпевшего, механическое действие транспортных средств и т. д.)

Отсюда следует, что в конкретном уголовном деле причинная связь, как и другие элементы состава преступления, не может быть любой; она должна быть проявлением той объективной закономерности, которая лежала в основе построения соответствующей нормы. Однако судебно-прокурорские органы должны устанавливать это соответствие не непосредственно, путем теоретических изысканий или изучения статистических данных, а только на основе закона, путем уяснения его

¹ См. М. Д. Шаргородский, Уголовный закон, М., 1948, стр. 58.

² Например, Уголовный кодекс Народной Республики Албании 1952 года содержит специальную статью, посвященную причинной связи (ст. 4).

смысла, посредством анализа признаков состава преступления. Их задача заключается в том, чтобы установить, что имевшая место в конкретном уголовном деле причинная связь соответствует требованиям, предъявляемым к причинной связи данной нормой уголовного закона.

Каким же конкретным требованиям должна удовлетворять причинная связь, как элемент состава преступления?

Очевидно, здесь могут быть выдвинуты две группы требований. Первая — это те требования, которые являются общими для всех составов преступлений, и вторая — специфические требования применительно к отдельным составам преступлений.

Общие требования по существу уже вытекают из предыдущего изложения. Они касаются трех моментов: 1) характера действия, служащего причиной; 2) характера последствия; 3) степени протяженности связи между действиями и последствием.

Действие, которое служит причиной наступившего результата, должно быть объективно опасным в момент его совершения для охраняемого законом объекта. Если оно не соответствует этому требованию, то и причинная связь между ним и наступившим результатом не может рассматриваться как элемент состава преступления.

Так, К., заметив лежавшего на тротуаре в состоянии сильного опьянения Б., поднял его с земли, поставил на ноги, встряхнул, чтобы привести в чувство, и потом отошел. После ухода К. Б. пошатнулся, сделал несколько шагов по направлению к мостовой и упал под проходивший мимо автобус, который его раздавил. Действия К. находились в причинной связи с гибелью Б., однако эта причинная связь не может быть признана элементом состава преступления, так как действия К. не представляли общественной опасности; его ответственность за наступившие последствия исключается¹.

Последствия, наступившие в результате совершения общественно опасного действия, должны быть однородными по своему характеру с той опасностью, которой было чревато совершенное действие, являться

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за 1938 г. и первое полугодие 1939 г.», М., 1940, стр. 104.

ущербом тому объекту, для которого оно представляло угрозу. При отсутствии этого признака связь между действием и наступившим вредом также не может рассматриваться как элемент данного преступления.

Дорожный мастер В. незаконно послал обходчика М. в путевую бригаду в неурочное время, нарушив режим его работы. Эти действия В. являются неправомерными, и при известных условиях их можно рассматривать как представлявшие опасность с точки зрения нарушения законных интересов М. в области трудовых отношений. Случилось, однако, так, что М. по дороге в бригаду пошел по железнодорожной колее, не заметил появившегося сзади поезда и был им задавлен¹.

Можно ли привлекать В. к ответственности за смерть М.? Разумеется, нет. Хотя его распоряжение находилось в связи с происшедшими событиями, однако характер наступившего последствия совершенно не соответствует характеру опасности действий В., и эта связь также не может быть признана элементом состава преступления.

Из сказанного следует, что причинная связь как элемент состава преступления — это связь между таким действием, которое в момент его совершения представляло опасность для охраняемого данным законом объектом, и такими последствиями, которые явились реализацией этой опасности. Отсюда нетрудно сделать выводы и о допустимой степени отдаленности действия от последствия, т. е. о степени протяженности такой причинной связи, которая может быть признана элементом состава преступления.

Причинная связь может быть признана элементом состава преступления лишь в том случае, если она реализовалась в следующих пределах: от создания реальной возможности наступления вреда до ее претворения в действительность. Действие или бездействие, не создающее реальной возможности наступления вредных последствий, находится в слишком отдаленной связи с результатом и не может влечь уголовную ответственность. При этом реальная возможность может превратиться в действительность и в результате воздействия объективных случайностей (как внутренних, так и внешних).

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1949 г. № 5 стр. 39.

Такую точку зрения в последнее время разделяет ряд советских юристов¹. Так, П. С. Семенов справедливо указывает, что ответственность за наступившие последствия обоснована в том случае, когда созданная обвиняемым ситуация «заключает в себе непосредственную угрозу, реальную возможность наступления общественно вредного результата (наряду с другими, столь же реально возможными), который в действительности и наступил. Потому-то, собственно, обществом... порицается (в уголовном порядке) уже одно создание такой угрозы»².

С рассматриваемой позиции можно правильно разрешить ряд спорных случаев. В литературе широко распространен уже приведенный нами выше пример: Сидоров наносит рану Алексееву, а тот погибает во время пожара в больнице, где он лечился в связи с нанесенным ранением. Несет ли Сидоров ответственность за смерть Алексеева?

Для сторонников теории необходимых и случайных связей этот пример представляет непреодолимую трудность. Так как ни у кого не вызывает сомнений, что Сидоров должен нести ответственность за смерть Алексеева, если он знал о предстоящем поджоге больницы, и не должен, если не знал, то получается, что вся концепция разграничения необходимых и случайных связей ставится в прямую зависимость от субъективной стороны преступления, как бы ни старались доказать обратное ее сторонники.

При правильном анализе этого примера он не представляет трудности. Причинная связь действий Сидорова со смертью Алексеева в этом примере имеется при всех вариантах. Однако она может рассматриваться как элемент состава преступления лишь в том случае, если действия Сидорова объективно создали реальную возможность смерти Алексеева во время пожара. Этот случай, очевидно, имеет место лишь при условии, что

¹ Положение о том, что только действие, представляющее общественную опасность в момент его совершения, может быть признано элементом состава преступления, убедительно доказывается Т. В. Церетели в работе «Причинная связь в уголовном праве», стр. 131 и сл.

² П. С. Семенов, Проблема причинной связи в советском праве, стр. 265—266. Близкой является позиция О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 223—233.

уже в момент нанесения ранения Алексееву поджог больницы был предрешен. При этом для характеристики причинной связи не имеет никакого значения, знали Сидоров о предстоящем поджоге или не знал: и в том, и в другом случае он создал реальную угрозу жизни Алексеева. Вопрос о знании со стороны Сидорова о поджоге — это вопрос субъективной стороны его преступления.

Напротив, если в момент нанесения легкого ранения Алексееву никакой опасности пожара не существовало, то Сидоров не может нести ответственность за смерть Алексеева уже по объективным основаниям, если бы даже такой пожар и произошел: его действия в момент их совершения не представляли для жизни Алексеева никакой реальной опасности.

Таковы общие требования, предъявляемые к причинной связи как элементу состава преступления. Однако и этих требований не всегда достаточно. Как известно, конкретное содержание элементов составов разных преступлений различно. Например, действие, входящее в состав кражи, отличается от действия при изнасиловании. Не составляет исключения в этом отношении и причинная связь.

В нашей литературе обычно высказывается мысль о единстве решения проблемы причинности не только в уголовном праве, но и во всех отраслях права¹. Это верно с точки зрения общих принципов данной проблемы. Однако необходимо обратить внимание и на разновидности причинной связи в различных составах преступлений, не говоря уже о возможности неодинакового решения этого вопроса в разных исторических условиях.

Юридическое значение действия, отдаленно связанного с вредным результатом, не может быть одним и тем же независимо от вида деяния, от характера результата, а также от исторических условий, в которых создается данная уголовноправовая норма. При бурном развитии техники и расширении границ человеческого предвидения некоторые более отдаленные от результата деяния могут приобрести общественную опасность,

¹ См. М. Д. Шаргородский, Некоторые вопросы причинной связи в теории права, «Советское государство и право» 1956 г № 7, стр. 38.

а лица, их совершившие,— подлежат наказанию, и, наоборот, более близкие к наступлению вреда действия человека подчас утрачивают общественную опасность, потому что выработаны новые совершенные методы обеспечения безопасности. Учесть эти изменения может только разработанная и периодически изменяемая система технических и правовых норм, запрещающая совершение одних деяний и разрешающая при определенных условиях совершение других. При этом меняется и характер связи между действием и последствием, признаваемой законодателем достаточной для уголовной ответственности.

Различие между отдельными разновидностями причинных связей в разных составах преступлений идет по двум линиям: по степени отдаленности действия от последствия («протяженность» причинной связи) и по характеру «привходящих сил», т. е. тех относительно самостоятельных событий, поступков других лиц и действий естественных сил природы, которые присоединяются к поступкам обвиняемого, вклиниваются в развитие причинной связи.

Известно, что всякая причинная связь развивается во времени; и в уголовном деле нетрудно установить ту или иную временную последовательность событий. Промежуток времени между причиной (деяние обвиняемого) и следствием (преступный результат) может быть различным, но он не имеет существенного уголовно-правового значения. В частности, большая или меньшая длительность причинной связи во времени не влияет на решение вопроса о наличии или отсутствии состава преступления¹.

Важное значение имеет не длительность времени, в течение которого развивается причинная связь, а свойства самой причинной связи. В частности, существенно то, из какого количества и каких именно этапов или звеньев она состоит.

¹ Это обстоятельство не всегда правильно понимается практическими работниками. Существует ошибочная точка зрения, что большой промежуток времени между нанесенным ранением и наступлением смерти якобы исключает ответственность за убийство. Верховный Суд СССР неоднократно указывал на неправильность такого мнения (см., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 2, стр. 20).

Всякое развитие событий проходит ряд этапов, которые представляют собою качественные изменения, скачки в развитии явления. И в уголовном деле причинная связь может состоять либо из одного звена, либо из ряда звеньев.

Например, состав кражи предполагает непосредственную причинную связь между действием обвиняемого и наступившим результатом; в ней нет никаких посредствующих звеньев. Другой характер носит связь, предусмотренная ст. 211 УК Узбекской ССР. Пункт «в» этой статьи предусматривает ответственность, в частности, за передачу огнестрельного оружия или боеприпасов несовершеннолетним, «если это повлекло человеческие жертвы или иные тяжкие последствия». Здесь прямо предполагается наличие нескольких звеньев: обвиняемый создает возможность использования огнестрельного оружия, а несовершеннолетний непосредственно его применяет и причиняет смерть.

Для того чтобы в конкретном уголовном деле причинная связь между действием или бездействием обвиняемого и наступившими преступными последствиями была признана элементом состава преступления, она не только должна удовлетворять указанным выше общим требованиям, но и, кроме того, состоять из таких «звеньев» и включать только такие «привходящие силы», которые соответствуют смыслу данной уголовно-правовой нормы и, следовательно, являются в данном случае конкретным выражением той общей закономерности, которая лежала в основе создания этой нормы, учитывалась законодателем при установлении уголовной ответственности за данное преступление¹.

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

§ 3. Разновидности причинной связи

1. Прямая причинная связь. Характеризуя соотношение между действием и последствием, Б. С. Никифоров писал: «Последствие одновременно и принадле-

¹ Любопытно, что М. Д. Шаргородский, отрицающий возможность дифференцированного решения проблемы причинности, между тем является автором единственной работы, где вопросы причинной связи рассматриваются применительно к разным составам преступлений (см. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955).

жит, и не принадлежит действию... Можно сказать и иначе: последствие принадлежит и действию, и объекту»¹. Здесь описана лишь прямая причинная связь, состоящая из одного звена². Как указывалось выше, такая связь имеется, например, между действиями обвиняемого при грабеже или краже и наступлением преступного результата: причинением материального ущерба собственнику имущества. В самом деле, материальный ущерб, образующийся путем изъятия имущества, есть по сути дела внешняя сторона самого преступного действия: изъятие имущества неизбежно означает вместе с тем уменьшение его у собственника.

Прямая причинная связь может состоять и из нескольких звеньев. Так, при выстреле в человека происходит ряд процессов, заканчивающихся смертью. Эту связь мы также можем назвать прямой причинной связью, поскольку каждое ее последующее звено непосредственно вытекало из предыдущего, было им обусловлено и приведено в действие.

Отсюда видно, что под прямой причинной связью мы понимаем такое развитие событий, вызванное общественно опасным действием или бездействием и приведшее к преступному результату, которое происходило без присоединения других независимых сил, в частности без вмешательства других человеческих поступков.

Прямая причинная связь встречается в значительном количестве уголовных дел (убийство путем удара ножом или посредством выстрела; поджог дома; кража личного имущества; нарушение правил вождения автомашины, вызвавшее наезд на пешехода, и т. п.).

Многие нормы уголовного закона построены фактически в расчете на прямую причинную связь. Таковы составы кражи и грабежа в отношении социалистической и личной собственности, злостного неплатежа алиментов, сопротивления власти, сопротивления лицу, исполняющему обязанности по военной службе, дезертирства, оскорбления, побоев и т. д. Во всех этих случаях по-

¹ Б. С. Никифоров, Объект преступления по советскому уголовному праву, рукопись докторской диссертации, 1956, стр. 426 (цит. по работе А. Ф. М и х л и н, Понятие и виды последствий преступления, стр. 41).

² Таковую связь называют также непосредственной.

следствие связано с действием самым близким образом, причинная связь обычно протекает в короткие промежутки времени и, как правило, не вызывает каких-либо затруднений с точки зрения ее анализа при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

В прямой причинной связи с последствием может находиться не только действие, но и преступное бездействие.

В советской юридической литературе М. Д. Шаргородским была высказана точка зрения, что преступное бездействие не причиняет вредных последствий. «Дом не может сгореть и смерть не может наступить от бездействия»¹.

Верно, что в большинстве случаев связь бездействия с результатом является только обуславливающей, так как преступные последствия обычно наступают в результате активного вмешательства каких-либо сил. Бездействие не может служить прямой и непосредственной причиной активного изменения действительности.

Но если сами вредные последствия носят негативный характер, то бездействие вполне может находиться с ними в прямой причинной связи. Допустим, что некормление матерью новорожденного ребенка приводит к его смерти. Здесь преступное бездействие было прямой причиной голодания и прекращения жизни новорожденного.

Следует отметить, что понятие прямой причинной связи, которая не подвергается воздействиям извне, является несколько условным. Дело в том, что в реальной действительности любое развитие событий испытывает на себе влияние окружающей среды. При выстреле в человека на полет пули влияют особенности канала ствола, сила и направление ветра и масса различных иных факторов, не зависящих в своем происхождении от действий обвиняемого. Однако при прямой причинной связи эти случайные внешние факторы не оказывают существенного влияния на развитие событий, не меняют их основного направления. Несмотря на измене-

¹ М. Д. Шаргородский, Некоторые вопросы причинной связи в теории права, «Советское государство и право» 1956 № 7, стр. 51. См. его же, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1956, стр. 55.

ние силы ветра, пуля попадает в человека, и мы констатируем убийство. Если же эти факторы приобретают столь серьезное значение, что качественно изменяют направление развития событий, налицо связь другого типа (осложненная вмешательством внешних сил). Так, если в приведенном примере значительное изменение направления и силы ветра отклонило полет пули таким образом, что она попала в другого человека, причинная связь также будет налицо, но характер ее станет более сложным.

Прямая причинная связь всегда является элементом состава преступления и с объективной точки зрения достаточна для уголовной ответственности.

2. Причинная связь, осложненная вмешательством привходящих сил. Вмешательство во время развития причинной связи других независимых факторов может существенным образом изменить ее течение.

Сторож Т. по неосторожности ранил прохожего, приняв его за вора. Пуля пробила пряжку поясного ремня потерпевшего и осталась в брюшной полости. Хирург М., невнимательно обследовав больного, не заметил в ране осколков металлической пряжки. Кроме того, извлекая пулю, он по халатности оставил в брюшной полости больного марлевую салфеточку. В результате через три дня после операции больной умер от острого воспаления брюшины.

В данном случае причинная связь между действиями сторожа и смертью потерпевшего имеется. Однако это не прямая связь. Развитие событий осложнилось вмешательством действий хирурга, причем эти преступные действия не зависели от поведения сторожа.

Из приведенного примера видно, что в данном случае развитие событий проходит два основных этапа: 1) создание реальной возможности для наступления вредного результата и 2) действие новых независимых сил, претворяющих эту возможность в действительность¹.

¹ Эти силы именуется нередко привходящими силами, «прерывающими» течение причинной связи. Т. В. Церетели убедительно показала, что понятие перерыва причинной связи ненаучно, поскольку результат все же наступил («Причинная связь в уголовном праве», стр. 151 и сл.). Правильнее говорить об изменении характера причинной связи под действием этих сил.

Конечно, и при прямой причинной связи имеются такие этапы. Представим себе, что обвиняемый вначале создает обстановку для убийства, а затем его осуществляет. Но дело заключается в том, что при прямой причинной связи и тот, и другой этап осуществляются одним и тем же лицом, которое и несет за это уголовную ответственность. В данном же случае оба этапа осуществляются разными силами. Вопрос, возникающий при этом для уголовного права, можно сформулировать так: несет ли первое лицо, создавшее условия для наступления преступных последствий, уголовную ответственность за их наступление, если созданная возможность претворилась в действительность не его действиями, а в результате вмешательства новых независимых сил.

Анализ судебно-прокурорской практики приводит к положительному в принципе решению этого вопроса. Уголовная ответственность может наступить не только за прямое причинение лицом преступных последствий, но и в определенных случаях за создание условий (реальной возможности) для их наступления, если непосредственной причиной явились иные силы, в том числе поступки других людей.

Что представляют собою эти «привходящие силы», которые служат подчас непосредственной причиной вредного результата?

Для действий обвиняемого они обычно являются случайностями, так как причины их возникновения лежат вне деятельности обвиняемого¹.

Как указывалось выше, эти случайности учитываются еще при создании уголовноправовых норм. Значительная часть действий и бездействий, запрещаемых уголовным законом, является общественно опасной уже потому, что может причинить вредные последствия в результате вмешательства объективно случайных событий. Наиболее характерными в этом отношении являются нормы об уголовной ответственности за нарушение правил техники безопасности, производства строительных, гор-

¹ «Случайность — это то, что имеет основание и причину не в самой себе, не в сущности самих явлений, процессов, событий, вещей, а в другом, что вытекает не из внутренних связей и отношений, а из побочных или внешних связей и в силу этого может быть, а может и не быть, может произойти так, но может произойти и по-другому» («Категории материалистической диалектики», стр. 143).

ных работ, правил движения на транспорте, неоказание помощи больному, неоказание помощи людям, гибнущим на море, и т. д. В частности, к этой категории относится большинство норм, предусматривающих ответственность за преступное бездействие.

Так, ст. 14 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления предусматривает наказание за утрату или порчу вверенных для служебного пользования оружия, боеприпасов, средств передвижения, предметов технического снабжения или иного военного имущества вследствие нарушения правил их сбережения.

Действие или бездействие обвиняемого (нарушение правил сбережения) лишь создают условия для порчи или утраты имущества (например, оставление его без присмотра). Последствия же наступают непосредственно от действия иных сил (порча оружия в результате коррозии, хищение автомашины преступниками и т. д.), которые могут быть случайными для деятельности первого лица. Если же обвиняемый собственными действиями вызвал порчу оружия, он подлежит ответственности по ст. 15 Закона (умышленное уничтожение или повреждение военного имущества) или по статье уголовного кодекса о неосторожном повреждении государственного имущества.

Задача борьбы с вредными случайностями мерами уголовного права состоит не в том, чтобы исключить ответственность лиц, их допустивших, а в том, чтобы ликвидировать условия для их возникновения, в частности, не допускать таких поступков людей, которые создают опасную ситуацию, реальную возможность вреда, претворяющуюся в действительность под воздействием случайностей. Эта задача и выполняется путем создания упомянутых выше норм.

Вместе с тем ответственность лица за создание условий наступления преступных последствий обоснована не во всех случаях, как это имеет место при прямой причинной связи.

По нашему мнению, лицо, создавшее условия для вредоносного действия приводящих сил, может нести уголовную ответственность за наступившие последствия только тогда, когда оно имело обязанность предотвратить их наступление.

При этом объем обязанностей, основания, из которых они вытекают, а также пределы ответственности не одинаковы; они находятся в тесной зависимости от характера привходящих сил. Эта зависимость в общем виде может быть сформулирована следующим образом: чем большей самостоятельностью обладают привходящие силы, вмешавшиеся в развитие причинной связи, тем более узкими являются рамки ответственности лица, создавшего условия для наступления вредных последствий. И наоборот, ответственность лица за создание указанных условий тем шире, чем более закономерный характер носит действие привходящих сил.

С этой точки зрения целесообразно рассмотреть значение вмешательства следующих сил: а) сил природы и технических процессов; б) деятельности невиновного лица; в) вины потерпевшего; г) преступного поведения другого лица.

3. Вмешательство сил природы и технических процессов. Некоторые нормы уголовного права, а также требования технических правил и наставлений предусматривают обязанности различных должностных лиц, специально рассчитанные на предупреждение вредных случайностей, могущих наступить в результате действия сил природы или технических неисправностей (правила производства полетов, правила кораблевождения, противопожарные правила и другие подобные нормы). При нарушении указанных норм непосредственными причинами гибели самолета, аварии корабля и иных тяжелых последствий могут выступать случайные природные факторы (обледенение самолета, шторм, столкновение корабля с айсбергом, подводными рифами). Однако это ни в коей мере не освобождает от ответственности тех лиц, которые создали реальную возможность вредных последствий своими общественно опасными и противоправными действиями, так как их долг в том и состоял, чтобы предусмотреть и предупредить указанные случайности и их вредное влияние.

Наглядным примером является дело Б.-Н. и М. Обвиняемые (главный инженер и начальник смены строительства тоннеля) не приняли мер к прекращению работ и удалению рабочих от эстакады тоннеля, угрожавшей обвалом. В результате происшедшего обвала землей была засыпана группа рабочих, один из которых погиб.

Суд первой инстанции оправдал этих лиц на том основании, что причиной обвала явились тяжелые метеорологические условия зимы 1949/50 года, создавшие резкое изменение структуры грунта и избыточное количество воды в грунте, которое вызвало внезапный обвал большого массива земли, а также что просадка эстакады носила местный характер и объективных данных об угрожающем положении оползневого обвала не было.

Отменяя оправдательный приговор, Верховный Суд СССР указал, что в материалах дела имеются данные о том, что рабочие, предвидя обвал, предупреждали Б.-Н. и М. о грозящей опасности. «По делу необходимо... выяснить, что должны были предпринять Б.-Н. и М., обнаружив накануне обвала осадку эстакады и получив заявления рабочих об угрожающем положении»¹.

В этом деле непосредственной причиной несчастного случая явилось стихийное событие — обвал, однако условия для наступления преступного результата были объективно созданы нераспорядительностью соответствующих должностных лиц.

Принцип ответственности в случае вмешательства сил природы или технических процессов состоит в следующем: лицо, создавшее реальную возможность для вредоносного действия указанных факторов, может нести уголовную ответственность за наступившие последствия в полном объеме, если его действия являлись нарушением специальных правовых обязанностей, рассчитанных на предотвращение вмешательства этих факторов, либо если указанные действия представляли реальную общественную опасность в момент их совершения.

В приведенном выше деле К. и Г. действия обвиняемых, перевозивших пассажиров на перегруженной лодке через реку Березину, правильно были квалифицированы судом по статье о неосторожном убийстве, хотя фактически это последствие наступило в результате действия внешних сил (порыв сильного ветра, большое волнение на реке), а действия обвиняемых «лишь» создавали для этого необходимые условия.

Практика борьбы с преступлениями подобного рода наглядно опровергает мнение Т. Л. Сергеевой, что ответственность может наступать только при условии, что по-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 2, стр. 25.

ведение обвиняемого «претворило в действительность реальную возможность наступления... результата, созданную им самим, другими лицами или иными силами, или активно участвовало в этом претворении совместно с другими лицами или силами»¹. На самом деле ответственность может наступить и при создании возможности, реализуемой в действительность под воздействием посторонних факторов.

4. **Деятельность невинного лица.** Вмешательство человека в развитие причинной связи может существенным образом изменить ее характер. Человек, обладающий свободой воли в диалектико-материалистическом понимании этого термина, относительно самостоятелен в своих поступках, хотя и зависит от окружающей среды. Однако эта самостоятельность имеет различные степени. Правильное понимание закономерностей объективной действительности и деятельность в соответствии с этими закономерностями обеспечивают наиболее полное использование природы для целей человека. Вместе с тем могут быть случаи, когда в развитие причинной связи вмешивается человек, в силу тех или иных обстоятельств не осознающий особенностей сложившейся ситуации, и его невинные действия невольно причиняют вредный результат, условия для которого были созданы ранее действовавшим лицом.

При этом вопрос об ответственности первого лица за наступившие вредные последствия решается по-разному, в зависимости от того, правомерными или неправомерными были действия второго (невинового) лица.

а) Правомерные действия, в силу случайных обстоятельств повлекшие вредный результат, условия для которого были созданы заранее, по сути дела могут приравниваться к действию независимых природных факторов. Человек, совершающий правомерные действия, включен в общую взаимосвязь событий, происходящих в обществе, причем его деятельность подчинена не только механическим, физическим, биологическим, но и социальным закономерностям. Поэтому поступки такого лица не могут изменять пределы ответственности обвиняемого, который создал условия для наступления преступного результата. Преступник, толкнувший жертву под

¹ Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, стр. 90.

поезд, не может быть освобожден от ответственности за смерть человека на том основании, что ее непосредственной причиной было движение поезда, управлявшегося машинистом.

Уголовное законодательство знает ряд норм, в которых подразумевается последующая правомерная деятельность третьих лиц как непосредственная причина наступившего результата. Так, недоброкачественный ремонт транспортных средств (ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления) может повлечь тяжкие последствия в результате того, что эти транспортные средства правомерно эксплуатируются лицами, не знающими об имеющихся дефектах. В качестве «привходящих» звеньев, правомерные поступки третьих лиц могут иметь место в должностных преступлениях, в преступлениях против правосудия и др.

Для определения пределов и степени ответственности обвиняемого не безразлично, действовало ли невиновное лицо только под влиянием объективной окружающей обстановки или мотивы его правомерного поведения были искусственно созданы обвиняемым. Если выяснится, что обвиняемый сам толкнул другое лицо на такой поступок, который привел к вредным последствиям, хотя субъективно второе лицо действовало при этом без вины (например, было введено в заблуждение), то ответственность первого лица должна быть более высокой.

В деле Р. было признано, что основным виновником крушения поезда был главный кондуктор Г. Приняв на себя работу по опробованию автотормозов состава, он фактически опробование и подсчет тормозного нажатия не производил, а выдал фиктивную справку о наличии в составе поезда достаточного тормозного нажатия.

Этим Г. ввел в заблуждение дежурного по посту Р. и машиниста, которые были уверены в том, что тормоза находятся в нормальном состоянии. Дежурный по посту Р. отправил поезд на станцию Лиски. Там из-за недостаточного тормозного нажатия поезд остановиться не смог и столкнулся с маневровым составом. Произошло крушение¹.

Верховный Суд СССР прекратил за отсутствием состава преступления дело в отношении дежурного по по-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1954 г. № 1, стр. 16—17.

сту Р. (дело в отношении машиниста не возбуждалось), а Г. был осужден.

Повышенной ответственности подлежит начальник, отдавший незаконное распоряжение подчиненному, который, действуя невиновно, причиняет вредные последствия. В этом случае по сути дела имеет место так называемое посредственное причинение, т. е. использование другого лица в качестве средства совершения преступления.

б) Положение несколько изменяется в том случае, если невиновное поведение второго лица не было правомерным. В этом случае, хотя такое лицо в силу отсутствия вины и не подлежит уголовной ответственности, его деятельность выпадает из рамок общественно полезного поведения, она развивается вопреки положительным социальным закономерностям и с этой точки зрения представляет собою такое постороннее вмешательство в развитие причинной связи, на которое, как правило, не рассчитаны правовые нормы (и которое, кроме того, трудно предвидеть обвиняемому).

Ответственность первого лица за последствия, наступившие в результате присоединения общественно опасных, хотя и невиновных, действий постороннего лица, наступает лишь в тех случаях, когда обязанность контролировать поведение других лиц прямо предусмотрена в законе, или когда обвиняемый сам умышленно создал условия для подобных действий этих лиц.

Правовые нормы предусматривают подобную обязанность сравнительно редко. Это может касаться, например, воспитателей детских учреждений, а также лиц, обслуживающих душевнобольных. Но уже в отношении родителей возможность возложения на них уголовной ответственности за создание условий для неправомερных поступков детей является спорной.

Раньше в судебно-прокурорской практике нередко встречались случаи привлечения к ответственности лиц, оставивших без присмотра огнестрельное оружие, которым воспользовался ребенок, причинивший кому-либо смерть. Такие действия квалифицировались как неосторожное убийство. Теперь в связи с отменой принципа аналогии и сужением пределов уголовной ответственности наблюдается иная тенденция.

В. был осужден народным судом г. Петропавловск-Камчатский по ст. 139 УК РСФСР 1926 года (неосторожное убийство) к трем годам лишения свободы за то, что он, имея охотничье ружье и патроны к нему, небрежно относился к их хранению, в результате чего его шестилетний сын убил четырехлетнего мальчика.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор, указав, что В. ружье и патроны к нему, которые находились в сумке, вешал на стене комнаты на высоте 1,73 м от пола, причем у стены, где висело ружье, никакой мебели не было. Накануне несчастного случая жена В. в связи с тем, что над кроватью стал протекать потолок, передвинула ее к стене, на которой висело ружье. Утром В. ушел на работу, а жена, оставив в доме без присмотра четверых малолетних детей, ушла в кино. Шестилетний сын В. — Саша, воспользовавшись отсутствием родителей, встал на кровать, снял со стены ружье, достал из сумки патрон, а затем зарядил ружье и нечаянно выстрелил. Выстрелом был убит находившийся в комнате четырехлетний мальчик Р., который играл вместе с детьми В. Таким образом, указала Судебная коллегия, В., повесив ружье и патроны на высоте 1,73 м от пола на стене, около которой не было мебели, имел основание считать, что ружье и патроны находятся в месте, недоступном для малолетних детей¹.

Тем самым Судебная коллегия фактически указала на то, что действия В. не являлись созданием реальной возможности несчастного случая, не представляли в момент их совершения общественной опасности. Это утверждение правильно.

Надо полагать, что не создали такой опасности и действия жены В., передвинувшей кровать к стене, где висело ружье, и оставившей детей без присмотра. Как видно из материалов дела, ружье не было заряжено. Реальная опасность несчастного случая создавалась в результате действий их сына, в тот момент, когда он снял со стены ружье и сам зарядил его.

Вместе с тем Судебная коллегия привела еще один аргумент: «Если бы и была установлена вина В. в небрежном хранении оружия, то и в этом случае он не мог быть привлечен к уголовной ответственности за несчаст-

¹ См. «Советская юстиция» 1959 г. № 10, стр. 86.

ный случай с мальчиком Р., так как сам В. никаких общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом, не совершал, за вред же, причиненный его малолетним сыном, он может нести лишь материальную ответственность по правилам ст. 405 ГК РСФСР»¹.

Это положение имеет важное значение. Оно указывает на определенную тенденцию в советском уголовном законодательстве и судебной практике, связанную с более последовательным воплощением принципа персональной ответственности, согласно которому лицо несет ответственность за то, что совершило именно оно, своими собственными действиями. Эта тенденция применительно к рассматриваемым случаям проявляется в том, что из состава неосторожного убийства постепенно выделяются в самостоятельные составы случаи посредственного причинения². Так, новый УК Казахской ССР в ст. 204 специально предусмотрел ответственность за «небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для использования этого оружия другим лицом, если это повлекло тяжкие последствия».

5. Вина потерпевшего. Еще более узкими рамками ограничивается ответственность в случае вины потерпевшего³. За наступившие по вине потерпевшего преступные последствия лицо, своими действиями создавшее для этого условия, может нести уголовную ответственность лишь в очень ограниченных случаях: тогда, когда забота об указанных лицах является его прямой обязанностью.

Это положение касается главным образом двух случаев: нарушения правил по технике безопасности и нарушения правил движения на транспорте.

Лица, ответственные за соблюдение правил по технике безопасности, несут ответственность за допущенное

¹ «Советская юстиция» 1959 г. № 10, стр. 86.

² Указанная тенденция нашла отражение, в частности, в предложении И. И. Горелика квалифицировать случаи оставления лица в опасном для жизни состоянии, повлекшие смерть, по ст. 156 УК РСФСР (и соответствующим статьям УК других союзных республик), а не как убийство (см. И. И. Горелик, Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву, стр. 22).

³ Вопрос об уголовноправовом значении вины потерпевшего в нашей литературе не разработан. Следует указать, что этот термин применительно к уголовному праву является условным, так как под виной понимается психическое отношение к совершаемому общественно опасному действию, а неосторожные действия потерпевшего обычно преступлением не являются.

ими преступное нарушение даже в том случае, если несчастный случай непосредственно произошел по вине самого потерпевшего. В этом проявляется особая забота о жизни и здоровье трудящихся. Уголовноправовые нормы в этой области создаются с целью охраны жизни и здоровья людей не только от стихийных сил, но и от ошибочных поступков самих работающих, если нарушение условий труда создавало возможность возникновения вредных последствий.

Слесарь Ц. производил ремонт мостового крана в явно угрожающем его жизни положении. В результате этого он сорвался с тележки крана, находившейся на высоте 11 м, упал на цементный пол и разбился насмерть.

При расследовании этого дела было установлено, что начальник цеха К., дав Ц. задание отремонтировать кран, не проинструктировал его, не организовал подготовку рабочего места и допустил работу Ц., в нарушение правил по охране труда и техники безопасности, без спасательного пояса и подвесной люльки¹.

Тем самым К. создал возможность наступления несчастного случая, непосредственной причиной которого явилась неосторожность самого потерпевшего. Это обстоятельство не исключает ответственности К., хотя в известной мере и смягчает ее. Как правильно указывает А. Б. Сахаров, «вина потерпевшего при нарушении правил техники безопасности не исключает ответственности соответствующих административно-технических руководителей, которые вопреки своим обязанностям и имеющимся возможностям допустили подобное поведение потерпевшего, не устранили условия, при которых оно могло иметь место»².

Подобные же правила касаются и нарушений различных инструкций на транспорте. Повышенная опасность транспортных средств обуславливает известное расширение пределов уголовной ответственности для работников транспорта: они должны иметь в виду возможность не только правильного поведения граждан, соприкасающихся с этой областью, но и неправильного поведения,

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1955 г. № 1, стр. 14. См. также дело Р. и В., «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. VIII (XIII), М., 1948, стр. 18—19.

² А. В. Сахаров, Уголовноправовая охрана безопасности условий труда в СССР, стр. 154.

случайных ошибок, и потому несут ответственность даже за такие случаи создания условий своими преступными действиями, когда преступный результат наступает непосредственно по вине потерпевшего.

Правильно был привлечен к ответственности водитель Ш., который допустил проезд пассажира на подножке грузовой автомашины. В пути следования этот пассажир ударился о столб и погиб¹. Хотя пассажир проявил грубую неосторожность, водитель ответствен за наступившее последствие, так как им в нарушение правил движения были созданы для этого условия.

«Неосторожность потерпевшего, — говорится в определении Верховного Суда СССР, — не освобождает обвиняемого от ответственности за нарушение, повлекшее, хотя и по неосторожности потерпевшего, тяжелые для него последствия, которые могли бы быть устранены в случае недопущения инкриминируемого нарушения»².

Как указывалось выше, это положение нельзя, однако, рассматривать в качестве общего правила. Оно касается только тех случаев, когда на обязанности обвиняемого лежала забота о правильном поведении потерпевшего или предупреждение вредных последствий возможного неправильного поведения. Хотя это ограничение прямо не сформулировано в законе или судебных решениях, тем не менее в ряде определений Верховного Суда СССР по конкретным делам содержатся отдельные указания в этом направлении. Например, подчеркивается, что подсудимый не может нести ответственность «за самостоятельные, совершенные без его ведома или вопреки его указаниям действия лица, которое находилось в подчинении подсудимого, или к которому подсудимый был прикреплен для передачи опыта в работе»; за тяжелые последствия, наступившие «по неосторожности потерпевшего или третьих лиц, не принявших во внимание своевременно сделанного им предупреждения», за причиненный потерпевшему вред, «устранить который он не мог вследствие неосторожности самого потерпевшего»³, и т. д. Во всех этих случаях речь идет либо об отсутствии у подсудимого обязанности по предупреждению подобных

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1952 г. № 4 стр. 23—24.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 3, стр. 40

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 8, стр. 40.

вредных последствий, либо об отсутствии причинной связи между его действиями и результатом.

При отсутствии указанных обязанностей лицо не может нести уголовную ответственность за наступившие по вине потерпевшего вредные последствия, хотя бы это лицо объективно создало опасную ситуацию¹. В последнем случае ответственность может наступать лишь за фактически совершенное действие или бездействие, в частности, за поставление в опасность, если для этого имеются соответствующие условия.

Почему наличие вины потерпевшего значительно суживает границы уголовной ответственности первого лица? Потому что неправильное поведение потерпевшего представляет собою тот случайный фактор, на предупреждение которого не может быть рассчитано большинство правил поведения людей. Вменяемый, разумный человек, действующий в современном обществе, представляет собою относительно более самостоятельную силу, чем силы природы или технические средства, подчиняющиеся узкому кругу физических и иных естественных закономерностей. Поэтому в меру самостоятельности своего поведения и ответственности за собственные поступки он сокращает пределы ответственности первого лица, создавшего условия для наступления вредоносного результата.

6. Преступное поведение другого лица.

Преступное поведение второго лица означает, что это лицо действует сознательно, использует сложившуюся опасную ситуацию для своих целей или в случае неосторожности неосмотрительно совершает в данной ситуации такие действия, которые приводят к опасному результату. Естественно, что это лицо само несет ответственность за свои действия. Что касается первого лица,

¹ В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» указывается на ошибки судов, не учитывающих этого обстоятельства. Некто П. учинил дебош, во время которого родственникам пришлось держать его за руки и за ноги. У одного из державших, семидесятилетнего Г., страдавшего атеросклерозом, от сильного напряжения произошел при этом паралич сердца, повлекший его смерть. П. осудили по статье об умышленном убийстве. Приговор был исправлен Верховным судом республики, признавшим виновным П. не в убийстве, а лишь в злом хулиганстве (См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 4, стр. 45).

создавшего опасную ситуацию, то ответственность его за наступившие последствия, с объективной стороны, еще более ограничена; она может наступать лишь при том условии, что предотвращение преступной деятельности других лиц являлось для него специальной обязанностью.

Эта обязанность имеет место в трех случаях:

а) при соучастии. Первое лицо, например, достает второму оружие для убийства и тем самым создает условия для совершения преступления. Очевидно, деятельность второго лица при соучастии нельзя рассматривать как независимую линию событий, только «пересекающуюся» с поведением пособника или подстрекателя. Как правило, действия исполнителя являются прямым продолжением действий указанных соучастников;

б) при создании объективных условий для совершения неосторожного преступления, если при этом первое лицо добровольно приняло на себя обязанность по предотвращению возможного вреда.

Двум рабочим на строительстве было поручено принести с четвертого этажа строящегося здания корыто с цементом. Решив «упростить» дело, они договорились между собой о том, что один пойдет вниз и будет наблюдать, а второй по его сигналу сбросит корыто вниз из окна дома. Однако, поленившись спуститься вниз, первый рабочий дал сигнал, выглянув из окна. Второй сбросил корыто, которым был убит прохожий.

Суд, с нашей точки зрения, правильно осудил обоих лиц на основании ч. 1 ст. 108¹ УК РСФСР 1926 года за нарушение правил производства строительных работ, повлекшее тяжелые последствия. В данном случае первый рабочий сам принял на себя обязанность предотвращения вредных последствий и ее нарушил.

Спорным представляется в этой связи определение Верховного Суда СССР по делу Ч., в котором был выдвинут следующий общий тезис: «Действия виновного, хотя непосредственно и не причинившие смерти потерпевшему, но выразившиеся в создании по неосторожности условий, способствовавших причинению смерти третьим лицом, подлежат квалификации как неосторожное убийство»¹.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1948», вып. II, М., 1948, стр. 15.

Это положение является чрезмерно широким. Исходя из него, следовало бы, например, судить за неосторожное убийство человека, утерявшего нож, которым воспользовался преступник. Подобный общий вывод не вытекает, в частности, из самого дела Ч. Фабула этого дела состояла в том, что Ч. организовал стрельбу в бревенчатой будке, а М., стреляя вместе с Ч., пробил паз бревенчатой стены и смертельно ранил проходившую по улице девушку П. Правильность обвинительного приговора по данному делу в отношении Ч. вызывает серьезные сомнения. Хотя он и организовал стрельбу, но не был обязан предотвращать неправильные действия М¹. Подобное расширение ответственности первого лица за последствия, причиненные в результате неосторожных действий второго лица, противоречит принципу персональной ответственности;

в) наконец, третий случай — это специальная обязанность по предотвращению преступных действий других лиц, вытекающая из служебного положения обвиняемого.

Такая обязанность обычно возлагается на часовых, сторожей, работников милиции, некоторых материально ответственных лиц. В случае преступного нарушения своих обязанностей и создания тем самым условий для преступных посягательств со стороны других лиц работники указанных категорий могут нести уголовную ответственность за причиненные вредные последствия.

Это, однако, не означает, что их действия следует квалифицировать по тем же нормам закона, что и действия преступников, для которых были созданы условия (при отсутствии признаков соучастия)².

¹ Вряд ли можно признать убедительным обоснование этого приговора утверждением, что «смерть П. находится в причинной связи с подстрекательством Ч.» (М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Л., 1955, стр. 51). Понятие подстрекательства неприменимо для неосторожного преступления.

² В прошлом встречалась подобная, неправильная квалификация. Например, по делу Р. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала в 1947 году: «Р., хотя сам и не участвовал в расхищении социалистической собственности, но своей преступной деятельностью создал исключительно благоприятные условия для других преступников, которыми и было расхищено 64 т керосина и свыше 800 кг лигронна. За эти действия Р. должен нести ответственность по закону от 7 августа 1932 г.» («Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. I, (XXXV), М., 1948, стр. 15).

Милиционер, попустительствующий хищению, не может нести ответственность по закону об уголовной ответственности за хищение, но он может быть привлечен к ответственности за должностное преступление по признаку причинения существенного вреда. Таким образом, вредные последствия вменяются ему в вину.

За исключением перечисленных трех случаев, ответственность за последствия, непосредственной причиной которых являются действия другого лица, наступать не может. В судебной практике последних лет эти вопросы именно так и решаются.

Д., Б. и А. способствовали опьянению нанятого ими для поездки шофера такси К. (осужденного по данному делу), который, будучи в нетрезвом состоянии, вел машину с превышенной скоростью и совершил наезд на группу граждан. Указанные лица были осуждены по ст. 17 и ч. 2 ст. 54¹⁷⁻³ УК Туркменской ССР за пособничество в совершении аварии с человеческими жертвами и по ст. 202¹ того же УК¹. Президиум Верховного суда Туркменской ССР исключил обвинение в пособничестве, а квалификацию по ст. 202¹ признал правильной².

Исключена была ответственность первого лица за наступление вредных последствий и в следующем случае: С., сойдя с машины, взял с собой ключ от зажигания и в кабине оставил экскаваторщика Ш., который, вместо того, чтобы охранять машину, воспользовался уходом С., сел за руль, включил мотор и совершил аварию³. Думается, что, если бы С. и оставил ключ для зажигания в машине, ему все же нельзя было вменить в вину наступившие последствия, так как непосредственным их причинителем явилось другое лицо, за действия которого он не может нести ответственность⁴.

¹ Статья 202¹ УК Туркменской ССР предусматривает ответственность за «ведение автомашин лицами, находящимися в нетрезвом состоянии, а равно способствование опьянению водителей автомашин при исполнении последними служебных обязанностей, вне зависимости от последствий».

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 5, стр. 30.

³ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 10, стр. 10.

⁴ В случае умышленной передачи водителем управления машиной лицу, заведомо не имеющему на это права, наступившие вредные последствия могут быть инкриминированы как тому, так и другому, ибо здесь водитель сам принял на себя ответственность за поведение второго лица.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос об уголовноправовом значении неправильного врачебного вмешательства, в результате которого ухудшается состояние здоровья потерпевшего (в приведенном выше примере в результате халатности хирурга раненый погиб от острого воспаления брюшины).

Ответственность врача за совершенные им преступные действия не вызывает сомнений. Вопрос заключается в другом: могут ли вредные последствия, наступившие в результате неправильного врачебного вмешательства, вменяться в вину лицу, нанесшему ранение.

Очевидно, на этот вопрос следует ответить отрицательно. Поскольку преступные действия врача представляют собою самостоятельный, независимый фактор, первое лицо может нести ответственность лишь в пределах фактически им содеянного (в приведенном примере — за тяжкое телесное повреждение). Следует согласиться с положением М. И. Авдеева: «Результаты оказания медицинской помощи не должны отражаться на оценке тяжести телесного повреждения»¹.

По-видимому, по тем же соображениям и бездействие врача в современных условиях не может изменять юридическую оценку совершенных первым лицом преступных действий. Так, если обвиняемый ранил потерпевшего, который по халатности медицинских работников не был вовремя госпитализирован и умер от потери крови, наступившая смерть может быть инкриминирована обвиняемому (разумеется, при наличии субъективной стороны преступления), хотя бы было установлено, что при своевременном врачебном вмешательстве раненый мог быть спасен.

Такое решение вопроса носит, очевидно, исторически конкретный характер. Поэтому нельзя согласиться с общим утверждением, что вообще «социальная опасность действия не может зависеть от успехов или недочетов медицины»².

Оценивая степень опасности тех или иных действий, законодатель и суд, как указывалось выше, анализируют

¹ М. И. Авдеев, Медицинская квалификация телесных повреждений и некоторые юридические вопросы их квалификации, «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 9, М., 1957, стр. 30.

² Там же.

обстоятельства дела на фоне всей совокупности общественных условий. «Успехи или недостатки медицины» существенным образом сказываются на степени вероятности наступления тех или иных последствий (смертельного исхода в результате легкого ранения, заражения и т. п.). Возможно, в будущем многие опасные в настоящих условиях способы воздействия на человеческий организм (например, проникающая радиация) будут легко преодолеваться эффективным медицинским вмешательством, причем само отсутствие необходимой медицинской помощи будет рассматриваться как тот случайный фактор, который, в силу его исключительной редкости не может быть специально предусмотрен правовыми нормами. Это сразу же изменит его юридическое значение и бездействие врача будет исключать ответственность первого лица за наступившие последствия.

§ 4. Множественность причин

Из общего свойства всякой причинной связи — ее многозначности — вытекает, что одно деяние обвиняемого порождает совокупность вредных последствий, причем каждое преступное последствие носит сложный комплексный характер; другая сторона многозначности причинной связи означает, что каждое вредное последствие порождено множеством причин и все эти причины необходимо учитывать для правильного решения вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности, применении мер общественного воздействия или назначении ему меры уголовного наказания, а также для установления обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Согласно ст. 32 Основ уголовного законодательства «при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность».

Одним из этих обстоятельств, служит объективная роль действий обвиняемого в создании преступного результата, оцененная в сравнении с действиями или бездействием других лиц или иными причинами.

Наиболее характерным примером является ответственность соучастников, мера наказания для каждого из которых определяется в зависимости не только от степени опасности преступления, но и от степени их участия в данном преступлении (ст. 17 Основ).

Если и для ответственности соучастников недопустимо смешивать роль каждого из них в достижении преступного результата, то тем более недопустимо это в тех случаях, когда по делу имеется несколько обвиняемых, которые не являются соучастниками и не связаны между собой, хотя их действия в совокупности причинили преступный результат.

Общее правило состоит в том, что в таком случае за наступивший преступный результат в принципе ответственны все эти лица. Так, в определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу П. говорится: «В тех случаях, когда преступный результат наступил вследствие действий двух лиц при таких условиях, при которых несовершенство действий хотя бы одним из этих лиц устранило бы последствия даже при наличии действий второго лица, ответственность за последствия несут оба лица»¹.

Однако это отнюдь не означает смешения роли и ответственности каждого из этих лиц.

Напротив, необходимы самый точный дифференцированный учет роли действий каждого из них в причинении тяжких последствий и определение размеров ответственности в строгом соответствии с этой ролью. Назначенная мера наказания должна соответствовать значимости действий осужденного в создании преступного результата.

Между тем это правило не всегда соблюдается отдельными судебными работниками. Возлагая ответственность за тяжкие последствия на одного или нескольких обвиняемых, суды иногда не анализируют всей совокупности причин, обусловивших наступление этих последствий.

По делу М. и К. Пленум Верховного Суда СССР указал: «Предварительное и судебное следствие, сосредото-

¹ «Сборник постановлений и определений Верховного Суда Союза ССР, 1943 г.», М., 1948, стр. 75 (П. был осужден за столкновение судна, на котором он был капитаном, с другим судном. Но по делу выяснилась также вина капитана встречного судна).

чив свое внимание на М. и К. и возложив на них всю ответственность, исходило только из одного факта простоев, не вдаваясь в анализ вызвавших их причин, и тем самым не выявило других виновников простоев. Между тем, как видно из имеющихся в деле материалов, простои имели место и по вине агентов железной дороги, и по вине лиц, допустивших массовый внеплановый завоз зерна без своевременного предупреждения базы»¹.

Несколько иное положение сложилось в деле В. В данном конкретном случае Верховный Суд СССР указал на недопустимость недооценки роли действий обвиняемого на фоне объективных условий.

В определении по этому делу говорилось: «Основной причиной простоя цистерн явилось то, что В. не обеспечил правильной организации работ по сливу нефтепродуктов... Поступление цистерн западноевропейского образца, не приспособленных к разгрузке в условиях базы, а также случаи аварии бесспорно вредно отражались на работе базы, но эти обстоятельства не могут иметь решающего значения для объяснения причин больших непроизводительных простоев цистерн... Материалами дела установлено, что В., как хозяйственник, узковедомственно поняв свои задачи, безразлично относился к выполнению государственного плана перевозок и этим самым нанес значительный ущерб государству»².

Признавая обвительный приговор по делу В. обоснованным, Коллегия тем не менее не нашла необходимости в применении лишения свободы и заменила назначенное наказание одним годом исправительных работ. Одновременно было вынесено частное определение о недостатках в работе Главнефтебюта, способствовавших простоям.

Возможно, что среди лиц, чьи действия в совокупности послужили объективными причинами наступивших вредных последствий, некоторые не будут подлежать уголовной ответственности (по возрасту, ввиду отсут-

¹ «Сборник постановлений и определений Верховного Суда Союза ССР, 1940 г.», М., 1941, стр. 61; см. также определение Верховного Суда СССР от 7 июня 1952 г. по делу Г. («Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.», № 9, стр. 17) и другие определения.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1951 г.», № 3, стр. 21.

ствия вины и т. д.), тем не менее, для правильной оценки объективной роли и степени общественной опасности действий того лица, которое к уголовной ответственности привлекается, следует сопоставить его поведение с поведением всех прочих причинителей этих последствий, в том числе и потерпевшего, хотя они не несут уголовной ответственности. Лишь в таком случае будет правильно выяснена объективная роль поведения данного лица в причинении вредных последствий, что не может не сказаться на выборе меры наказания.

По делу М. и К. Пленум Верховного Суда СССР снизил наказание М., преступные действия которого повлекли общественно опасные последствия лишь в результате присоединения объективно опасных, но невиновных действий К. (К. оправдан)¹.

Возникает, наконец, вопрос о том, необходима ли оценка роли действий обвиняемого в том случае, когда в создании преступного результата принимало участие только одно лицо, которому соупотствовали силы природы.

Понятно, что все условия какого-либо результата никогда не создаются во всей их полноте исключительно человеческими действиями. Поскольку возможность совершения тех или иных поступков существует лишь в конкретной исторической обстановке, то такие ее элементы, как географические, климатические условия, предметы окружающей обстановки и т. п., имеются обыкновенно заранее и не требуют своего возобновления. Однако эти элементы обычно еще не представляют собою реальной возможности вреда; необходим ряд человеческих действий, а может быть, только одно действие или бездействие, которое и завершает ее создание. Это действие может быть даже весьма незначительным в физическом смысле, однако оно будет общественно опасным, поскольку без него не наступит преступный результат.

Судебные и прокурорские органы учитывают то обстоятельство, что не только поступок обвиняемого, но и естественные причины обусловили наступление результата, и в большинстве случаев смягчают ответственность.

¹ «Сборник постановлений и определений Верховного Суда Союза ССР, 1940 г.», М., 1941, стр. 68.

Шоферы Г. и Ш. на грузовых автомашинах по приказанию начальника выехали в рейс для перевозки имущества. Ответственным за поездку был Ф. В кузовах автомашин находились также четыре пассажира.

Ф. выяснил расположение места разгрузки имущества и, возвратясь к стоянке автомашин, встал на крыло передней автомашины, указывая шоферу Г. дорогу. Второй шофер Ш. поехал вслед за Г. на расстоянии 8—10 м со скоростью пешехода, ориентируясь по задним огням идущей впереди машины.

Путь подъезда к месту разгрузки имел спуск крутизной 15° и поворот до 80° . Дорога была малопроезжая, грунтовая, узкого профиля (до 3 м); с правой стороны ее имелся обрыв крутизной 85° . На повороте никаких указательных знаков, предупреждающих об опасности пути, установлено не было.

Во время рейса было темно, шел сильный дождь со встречным ветром, местность не была освещена. У автомашины, управляемой Ш., светила только одна левая фара, что было явно недостаточно при плохой погоде. При всех этих условиях Ш. не видел обрыва с правой стороны дороги, а Ф. об этом шоферов не предупредил.

При подъезде к месту поворота колеса второй машины заскользили, так как грунт дороги был мягкий и сырой, затем правые колеса машины сошли под откос, и машина перевернулась в обрыв вверх колесами. Находившийся в кузове пассажир Р. был убит, а пассажир П. получил легкое телесное повреждение.

Прокуратура признала, что в действиях шофера Ш. имеются признаки небрежности, выразившейся в принятии мер безопасности движения.

«Однако, учитывая, что старший колонны Ф. не принял надлежащих мер к предотвращению автокатастрофы, и зная, что справа от дороги имеется обрыв, не предупредил об этом шоферов, и принимая во внимание, что автокатастрофа явилась следствием сочетания ряда обстоятельств, не зависевших от Ш. (узкий профиль дороги, мягкий и сырой грунт, темнота, недостаточный свет у машины и отсутствие знаков, предупреждающих об опасности), предавать Ш. суду по настоящему делу нецелесообразно». Дело в уголовном порядке на основании ст. 8 УК РСФСР 1926 года было производством

прекращено. Ф. и Ш. были наказаны в дисциплинарном порядке.

По другому делу Пленум Верховного Суда СССР признал право суда войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР об освобождении осужденных от отбытия наказания по тем мотивам, что «на тяжелые последствия, помимо халатности осужденных, повлиял ряд посторонних обстоятельств»¹.

Таким образом, для оценки характера общественной опасности действий лица необходимо сопоставить их не только с действиями других обвиняемых или потерпевших, но и с естественными силами, оказавшими свое влияние на возникновение результата.

Особенно недопустима переоценка степени опасности действий обвиняемого в тех случаях, когда по тем или иным причинам он один из числа всех лиц, замешанных в преступлении, предается суду (прочие скрылись от правосудия, погибли и т. д.). В этом случае независимо от отсутствия других обвиняемых должна быть правильно определена доля действий каждого из них в причинении результата и степень объективной опасности их поведения.

Эта оценка дает возможность правильно разрешить вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности или применении к нему мер общественного, воспитательного воздействия. В случае привлечения лица к уголовной ответственности указанная оценка существенна при определении меры наказания. В ней находит свое отражение и та «степень причинения», которую А. Н. Трайнин считал важнейшей характеристикой причинной связи².

Выяснение всех причин наступивших вредных последствий необходимо также и для того, чтобы устранить те неполадки и организационные дефекты, которые содействовали совершению преступления. «Установив при рассмотрении дела обстоятельства, свидетельствующие о недостатках в работе того или иного учреждения

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР, 1947», вып. VI (XL), М., 1948, стр. 18. (дело Г. и Р.).

² См. А. Н. Трайнин, Вопрос о причинной связи в социалистическом уголовном праве, «Советское государство и право» 1951 г. № 5, стр. 31 и сл.

или предприятия, суд частным определением обязан довести об этом до сведения вышестоящих органов»¹.

Установление этих обстоятельств имеет особо важное значение в современной обстановке, когда основное внимание органов юстиции, предприятий, учреждений, всей советской общественности обращается на предупреждение правонарушений, на ликвидацию условий, способствующих их совершению.

В докладе на XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза тов. Н. С. Хрущев указал, что «когда будут активно действовать общественные товарищеские суды и сама общественность выделит людей для обеспечения общественного порядка, тогда гораздо легче будет бороться с нарушителями... Нужно предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключали появление у отдельных лиц каких-либо поступков, наносящих вред обществу. Главное — это профилактика, воспитательная работа»².

Основная роль в этой профилактической, предупредительной работе принадлежит в современных условиях широкой советской общественности. Однако от выявления условий, способствующих совершению преступлений, ни в какой мере не могут устраняться и государственные, в том числе судебные и прокурорские, органы. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» рекомендуется судам «систематически проводить работу по изучению причин и условий, способствующих совершению преступлений, и на основе полученных материалов ставить перед соответствующими организациями вопрос об устранении выявленных недостатков»³.

Примером тщательного изучения обстановки совершения преступления, которое дало возможность выявить обстоятельства, способствовавшие хищениям, может служить рассмотренное Московским городским судом дело по обвинению К., С. и др. Обвиняемые похитили

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1951 г. № 3, стр. 19 (дело В.).

² Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, стр. 122.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 декабря 1959 г., «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 1.

в швейном ателье различных тканей на 49 тыс. руб. Было установлено, что по вине инспектора по кадрам и директора ателье К., ранее не работавшая на материально ответственной должности, была назначена кладовщиком без проверки пригодности ее к работе. В ателье царила обстановка полной бесконтрольности: на протяжении восьми месяцев у К. в складе не было ни одной ревизии и снятия остатков; директор ателье за это время всего один раз посетил склад, но даже не поинтересовался работой К. и состоянием бухгалтерии. Между тем бухгалтер ателье С., пользуясь халатностью и попустительством должностных лиц, подделывала документы с целью сокрытия хищений¹.

Всестороннее изучение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, позволяет принять по делу правильное решение, обеспечивающее применение к виновному надлежащих мер государственного принуждения или общественного воздействия, а также ликвидировать те причины и условия, которые сделали возможным это преступление. Тем самым не только создаются препятствия для воплощения антиобщественных целей и намерений лица в объективное внешнее поведение, но и устраняются сами причины этих антиобщественных мотивов.

Сказанное свидетельствует о том, что, хотя для анализа причинной связи между деянием обвиняемого и наступившим преступным результатом необходимо искусственное, временное изолирование этой связи, выделение ее из всеобщей взаимосвязи событий и явлений окружающей действительности, однако, это только первый этап исследования. Полное, законченное представление о совершившемся не может быть получено на основе анализа этих изолированных звеньев; оно создается тогда, когда следователь, прокурор, суд мысленно вновь воссоздают всю картину события, делая это на основе глубокого анализа всех причин и условий, вызвавших совершение общественно опасного деяния и наступление преступного результата, с учетом конкретной обстановки совершения преступления, личности виновного и всех обстоятельств дела.

¹ См. В. Златкович, Судебное исследование обстоятельств, способствующих совершению преступлений, «Социалистическая законность» 1960 г. № 1, стр. 71—72.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ объективной стороны преступления приводит к выводу о том, что она представляет собою опасный для социалистического общества процесс развития событий, подчиняющийся определенным, не только естественным, но и социальным закономерностям. Обусловленные характером совершаемых действий и окружающей обстановкой, эти закономерности находят свое отражение в уголовноправовых нормах, запрещающих совершение опасных для социалистического общества поступков, а через эти нормы — и в судебно-прокурорской практике. Из этого вытекает ряд практических выводов.

Коль скоро объективная сторона преступления есть единый закономерный процесс, то, следовательно, каждый ее элемент представляет собою звено этого процесса и подчиняется тем же закономерностям.

Так, действие (бездействие) обвиняемого может иметь уголовноправовое значение лишь постольку, поскольку оно явилось начальным звеном процесса становления преступного последствия; следовательно, оно должно уже во время совершения представлять общественную опасность для охраняемого законом объекта.

Наступившее вредное последствие, как конечное звено указанного процесса, должно быть однородным по своему характеру с тем действием (бездействием) обвиняемого, которое ставится ему в вину.

Закономерный процесс всякого развития осуществляется через множество случайностей; присоединение, вмешательство случайных независимых сил не прерывает причинной связи между действием обвиняемого и на-

ступившим преступным последствием и в принципе не исключает уголовной ответственности, но лишь постольку, поскольку это соответствует тем общим социальным закономерностям, которые лежали в основе создания данной уголовноправовой нормы.

Из общего свойства всякой причинной связи — ее многозначности — вытекает, что одно деяние обвиняемого порождает совокупность вредных последствий, причем каждое преступное последствие носит сложный комплексный характер; другая сторона многозначности причинной связи означает, что каждое вредное последствие порождено множеством причин, и все эти причины необходимо учитывать для правильного решения вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности, применении мер общественного воздействия или назначении ему меры уголовного наказания, а также для установления причин и условий, способствовавших совершению преступления.

Закономерный характер объективной стороны преступления находит свое закрепление в уголовноправовой норме. Это означает, что многие основные вопросы уголовного права, касающиеся оснований и пределов уголовной ответственности, практически разрешаются уже законодателем. Норма четко очерчивает границы уголовной ответственности, и судебно-прокурорская практика, имеющая дело с конкретными преступлениями, не может выйти за пределы этих границ. Все случайные особенности объективной стороны преступления могут иметь уголовноправовое значение лишь в рамках закономерностей, отраженных в соответствующей форме.

Понимание этого обстоятельства способствует повышению авторитета советского закона, укреплению социалистической законности в практической деятельности органов правосудия. Оно означает, что для правильного разрешения конкретного уголовного дела необходимо строго соблюдать все требования закона; вместе с тем оно предостерегает против формального отношения к закону, когда за буквой диспозиции не видят смысла и целенаправленности правовой нормы, тех объективных закономерностей действительности, которые она отражает. Однако юридическая норма при всей ее необходимости и целесообразности всегда остается лишь общим

положением, абстрактным правилом. Конкретные обстоятельства дела могут быть в полной мере учтены только в судебно-прокурорской практике.

Судебная деятельность носит не механический, а творческий характер. Применяя закон к конкретному случаю, суд самостоятельно разрешает и некоторые общие вопросы,— например, о том, какая степень общественной опасности деяния или какая степень тяжести наступивших последствий может быть признана достаточной для наступления уголовной ответственности.

При этом важно подчеркнуть два момента: во-первых, судебные и прокурорские органы решают указанные вопросы исключительно в рамках закона, не выходя за его пределы; во-вторых, решение принимается на основе тех же исходных положений и принципов, которыми руководствовался законодатель при разрешении соответствующих проблем.

В новом уголовном законодательстве и судебно-прокурорской практике наблюдаются сильные тенденции в направлении дальнейшей «материализации» уголовно-правовых понятий, норм и институтов. По линии законодательства это выражается в том, что повышается роль «материальных» составов преступлений, а значение «формальных» — снижается. По линии судебно-прокурорской практики все большее значение придается анализу того конкретного фактического вреда, который деянием обвиняемого причинен социалистическим общественным отношениям, хотя бы этот признак и не был специально указан в диспозиции соответствующей нормы.

Учитывая и осуществляя указанные тенденции в рамках действующего закона, судебная практика оказывает вместе с тем обратное воздействие на уголовное законодательство, способствуя его дальнейшему изменению и совершенствованию в соответствии с изменившимися историческими условиями.

Правильное понимание этих положений, вытекающих из социальной и юридической природы состава преступления, должно содействовать борьбе с шаблоном и формализмом при рассмотрении конкретных уголовных дел. Задачей каждого органа юстиции является точное применение закона в соответствии с его смыслом и тщательная индивидуализация ответственности виновного.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр. 3

Введение

Глава I

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1.	Понятие объективной стороны	7
§ 2.	Объективная и субъективная стороны преступления. Зависимость объективной стороны преступления от субъективной стороны. Зависимость субъективной стороны преступления от объективной стороны	12
§ 3.	Объективная сторона и обстановка совершения преступления. Понятие обстановки совершения преступления. Непосредственное влияние обстановки на объективную сторону преступления. Влияние обстановки совершения преступления на поведение лица	22
§ 4.	Объективная сторона и уголовноправовая норма. Закономерности общественных явлений и их отражение в правовой норме. Объективная сторона преступления и состава преступления. Объективная сторона и диспозиция статьи	34
§ 5.	Значение объективной стороны преступления. Объективная сторона и оснований уголовной ответственности. Значение точного описания объективной стороны в законе. Значение установления признаков объективной стороны в судебно-прокурорской практике	48

Глава II

ПРЕСТУПНОЕ ДЕЙСТВИЕ И БЕЗДЕЙСТВИЕ

§ 1.	Понятие преступного действия. Основные признаки преступного действия. Способ совершения преступления. Объективные границы преступного действия. Значение конкретности действия	66
§ 2.	Понятие преступного бездействия. Отличие бездействия от действия. Возможность действовать. Границы преступного бездействия. Длющиеся преступления	84
§ 3.	Общественная опасность действия (бездействия). Понятие опасности способа действия (бездействия). Оценка опасности способа действий законодателем. Опасность совершенного действия в конкретном преступлении	98
§ 4.	Противоправность действия (бездействия). О понятии противоправности. Прямая уголовная противоправность. Смешанная противоправность. Уголовная противоправность	115

243

ПРЕСТУПНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

- § 1. **Природа преступных последствий.** Понятие преступных последствий. Основные и дополнительные последствия. Структура преступного последствия. Преступные последствия и уголовная ответственность 131
- § 2. **Фактическое наступление преступных последствий.** «Формальные» и «материальные» преступления. Факт наступления преступных последствий. Характер наступивших последствий. Степень тяжести последствий. Значение последствий, не указанных в диспозиции 156
- § 3. **Возможность наступления вредных последствий.** Природа возможности последствий. Абстрактная и реальная возможность. Две тенденции в законодательстве и судебной практике 170

Глава IV

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ

- § 1. **Понятие и значение причинной связи.** Основные черты причинной связи. Значение причинной связи в уголовном деле. Понятие необходимого условия 140
- § 2. **Характер причинной связи.** Постановка вопроса. Необходимая и случайная причинная связь. Причинная связь как элемент состава преступления 197
- § 3. **Разновидности причинной связи.** Прямая причинная связь. Причинная связь, осложненная вмешательством приводящих сил. Вмешательство сил природы и технических процессов. Деятельность невиновного лица. Вина потерпевшего. Преступное поведение другого лица 212
- § 4. **Множественность причин** 232
- Заключение 240

Кудрявцев Владимир Николаевич
«ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Редактор Т. П. Шуракова
Обложка художника А. П. Купцова
Художественный редактор Ю. В. Алексеев
Технический редактор Н. М. Тарасова
Корректор Е. В. Крюкова

Слано в набор 18/VI-1960 г. Подписано к печати 27/X-1960 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 7,63; условн. печ. л. 12,51; учетно-изд. л. 13,65. Зак. 2844. Тираж 7000. А-09092. Цена 6 р. 85 к. С 1/1-1961 г.—69 коп.

Госюриздат—Москва, Б—64, ул. Чкалова, 38—40

Ивановская областная типография, г. Иваново, Типографская, 6.